

ХРОНИКИ БАЛЬТАЗАРА

СЕРИЯ РАССКАЗОВ

КОГДА ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ - ЭТО ГЛАВНЫЙ ЗЛОДЕЙ

ВЛАД БОДИКОВ

18+

Annotation

Бальтазар Кроненгард – некромант, распутник, эгоист, не знающий морали, и ваш новый любимый персонаж. Окончив обучение тёмным колдовским искусствам, молодой мужчина вступает на амбициозный путь порабощения человечества. Царица-тьма зовёт вперёд, маски старых учителей сквозь воспоминания оберегают от неприятностей, а ретивое сердце и бойкий нрав движут навстречу приключениям и только к победам. Не важно где: в дуэли, в постели, на поле боя или за карточным столом. Его не волнует, где ему рады, его не зовут – он сам приходит. Каково это, быть ребёнком, которого родили только ради принесения в жертву? Не он стал таким, это жизнь его таковым сделала. А раз такова жизнь, он предпочёл выбрать смерть. Добро пожаловать в мир, где ваш главный герой – это главный злодей!

Воронье карканье гремело оглушительной какофонией погребальных колоколов над остывающим полем боя. На их зов слетались стервятники с ближайших земель, чтобы попировать истерзанными телами, обгладывая кости бесславно погибших. На многих лицах, что виднелись из-под забрал перекошенных, смятых и нередко обугленных шлемов, застыло выражение невыносимого ужаса, спасением от которого в наилучшем исходе выглядела лишь сама принятая смерть.

Кронхольд был разбит, а барон Казир побеждён. Битва была окончена, и победа в ней была за уставшим, едва уже способным дышать, молодым некромантом. Магический ветер вокруг утихал, перестав тревожить каскад его светлых прядей. Всё кругом замирало в преддверии грядущего рассвета.

Было уже довольно светло. Хотя лезвия первых лучей ещё не пронзили горизонт, врываясь в мир тем самым мериллом, отсекающим каждый народившийся новый день от утратившей свои господствующие силы эбонитовой ночи. Усталость делала тело неповоротливым, с каждым вдохом мужчина чувствовал, как воздух вокруг сменяется с ночного на дневной. Слишком много энергии забрала эта схватка, впрочем, ничего другого он и не ожидал.

Туман медленно рассеивался, оставшись седыми стадами ближе к лесным опушкам поодаль. Сиренево-чёрное пламя и малиновые спирали колдовских витков вокруг бродячих скелетов исчезали, и кости их, не скреплённые никакой плотью, падали вниз, погребённые остатками доспехов, лязгом проржавевших клинков и одеялом изодранных, практически истлевших тканей.

Призраки почти развеялись, покидая этот мир. Зомби бесцельно ковыляли, падая без сил и на колени, и плашмя, теряя все свои силы, тем самым присоединяясь к покойникам вражеской армии. Всякая нечисть расползалась по тёмным уголкам, надеясь пережить губительное солнце в своих глубинных норах, преисполненных первородной непроглядной черноты. Запахи крови и свежей мертвечины манили с ближайших глухих лесов и погостов стригоев и упырей, но те предпочли спрятаться от наступающего дня в убежищах и склепах. Не захотели высовываться на побоище накануне царства рассветных лучей. А место битвы уже готовилось стать для них роскошным нежданным пиршеством на ближайшие ночи.

Солнце величаво поднималось над горизонтом. Сперва, казавшееся красным в рассветных кровавых разводах на небосводе, становясь огненно-рыжим, оно сверкало всей своей мощью. Затем уже ярко-жёлтое, золотисто-белое, светило наливалось силой нового дня в своей лучезарной короне. То, чего ждали войска Кронхольда, на что молился барон Казир, дабы свет этот прогнал все полчища, приведённые сюда некромантом. Увы, главное подкрепление людской армии в виде небесного светила прибыло к сражению слишком поздно.

Молодой человек с фиалковым взором из-под сбившихся, лезущих в глаза волос цвета платины, бросил взгляд на отчасти разрушенный замок. Его не особо волновало внешнее состояние постройки, так он выглядел даже более грозным и зловещим, почти заброшенным. Волновал его обломок меча в руке.

Верный полуторный «бастард» с шестигранным сечением был сломан о булаву обычного рядового пехотинца, почти безродного солдата. Его останки, как и то самое оружие с

округлыми шипами на шарообразном изголовье, валялись где-то здесь, неподалёку.

Мужчина вздохнул, ещё раз посмотрев на сломанное лезвие, и медленно разжал пальцы, как бы прощаясь с эфесом в виде чешуйчатой змеи, кусавшей щит узора оборонительной чаши и с оскаленной собачьей головой, украшавшей навершие. Меч был с ним много лет, ещё с Кастора. Прошёл через немало преград, а теперь некромант был вынужден с ним навсегда расстаться. Он мог многое. Он был теперь новым бароном на этих землях. Бальтазар Кроненгард призывал полчища тьмы, рвал ткань времени, открывал inferнальные дыры порталов, поднимал мёртвых... Но, увы, кузнецом никогда не был и свой клинок починить уже не мог.

Несмотря на усталость, спать отчего-то совсем не хотелось. Да, магия его изнурила, а вот сам бой раззадорил, да ещё быстро кончился. Он хотел вызова. Ждал какую-то затяжную финальную дуэль, желал опасности и риска. Хотел узреть это проклятое солнце, что испепелит большую часть армии, одних обессилит, других разгонит... Он жаждал показать, на что способен при свете дня. А всё закончилось даже до рассвета.

Конечно, можно было бы совсем пуститься в какой-то дотошный тотемизм, выискать все осколки клинка и отнести на переплавку, но так заморачиваться и ползать на карачках среди окровавленной травы и павших воинов ему совершенно не хотелось. Да и царица-тьма нашёптывала на ухо:

– Оставь его, найдёшь другой. Он тебе уже не нужен... – женский мягкий шёпот звучал всегда откуда-то из-за спины.

– Как и я для тебя однажды стану ненужным, да? – прожурчал бархатистый мужской баритон.

Она общалась с ним мысленно, по крайней мере, обычно никто не мог слышать её шёпот кроме него, даже Гродерик, наставник по чёрным книгам. Бальтазар же предпочитал отвечать ей вслух. Когда-то, в далёком детстве, старик Редгар учил его, что ангелы слышат только мысли, а демоны – только слова. Но к какому типу существей относится сама царица-тьма, молодой некромант не знал. Однако же чувствовал, что мысли скрыть от своей наставницы, скорее всего, не получится.

Потому что царица-тьма – это не просто ночь, которая уже давно развеялась и отступила с приходом рассвета. Это нечто глубинное, древнее, почти за гранью человеческого понимания. Она пронзала его суть, его разум, его душу, была где-то внутри и обволакивала снаружи. Иногда ему казалось, что он просто её марионетка, но старался всё же не терять рассудок, а придерживаться убеждений, что каждый свой выбор совершает сам, согласно личным желаниям.

Ответа не последовало. Молодые крепкие пальцы кое-как причесали на голове волосы, чтоб не лезли в глаза, проверили застёжки плаща в виде вороньих голов, заодно ровнее поправив накидку. Серебристая бахрома эполетов на плечах не повредилась, застёжки косоного мундира, выделанного чёрной кожей молодых ягнят, были на месте. Тёмный маг мало участвовал в самой схватке, а мог бы и вовсе наблюдать со стороны. Это бы ничего не поменяло, разве что сохранило бы меч.

Но это как раз было одно из личных глубинных желаний. Не стоять, как дряхлый старик с каким-нибудь посохом, а пойти в гущу сражения и показать, чего он стоит в ближнем бою без всех этих клубящихся черепов из дыма, пронзающих лучей, чёрных потусторонних разрядов... Чего ради? Потешить собственное самолюбие. Доказать что-то самому себе, ведь уверенность в победе была с ним от начала и до конца.

И этой битвы ему не хватило. Раз не хотелось спать, можно было навести ужас на ближайший городок. Стереть какое-нибудь сельское поселение с лица земли, поработив души и взяв во служение тела тамошних жителей. О нём должны слагать страшные легенды и пугать непослушных детей. Цель – стать настоящим свирепым чудовищем, чтобы слава о его могуществе прогремела на всю долину, а то и дальше, к степям Кернана, к горам Бушваля, на юг, к рисовым полям, и на север к самодовольным королевствам.

Жизнь столько раз подводила и обманывала его, что лишь в смерти он нашёл своё предназначение. Лик добра был искажён ложью, корыстью и интригами. Быть ребёнком в семье, которая родила тебя лишь для того, чтобы принести в жертву – то ещё удовольствие. Любовь и искренность были лишь гротескными уродливыми масками, чьё мерзостное безобразие, скрывавшееся под ними, не поддавалось описанию даже всей вереницей чувств, которые ощущало покрытое чёрным льдом сердце.

Но теперь он сам стал хозяином своей судьбы. Да, не без влияния старика Редгара. Не без поучений Сульги Тёмной, лесной ведьмы и своей первой наставницы. Не без изнурительных, закаливших его тренировок в Касторе у сэра Даскана, который и научил Бальтазара обращаться с мечом. И, конечно же, не без Гродерика Черноуста, за семь последних лет сделавшего из него своего лучшего ученика тёмной магии.

И сейчас, на двадцать шестом году жизни, он уже покорил барона Казира, уничтожив всю его охрану и ополчение. Можно было собирать урожай из соседних деревень. А заодно найти там толкового кузнеца, среди изделий которого чернокнижник хотел подобрать себе новый хороший клинок, так как без меча чернокнижник вдруг ощутил себя каким-то не целостным, будто теперь чего-то не хватало.

Старые ножны с гравировкой огнедышащих демонических собак о двух головах были сняты с пояса. Нет смысла искать другой клинок, который в них идеально подойдёт по размеру. Что он, детская сказка про туфельку что ли? История верно служившего, но, увы, отжившего своё лезвия, была окончена. Этот этап оставался позади, нужно было двигаться дальше.

Подбирать замену прямо с места сражения он сейчас не стал, решил присмотреть по пути у торговцев. А заодно у каждого такого городка должен быть свой чародей-покровитель, с ним-то и можно будет прилюдно устроить дуэль. Чтобы потом народ, из числа не пополнивших своей гибелью его армию нежити, с ужасом бежал и рассказывал о его триумфе, вопиющей жестокости и несказанном могуществе.

И даже на руку, что он потратил немало сил на колдовство в этой битве. Так было гораздо интереснее: посмотреть, что могут здешние волшебники, попытаться расплести чьё-нибудь заклятье ещё на подлёте или умело контратаковать, применяя всё, чему его учили. Мало было завоевать Кронхольд, забрав силой замок. Нужно было ещё хорошенько встряхнуть все ближайшие города и деревеньки.

Яротруск был ближайшим таким поселением на его пути. Городок немаленький, но смотря с чем сравнивать. Высокие чёрные сапоги наружной тугой шнуровки несли чернокнижника неторопливыми шагами по песчаным и каменистым дорогам. Ни телег, ни путешественников в ту или в другую сторону не встретилось. Ленивое начало дня местные встречали без особой суеты.

К удивлению путника, в городке было немало мужчин. Кажется, не все примкнули к ополчению барона, иначе б здесь повсеместно слонялись только женщины и дети. Вид у жителей был понурый, словно они уже заведомо знали, какую судьбу им готовил чернокнижник.

Но при этом никто не обращал на него никакого внимания. Все в простецких рубахах, льняных накидках и курточках, кто-то в смятых пыльных жилетках, кто в епанче приглушённо-зелёного оттенка, словно для лесной маскировки, – видимо, здешние охотники. И никому нет дела до грозного аристократа в дорогой одежде – серебристо-чёрном мундире, мрачных кашемировых брюках и тёмно-фиолетовом с внутренней стороны плаще, подобранном чуть ли не идеально под цвет глаз.

Им не надо было тут же охать, ронять всё из рук, признавая в нём тёмного мага, и удирать прочь. Следовало хотя бы выказать уважение знатной персоне, почтившей их своим присутствием. Бальтазару нравились внимание и поклоны. Эти моменты, когда его умоляли пощадить и сохранить жизнь. Тогда он и вправду ощущал себя властителем душ и судеб, важной персоной, чьи решения влияют на ход движения этого мира.

Вдыхая, женщина несла на своих плечах красное деревянное коромысло с пустыми вёдрами, глядела лишь себе под ноги и едва не врезалась в некроманта. Позади неё вдали виднелся центральный колодец, однако со всех мыслей мужчину сбил звук внезапно распахнувшихся двойных дверей заведения справа, откуда люди дружно вышвырнули голого дворфа, что-то там озлобленно бормотавшего.

Он был коренаст, весьма мускулист, с кожей цвета красной глины и весь блестящий, будто покрытый маслом или потом. С тёмной, оформленной в крупные колосья косичек бородой и также заплетёнными усами, венчавшимися снизу металлическими кольцами. Да и волосы его, оттенка медвежьей шкуры, представляли собой свалевшиеся «стебли» дредлоков, уложенных косматой гривой назад.

– Да сказал же, заплачу чуть позже! – прикрывался голозадый дворф небольшим белёсым полотенцем.

Недовольный бурчащий голос его был низким и кряхтящим, напоминал скатывающийся в горный ручей небольшой камнепад. Широкий нос с округлым кончиком шумно сопел, раздвигая крылья крупных ноздрей. А густые брови, как лохматые гусеницы, и вовсе, казалось, жили своей жизнью. Будто мимика дворфа в чём-то была даже побогаче людской, выписывая в его недовольном настроении невероятные ужимки широкого лица.

– Что б духу твоего здесь больше не было, голодранец! – визгливо кричала на него в дверях статная дама в бордовом платье и тёмно-зелёной накидке на плечах с высоким накрахмаленным воротником, а близстоящий к ней чернобородый мужчина грозил кулаком.

– Никакого понимания о долгах и возвратах! Что за отсталый народ! – причитал гном. – Какие отсталые люди, однако! Сказано им «запишите на мой счёт», значит, верну попозже.

Что суетится-то сразу?! Что так нервничать?! – спешно побрёл он прямо так, босяком, по песчаной улочке.

Где-то там, сзади, взвизгнули тонкими голосками гулявшие девчушки-подружки, кто-то шутиливо присвистывал и посмеивался, а одна пожилая дама упала в обморок. Так или иначе, появление этого бородача хоть как-то оживило атмосферу уныния, царящего на городских улочках, где все с грустными лицами неторопливо шагали по своим делам.

Бальтазар даже не стал провожать его взглядом. Ещё подумают о нём что-то не то, если он станет тут голых дворфов рассматривать. Но тип был и вправду странный да любопытный. Некромант никогда не был в Яротруске и местных порядков не знал. Да и к чему это всё, если он собирается испепелить и разрушить в щепки эти постройки.

В задумчивости пальцы правой руки коснулись колючего подбородка. Небольшая щетина давала о себе знать, последние пару дней он был слишком занят, чтобы приводить себя в порядок – собирал и вёл отряд на замок местного барона. Мелькнула странная мысль: не заглянуть ли к здешнему брадобрею перед тем, как всех вокруг истребить. Воспользоваться гостеприимством городка, прежде чем здесь останется лишь грузный вой стенающих призраков среди смрадной черноты и inferнальных переливов тлеющих углей.

Чем ближе к центру, тем чаще попадались различные торговые лавки. У одного морщинистого мужчины, что покуривал трубку из вишнёвого дерева, как раз лежали различные мечи и боевые топоры. Он аккуратно разложил их на багряное, в причудливых белых узорах, покрывало. Этот господин с тёмным полумесяцем густой короткой бороды сидел в красной феске на голове и поджидал покупателей на свой товар, прислонившись к стене.

Там путник и остановился, чуть склонившись, и долго выбирал, изучая глазами, что бы такое себе присмотреть. Для подобного городка мечи выглядели слишком уж хорошими, вряд ли местной работы. Бальтазару подумалось, уж не пособирал ли торгош их по-быстрому с недавнего поля боя, умудрившись попасть сюда другим, более коротким путём, но вооружение солдат барона по большей части уступало качеству этих клинков. Иначе бы некромант уже сам по окончании схватки, да ещё при солнечном свете, присмотрел бы себе какой-то трофей.

– Подходи! Подходи, разглядывай! – маячил перед его глазами жестами простираемых смуглых рук выходец из жарких земель Таскарии, который, видимо, был здесь проездом. – Выбирай, что понравится! Смотри, какой клинок! А вот этот! Вот этот-то как хорош! – тараторил он, мешая Бальтазару сосредоточиться. – Ах, какой тесак! Так мясо будет рубить! Нет? Да ты не торопись, гость! Подумай! Кинжал на пояс возьми. А то, как так, такой путник и без кинжала ходит! – разглядывал он наряд некроманта. – Полдня ещё в городе побуду, присматривай поскорей да бери! Цены низкие, в таких городах мы наценку не делаем, господин. А товар хороший, сам видишь. Глядя на тебя, как в картах вижу, что в оружии такой молодой человек уж точно разбирается.

– А этот эсток в какую цену? – изучал новоявленный барон-чернокнижник красивую гарду в виде вороньего клюва, которая идеально бы подошла к застёжкам для плаща на его мундире. – Хотя нет, с двуручным будет неудобно колдовать, а вот этот фальчион ничего... Или вот, с идеально ровными кромками... Но мне бы полторный, как был, – вздохнул он, так ничего и не выбрав, и отошёл от торговца.

А сиреневый взор вновь устремился на колодец по дороге к центральной площади. И там, с краю, он заметил волшебника в бурой мантии с золотой тесьмой по кайме плеч, с

широкими, в густых складках, рукавами, напоминавшими разлитую карамель. Под ней виделась белая рубаха и красивый колдовской пояс с угловатым украшением. Посох из красного дерева венчался фигурой из взвинченных козлиных рогов молодых особей, меж которыми был зажат крупный янтарный шар.

Гродерик учил Бальтазара, что янтарь свидетельствует, вероятнее всего, о небольшой мощи чародея. Могучий волшебник поставил бы рубин, изумруд, сапфир, что-то существенное. Янтарь был для магов-бедняков, если можно так выразиться. Даже громадная жемчужина, и та смотрелась бы престижнее, не говоря уже про обсидиан или агат, впрочем, чёрными камнями свои посохи мало кто любил украшать.

По смуглой коже проще всего было предположить, что он здесь проездом, но мантия была в солярных символах Яротруска, поклоняющегося солнцу, как верховному божеству. Подобное бы в Таскарию на продажу не вывозили, там обычно молятся духам дождя и тому подобному. Да и вид у господина с посохом был определённно статный. С ним стоило потягаться силами в дуэли, даже если он не тот волшебник, которого Бальтазар разыскивал.

– Чародей! – позвал некромант его, встав на месте в боевую стойку и готовясь уже сплести пассами ладоней в районе живота какое-нибудь недоброе заклятье.

Мужчина за сорок с курчавой бородкой, примерно с ладонь, и небольшой шапкой-бояркой из бобрового меха, не обратил на путника вообще никакого внимания. Он всю продолжал оживлённо разговаривать с женщиной в сером платье, белёсом фартуке и ещё более светлом белоснежном платке, повязанном на голову «восьмёркой».

– Чародей! – уже громче и более грозным тембром окликнул Бальтазар главного защитника Яротруска, так как даже местный староста со всем возможным ополчением едва ли в какой-то мере превосходил бы возможности городского мага.

Но тот всё также игнорировал его присутствие, жестикулируя свободной рукой, что-то там объясняя, а по губам читать тёмный маг не мог: таким вещам научить его из всех знакомых было попросту некому. Пришлось привлекать к себе внимание более традиционным способом. Создать сверкающую чёрно-фиолетовую ауру, поднять небольшой вихрь, направив прямо на просторную мантию волшебника, чуть не сдувая с его кудрявой головы шапку. Да магией усилить громкость собственного голоса.

– ЧА-РО-ДЕЙ! – загремело вокруг так, что уже все обратили внимание на богато разодетую светловласую персону с молодым овальным лицом, сейчас источающим даже не гнев, а истинную ярость в выражении остервенелого оскала.

Судачащие меж собой женщины в косынках спешно вдвоём пробежали мимо, мальчуган с рогаткой, перестав целиться в птиц на деревьях, испуганно дал дёру. Некоторые прохожие просто остановились, покосившись на охваченного мерцающей аурой разъярённого некроманта, и наблюдали поодаль за происходящим.

– Что-то хотели? – ни капли не вздрогнув, повернулся к нему местный маг.

Большие каштановые глаза с любопытством взирали с немолодого, уже познавшего набеги морщин, продолговатого лица. Казалось, где-то за густой растительностью скрывался остроконечный подбородок. Из-под шапки, над чёрными изогнутыми бровями, торчали недлинные кудри оттенка мокрой коры. Нос был крупным, орлиным, а кожа чуть смуглее, чем у местных. Вероятнее всего, таскарец или полукровка, если родился в этих краях от кого-нибудь из переехавших в поисках лучшей доли женщин Таскарии, что теперь не редкость, с тамошними-то порядками.

Голос напоминал скрежетавший гранит под гул пустынных духовых инструментов.

Слегка скрипучий, самую малость даже гнусавый, не слишком низкий, но и не так, чтобы звучал визгливо. На слух некромант охарактеризовал бы его, как неприятный. Не тот, который хотелось бы постоянно слышать в ежедневных разговорах.

Бальтазара позабавило, что тот его не боится. Чародей казался самоуверенным, быть может, даже высокомерным и убеждённым, знающим себе цену. Смущали во всей этой стати лишь янтарный посох да относительно скромный наряд. Могучие маги могли бы позволить себе ткани побогаче, зато в этой мантии он неплохо сливался с общей унылостью окружающего городка.

– Ты, последний оплот Яротруска! Городской чародей! Бейся за судьбу города! – громогласно вызывал его на бой Бальтазар.

– А, – только и вырвалось с окаймлённых аркой густых усов губ волшебника, он чуть вскинул голову, закатил глаза и повернулся опять к своей собеседнице.

– Да ты издеваешься, что ли?! – прорычал молодой некромант. – Принимай мой вызов или станешь черепом у меня на поясе! – угрожал он.

– А ты кто такой? – нехотя опять повернулся к нему волшебник.

– Чудь белоглазая! – зачем-то отшучивался в припадке ярости, широко раскрывая ноздри, полыхал Бальтазар, наводя на сиреневый взор изнутри белёсую дымку, делая свой вид ещё более угрожающим. – Я уничтожил барона Казира с его войском! Теперь это мои земли! – заявил он. – Дерись за своих жителей или я здесь всё уничтожу! – Заискрились меж его пальцев сине-сиреневые переливающиеся молнии.

– Нам сейчас, если не видишь, немного не до тебя, – чародей разговаривал с ним, как с маленьким ребёнком, которому велели пойти побегать и поиграть где-нибудь в другом месте, дабы не мешать старшим в важной беседе.

– Был барон, нет барона, нам-то какая разница, – проговорил мимо спешащий чуть наклонившийся вперёд в своей походке мужчина лет пятидесяти в высокой зелёной шапке и курточке почти под её тёмный травяной тон.

– Вот какая! – с расстояния поднял некромант этого человека в воздух, пронизывая яркими разрядами, а окруживший его дым преобразовывался в звериные черепа, клацающие зубами и тут же принявшимися пожирать несчастного со всех сторон под истошные вопли.

Люди с перекрёстка площади по правую руку и вправду побросали всё, что тащили с собой – охапки сложенных тканей, дрова, покотившиеся плетёные корзины рассыпавшихся лекарственных цветов – да разбежались прочь, по домам и укрытиям. Однако не все вокруг среагировали так же: например, собеседница чародея просто прикрыла рот от испуга, уставившись на чудовищное зрелище, может, оцепенела от страха, но в бегство не ударялась.

– Ну, теперь уж точно всё, – глядя на гибель деревенского мужчины, сказал чародей этой женщине, и та, будто обретя вновь дар передвижения и контроль над телом, спешно побрела с площади подобру-поздорову, чтобы тоже не угодить под горячую руку некроманта.

– И так будет с каждым! – предупреждал Бальтазар не столько город, сколько стоящего напротив волшебника.

– Да хоть так, что с того? – спросил тот, даже чуть дрогнув грудью, но не от страха, а от какого-то едкого смешка, – Оглянись вокруг! Ты не видишь? – развёл он руками, в одной сжимая свой деревянный посох.

– Не вижу что? Город, как город, в округе таких немало, – посмотрел по улочкам тёмный маг.

– На вот, голубчик, подавись, – вложила ему в руку яблоко невысокая сторбленная

старушка с аккуратным пучком волос на голове.

– Яблоко... – только и произнёс Бальтазар.

– Некромант, а не чувствуешь? Тьфу ты, – плюнул чародей себе под ноги. – Отравлено оно. Всё здесь, к чертям, отравлено! И колодцы, и растения. Болезнь да смерть одна!

– На вид и не скажешь, – огляделся ещё раз Кроненгард на перекрёстке главной городской площади, где грузной походкой расшагивали озадаченные и понурые жители.

– А должны на тележках трупы со всех домов вывозить? Загляни через недельку, застанешь суету. Если, конечно, кто-то останется ещё, кому эти самые трупы на кладбище утаскивать. Опустеет Яротруск, оглянуться не успеешь. И что ты сюда пришёл со своими угрозами? Да испепели, мне-то чего? Всё сожги, всех! Если тебе оттого легче станет, – агрессивно восклицал и яро жестикулировал волшебник.

– Да ты просто трусишь на старости лет сразиться за город, который поклялся защищать, – провоцировал его Бальтазар.

– Мой тебе совет, некромант, – сказал ему маг, – Хочешь, чтобы все здесь страдали и мучились, пройди мимо. Смерть станет лучшим избавлением от нашего горя. Видишь ту женщину? Вчера она хоронила обоих сыновей. Нет более страшного горя для матери! А впереди всех ждёт то же самое, когда не знаешь уже, что с огорода и садов можно есть, а что вовсю ядом змеюк подкожных пропитано! Уничтожив нас, ты лишь окажешь Яротруску большую услугу. И землю прожги уж так, чтобы яд никуда больше не распространялся. Пусть всё здесь будет мертво, как некрополь, от построек до природы.

– Собрали бы манатки да убрались восвояси, раз такие дела, – хмыкнул Бальтазар, терявший интерес от такой ответной провокации.

– Легко тебе, видать, давно чувство дома атрофировалось, сколько скитаешься? – поинтересовался чародей у собеседника.

– У меня теперь свой замок есть! – заявлял тот, минуя подробности и уклоняясь от ответа.

– О, ишь как. Значит, новый барон? Вот вымрет через недельку весь городок, а с ним и все рядом стоящие. Хорошо тебе будет? Господин без слуг, аристократ без челяди. – Глядел на него волшебник.

– Подниму живых мертвецов, веселее станет, – только и отмахнулся чернокнижник.

– Но «тёмный лорд» звучало бы получше, чем «барон», не так ли? Может, к чёрту дуэль, да надумаешь расширить свои владения? – Мелькнул на немолодом пучеглазом лице хитрый прищур.

– Звучит-то сладко, да цели твои не ясны, – скрестил руки на груди некромант, встав в важную позу.

– Ах, да. Невежливо как-то с моей стороны даже не представиться. Ильдар Шакир, чародей Яротруска, – поклонился волшебник.

– Бальтазар Кроненгард, – произнёс безо всякого поклона и кивка некромант, глядя собеседнику в глаза, но всё же без фальши и скрытности тоже представился эдакой ответной любезностью.

– Так вот, милорд, раз уж вы новый владелец этих земель и жаждете поубивать тут всех, так, может, начнёте со всякой отравляющей ваши же земли дряни типа серпентов? Люди-змеи травят колодцы, льют свои зелья в корни наших деревьев. Болеет скот, гибнут дети. Вам-то всё равно на жертвы, но нужен ли вам кишачий чешуйчатый клубок в долине? Они ехидно посмеиваются, да думают, что это они здесь главные. Их раса, мол, древнее и всех

нас переживёт. Выгравят людей и расселятся своими семьями здесь же, – рассказывал Шакир, подходя ближе, – Обтешут дубы в деревянные идолы, на месте борделя храм какой-нибудь воздвигнут. Надо оно тебе на твоих землях?

– Э, нет, старик, – усмехнулся Бальтазар, пригрозив тому пальцем, – Я знаю, что ты хочешь сделать, чародей Ильдар, хитрый ты лис. Хочешь стравить меня со своими врагами. Втянуть в ваши распри со змеелюдьми. Я тебе не какой-нибудь наёмничек. Золото и прочие награды меня не интересуют, богатства хватает. Могу всех здесь купить себе во служение замок восстанавливать да спину массировать.

– Спину, это мы можем, – приобнял его левой рукой маг и развернул, – Иди, отдохни с дороги, выпей чего-нибудь, прими ванну, развлекись с девицами в борделе, – подводил он его к тем самым двустворчатым крупным дверям, окаймлённым металлическими узорами, из которых не так давно вышвыривали голого гнома.

– Если продажные девки и дешёвое вино – это всё, чем вы можете развлечь... – начал было некромант.

– Да ты сразу-то не отказывайся! – воскликнул чародей, – Окунись в атмосферу Яротруска, познай жизнь и жителей города.

– Вот мне нечем заняться, по-твоему? Я – злоба голодных волков, гнев богов, я – гибель, сошедшая с мрачных туч! – угрожающе цедил тёмный маг.

– Да хоть ужас на крыльях ночи, – закатывал глаза Ильдар. – Нам всем от этого не легче.

– Я не выполняю поручения каких-то немощных волшебников, которые сами за порядком уследить не могут, – медленно и стараясь звучать доходчиво, проговорил ему Бальтазар.

– Зато из меня неплохой целитель. Нашего-то местного врача ты на куски разорвал своими тенями, – припомнил городской маг. – А без него теперь точно весь люд пропадёт. Помогу, чем смогу, но людей много, всех от яда не вылечишь. Так что это теперь дело времени. Всё кончено, Яротруск лишь история. Поживи, погляди, как город доживает свои последние дни.

– Давишь на жалость? Очень зря. Ты меня не знаешь, не видел, что я могу и каков я в гневе. Мрут твои люди? Чихать я на них хотел, как и они на меня. Страдают? Стонут от отравы? Ну, так молись за них, старый пень, что ещё остаётся, – пожал плечами новоявленный барон-некромант.

– То, что я чародей, ещё не значит, что я братаюсь с Белыми или Церковниками. – Вновь сощурились крупные карие глаза, но теперь уже не с хитростью, а с какой-то обидой.

«Белых» Бальтазар не любил, как и всё имперское. Боевые маги, сочетающие в себе оттенки всех стихий, словно сквозь призму объединённые в один луч, обычно были на службе Империи Гростерн. А в этих краях такие встречались обычно в качестве наёмников или даже изгнанников. Но бывали и целые объединения, ведь Вольные Земли позволяли любую веру и свободу всех видов жреческого поклонения.

– Я не буду за тебя выполнять твою работу, старик, – на пороге заведения ещё раз обернулся к нему Бальтазар. – Сам со своими змеями разбирайся, – заявил он напоследок и зашёл внутрь, оглядывая первый этаж со столиками и танцовщицами.

Идти нужно было не в эти двери, а на рынок, обойти всех торговцев, желательно с привозным, а не местным товаром. И заглянуть к кузнецу в поисках лучших изделий, какие тот способен предложить. В крайнем случае – к цирюльнику, привести себя в порядок. Но, возможно, вариант с борделем, не альтернативой, а прелюдией к знакомству с городком и его

последующей ликвидации, тоже вполне себе неплохо, подумалось Бальтазару. Расслабиться после затяжного ночного боя вполне не помешает, можно набраться сил перед следующим. А этот бородач там снаружи пусть соберёт вокруг крестный ход или местное ополчение, всем расскажет о прибытии такого гостя, будет веселее развлекаться, когда все узнают, что к ним пришёл убивший их барона некромант.

Шакир лишь тяжело вздохнул. По крайней мере, он попытался. По крайней мере, убедил этого странствующего чернокнижника не разрушать город в мгновение ока и не устраивать бесполезную дуэль у всех на глазах. Выиграл время, было бы ещё ради чего. Вовнутрь следом за гостем он действительно не пошёл, нужно было спешить помогать тем, кто отравлен. Ведь лекаря в городе больше не осталось.

Ну, а Бальтазар убеждал себя, что это вовсе не слова Ильдара на него повлияли, а он сам, устав после битвы, устав с дороги, устав, в конце концов, трепаться с этим странным типом, решил чего-нибудь выпить и отдохнуть под массажем легкодоступных дам этого места.

Вино ожидаемо оказалось какой-то кислятиной, зато крепкой и, как говорил когда-то сэр Даскан, «по шарам» давало на ура, как кувалда огра-переростка. Так что уже в скором времени лишенный плаща, мундира и сапог, некромант лежал на широкой лавке из ароматного кедра, окружённый вниманием трёх выделенных ему нагих «массажисток».

Рельефной спиной его занималась, правда, лишь одна. Наиболее зрелая из тройки пышногрудая смуглянка, тоже полукровка из Таскарии, как пить дать, не иначе. Влажной кожей он ощущал не только её умелые руки, разминающие мышцы от плеч и вниз по телу, но и мягкую грудь, которой та регулярно касалась его кожи при наклонах.

Зеленоглазая особа примерно его возраста сидела возле головы Бальгазара, промывая и поглаживая ему платиновые пряди, иногда касаясь шеи, щёк и ушей. Её интересным образом заплетенная коса оттенка пшеницы, как венок, окаймляла румяное личико. Ну, а третья, помоложе, тоже со светлыми, почти белыми, такими жемчужными и длинными, волосами, полулежа, развалилась на краю решётчатого ложа из брусьев местной липы и с зеркального подноса кормила пришлого некроманта привозным виноградом.

Его и ряд других фруктов, по всей видимости, закупал поставками владелец этого заведения. Тот черноусый плечистый мужичок слегка за тридцать, в красном платке на голове, которого Бальгазар мог видеть внизу следящим за порядком и встречающим гостей, а также ранее до этого грозившим вышвырнутому прочь голому гному.

Сама атмосфера борделя была призвана забыться и отдаться мирским радостям, утонуть в удовольствии, уходя от насущных проблем, которые стерегли серой стаей там, снаружи. Люди тратили последние сбережения в преддверии скорой смерти из-за отравленной земли, воды и плодов. Развлекались, как могли, топили грусть в вине и прочих крепких напитках.

Здесь внутри буквально царил другой мир. Все стремились утолить разные прихоти и желания, веселье лилось рекой вместе с элем по кружкам, с воздушной пивной пеной, перелетающей, как барашки кучерявых облаков, с журчанием счастливых голосов, не всегда попадающих в ноты народных песен. Борьба и войны здесь обращались в постельные жаркие страсти. Стоны боли сражений и боевые кличи – в развратные возгласы, преисполненные удовольствий. А вместо кровопролития по грациозным сосудам искрилось красное вино, ибо белых виноградников в долине не водилось.

Под потолком висела сливочной, сочной, сладкой, но не слишком приторной симфонией россыпь сушёной малины, цветки ванили и кустистые розы. Троица самых романтических ароматов. В яркие танцы с ними вступали древесные смолы окружающих брусьев и внутренней душистой обивки, пропаренная кадка круглой ванной с горячей водой и минеральными солями. А также лежащие декором у окна горсти обжаренных какао-бобов по углам подоконника и сухие цитрусовые, иногда в виде причудливых милых фигурок из цедры лимона.

Но особо выделялось, конечно же, массажно-ароматическое масло нероли из цветков померанца. Его свежий цветочный аромат с легкой травянистой горчинкой и едва уловимым пряным оттенком дразнил и будоражил, как бархатный любовный отвар. И всё это своим богатым букетом создавало в стенах борделя игривую и соблазнительную атмосферу. В тёмное время суток она создавала здесь пеленой самую шелковистую ночь, а в дневное гармонировала кружевным вальсом в сотканном из солнечных лучей ярком свете.

Пьянящий морок обхватывал весь разум пришлого чернокнижника. Иногда острыми молниями пронизывали мысли, а не стацат ли с его костюма что-нибудь – кружевные манжеты, рубиновые запонки, дорогой ремень... Вокруг одни незнакомки, гулящие продажные девки, с них станется. Казалось, даже царица-тьма пыталась в эти моменты до него достучаться и что-то сказать... Но Бальтазар оставался глух к её шёпоту, отдаваясь в заботливые руки девиц, которых видел впервые в жизни.

Никогда прежде он не знал подобной ласки одновременно, сразу с тремя. Всё, что было в Касторе, в его юности, нельзя было даже сравнить с этими умелыми движениями. Первая влюблённость, симпатии, подруги... Невольно вспоминались чужие лица. Ворох не самых приятных воспоминаний о тенях прошлого, через чьи образы царица-тьма тоже пыталась воззвать к его разуму. Но Бальтазар прогонял эти видения.

Он уже давно простился с ними. Ещё, когда окончательно стал таким, когда выбрал свой путь и призвание. Сульга пророчила ему большое будущее, но только, если он не станет слушать голоса в своей голове. Даскан обещал ему военный триумф, но если он будет сдерживать свой гонор. Царица-тьма обещала ему всё, что он только пожелает. А вот Гродерик Черноуст не обещал ничего. Он лишь говорил, что столь могучего некроманта всегда будут презирать и ненавидеть, пока тот жив.

Здесь же его любили. Пусть за деньги, пусть сладостной наигранной ложью, он и так видел в мире достаточно лицемерия, чтобы с ним не слиться. Играть с ними в этот анатомический театр звериной похоти и чудесного многообразия разврата. Выжить можно было, лишь став таким же, как всё вокруг. Без сострадания, без морали, без чести, без угрызений совести и чувства долга. Он был ничем никому не обязан. И даже «служил тьме» лишь в её личной трактовке происходящих событий да их партнёрских отношений, а сам старался держать ту в узде и использовать себе во служение.

И сейчас ему хотелось, чтобы эти мгновения длились вечно. Его покрывали пылкими поцелуями, как божество. Лобызали, как главного красавца города. Окружали вниманием и заботой, словно праздничного идола, приглашённого на мирской пир в свою честь в обличии смертного. И Бальтазара абсолютно не волновало, что где-то там, в других комнатах, происходит то же самое или хотя бы нечто подобное. Как не интересовало и творящееся этажом ниже: новые гости, другие куртизанки, очередной вышвырнутый дворф или всё тот же, вернувшийся, дабы устроить дебош...

Для него существовала только эта комната и эти девчонки, которых он самолично выбрал. Или же это были рекомендации хозяина борделя, того типа в красной бандане. И тот ему внушил эту мысль. В любом случае, жар наслаждения был неопиcуем, а красоты вокруг удовлетворяли любой изысканный вкус. Он лежал уже на спине, пока женственные пальчики гладили рельеф его торса, колючие щёки, ведь к цирюльнику он так и не заглянул, промытые чистые волосы средней длины. Быть может, их в чёлке, тоже после недавних событий, стоило бы слегка укоротить, дабы в ответственный момент не лезли в глаза...

Как неумные умелые наездницы, жрицы любви по очереди седлали его, ублажая своим извивающимся телом, словно по навету Ильдара пытаясь напомнить ему о просьбе насчёт змей. Но на все порождавшиеся ассоциации Бальтазар не поддавался, а старался наслаждаться моментом. Его молодые пальцы мяли упругие девичьи ягодицы, хватали округлую мягкую грудь, скользили по влажным бёдрам и удивительно нежной коже.

Его губы, как и всё тело, ощущали вкус лживых, но приятных поцелуев. Он уже на ощупь мог отличить кто из трёх на нём сладко поёрзывал, ведь все три были разными. Мог даже с

закрытыми глазами определить по ощущениям и дыханию, тем более, что наглая «мелкая», с волосами как жемчуг, стырила втихаря несколько виноградин, вкус которых ощущался теперь на её губах и в прикосновениях языка. Мужчина научился различать голоса девиц, но даже не знал их имён. И совершенно не собирался спрашивать. Ни о чём не хотелось думать, никуда не хотелось уходить, и разве что закончившийся на «скелетах» гроздей виноград хоть как-то намекал о прошедшем времени.

– Я принесу ещё, – поцеловав левую щёку, у его уха произнесла смуглая куртизанка.

– Нет, – помотал слегка головой некромант, – не ты. Она, – глянул он на кареглазую молодую девчонку, пока другая с кошачьим зелёным взором скакала сверху на нём в плавных горячих порывах. – У неё задница лучше, – усмехнулся он, желая полюбоваться, как миниатюрная воровка пройдёт перед ним нагишом до двери.

А когда она вернулась с разными фруктами помимо крупного винограда долины, весь круговорот сладострастия закрутился по-новой. Теперь он уже сам после массажа и ласк, набравшись сил, перекусив, опьянев, с разгорячённым молодым сердцем и бурлящей кровью, брал всё под свой контроль, умудряясь смаковать их тела и поочередно, и одновременно, и заставляя их ублажать друг дружку у него на глазах, заводясь ещё больше.

Вязкое клейкое время вокруг будто застывало, переполняясь жаром их дыхания. Комната напоминала больше баню, недаром половину её занимала деревянная кадь в качестве круглой ванны. Никто не смотрел в запотевшие окна, как день сменяется ночью и затем вновь наступает новый багряный рассвет. До красот природы им не было дела, тем более, что любоваться яблоневыми садами, когда плоды их отравлены, уже как-то в полной мере не получилось бы.

Он побывал в них так, как не все мужья бывают с жёнами за десятилетия совместной жизни. А они открывали ему новые грани удовольствия, делясь безудержной фантазией и богатым опытом. Бальтазар всем уделял внимание, слизывал сок спелых плодов с груди и шеи, шлёпал по молодым упругим задницам, пронзал горячо и страстно молодых дев, словно врагов на поле брани, но это было удовольствие совершенно иного рода. Но он точно также ощущал здесь свой триумф и превосходство, что для его гордыни было главным.

Девицы же заигрывали с его роскошными, мягкими как шёлк, волосами, гладили по небритому подбородку, словно им нравилась эта его двухдневная щетина. Куртизанки Яротруска целовали гостя и знойно покусывали губы, переплетали языки, отдаваясь, как желанному супругу, как властному верховному жрецу, поклоняясь его величию и статусу. И он всецело наслаждался этой иллюзией любви, не ведая, да и не желая ничего иного.

Казалось, сквозь жаркое подрагивающее дыхание, под изнывающие оргазмические стоны, колокольным перезвоном отдающиеся в его ушах с каждым новым пиком наслаждений, он мог поработить и поглотить их души прямо так. Но понимал, что их уже давно поглотил сам этот город, доведя до такой жизни. Мелькали мысли, что они уже пусты изнутри, но всё же теплилась какая-то надежда на тонкий весенний лучик, ещё не угасший огонёк внутреннего мира. Что они всё же не куклы, а с ними можно кроме звериных инстинктов ещё и о чём-нибудь поболтать в перерывах между соитием и поеданием фруктов.

Но, как ни извращайся со временем, а остановить его насовсем невозможно. Рано или поздно вся ублажавшая его троица обессилила и уже не могла продолжать, завалившись, кто как сумел. Они ещё ворочались, с губ слетали какие-то звуки, но глаза уже были прикрыты, умоляя об отдыхе. Им хотелось спать и набраться сил, ведь впереди всё это должно было повторяться вновь уже с новыми клиентами: местными и приезжими, знакомыми и

неизвестными, ожидаемыми и внезапными, со своими прихотями и предпочтениями.

А ему не спалось. Уже неведомо сколько, а оторваться от реальности так и не получалось. Он решил, что это царица-тьма, вредничая, нарочно изнуряет его в наказание, но от этого Бальтазар решил лишь не спать ей назло. Схватив спелый персик возле опустевшего остова виноградной грозди, дерзким укусом он едва не сломал верхние передние зубы о ребристую косточку: мякоти у плода оказалось куда меньше, чем он рассчитывал.

Можно было и со спящими телами вытворять что угодно. Такие блестящие от пота, пахнущие собой, цветочными маслами, алкоголем, фруктами и им, они были так доступны и послушны, будто куклы. Но он не считал себя девочкой, чтобы в эти куклы играть. Ему было недостаточно их покорности и, может, потому он предпочёл пойти сюда, в живой город, вместо того, чтобы обустривать с помощью разлагающихся зловонных зомби полуразрушенный замок барона Казира...

Сердце сдавило самым противным чувством на свете. Жалость, та самая едкая гниль, которую он никогда старался не испытывать, вдруг заиграла мелодию своей тягучей плачевной скрипки, словно готовая принести себя в жертву красивая жрица, стоящая на краю отвесного обрыва. Он будто уже расхотел уничтожить Яротруск. А ведь «никакой жалости» – одно из его главных кредо, одна из заповедей, по которым он жил или хотя бы старался.

Бальтазар гнал прочь это чувство, замещая его себялюбием, хоть чем-то другим. Это была гордыня, а не жалость, так говорил он себе. Это ради себя, ради повторения этих удовольствий он хотел бы оставить эту троицу при себе. Не из жалости пощадить и оставить в живых, а взять в вечное рабство. Ну, или хотя бы одну, так, на память. Можно было найти упыря и повелеть обратить кого-то из них в вечную личную вампиршу. Но вдруг он от неё устанет? Однажды царица-тьма, почти заменившая родную истинную мать, убедила его в Касторе, что без красавицы Фелис его мир станет лучше, а сам он сильнее. Снова пронеслись перед глазами восковые маски давно позабытых лиц в мутном калейдоскопе вихря нежеланных воспоминаний...

Чья-то наглая ручонка с полу потянулась к подносу с фруктами на тумбе и случайно опрокинула его по своей неаккуратности, грохотом отвлекая от картин прошлого. Две другие даже не проснулись, лишь поворчали и сменили позы, разлѣгшись поудобнее, кто на спине, кто калачиком в позе эмбриона. А некромант знал, кто из всей тройки настолько озорная и неуѣмная, что даже, вроде как уснув, нашла время отведать чужого угощения. Ведь это ему, а не им, расплачиваться за всё чеканной монетой.

– Мало тебе всё? – грубым тоном проговорил он, присев возле неё, оглядывая на разлетевшиеся косточки фруктов.

– Простите, – тяжело дышала юная особа с длинными перламутровыми волосами и густым карамельным взором, – Я сейчас приберу, – попыталась она встать, но поскользнулась влажной ладошкой о дощатый пол, выпрямляясь на руках, и распласталась на спине почти без сил.

– Маленькая растяпа, отхлестать тебя мало, – глядел он, как приоткрываются пухленькие губки, как наигранным невинным взором поглядывают на него глаза.

Бальтазар наблюдал, как с каждым вдохом вздымается её грудь, в таком положении казавшаяся ещё меньше. При этом аккуратные маленькие соски розовыми плотными вишенками выдавали не то лёгкий озноб, всё же лежала она голышом на полу, не то не угасшее ещё возбуждение.

– Всегда пожалуйста, – попыталась она перевернуться на спину, подставив для наказания свою несчастную попку, однако и на это сил толком не хватило, – Ах, может чуть позже, милорд.

– Я ещё не лорд, девочка, – заметил тот, скривившись так, будто всё это специально напоминало ему опять о просьбе чародея, – Сколько тебе? Двенадцать? Четырнадцать? Что ты вообще здесь делаешь? – Едва не пронзила его неловкость за всё, что он здесь с ней вытворял, когда голова теперь протрезвела.

– Скажешь тоже, – рассмеялась девица. – Что, серьёзно, на столько выгляжу? Ха-ха! Ем плохо, расту мало... или наоборот... – призадумалась она, закатив глаза к потолку, а потом тут же посерьёзнела, отводя карий взор и с грустью вздыхая. – А здесь, потому что родители умерли. Вода в колодце оказалась отравлена. Мать принесла и умылась, отпив с ладоней. Отец зачерпнул из ковша мне и себе. Он отхлебнул... Влетела... – тяжело дышала она, иногда вздыхая, уносясь по волнам неприятных воспоминаний, – влетела оса... Я напугалась, отбежала прочь. Следила за её полётом по комнатам в избе. Думала тряпкой пришибить, если сядет куда на стенку, или банкой накрыть, если на стол. Да выпустить тогда уж на волю... А потом родителям резко стало плохо, – рассказывал тихий девичий голосок, – Врач Гаспар сказал, что это яд в их крови, и потом взял воду из вёдер, что-то там в ней исследуя... Сказал, из-за неё. Я вот испить не успела, осталась жива, а зачем? Чтобы последующие годы коротать здесь, – вздохнула она.

– Я убил его, – признался некромант, – вашего лекаря.

– Ах, как жаль, – отвела она взгляд на погрустневшем, но не перепуганном круглом личике, ни непонимания, ни недоверия, ни панических визгов и попыток тотчас сбежать, лишь лёгкий опечаленный вздох, – Вообще, он хороший был человек... Общительный, суетливый в хорошем смысле. Бегал везде, всем помогал, только и спрашивал, всё ли в порядке, нет ли головокружения или каких-то симптомов. Делал для нас снадобье... – кусала она губы, видать каким-то кислым или не очень вкусным.

– Снадобье? – сощурился не понявший тёмный маг.

– Ну, что б дети не рождались. Работа-то какая, сами понимаете! – сверкнули на него девичьи карие глаза со всей серьёзностью.

– Что, нельзя было найти работу получше? – хмыкнул Бальтазар. – Доить коров, ходить жницей в поле, кружева вон плести, – нашёл он глазами свою сложенную одежду.

– Никому не нужен лишний рот, нигде не надобны лишние руки. Это сейчас, когда людей ещё меньше стало, может быть, кто-то востребован. Да ведь и пшеницу тоже отравить этим гадам ничего не стоит. Здесь хотя бы кормят привозными товарами. Да и платят куда больше. Если б копила, я бы тоже могла купить такой костюм, – проследила она за его сиреневым взором.

– Такой – нет, – заверил он, чуть вздрогнув улыбкой в уголках фигурных губ. – Почему не уедешь?

– Куда? Через год змеи потравят и следующий город, если не раньше, – отвечала она. – Да и что там делать, всё равно устраиваться только в такие заведения, где похотливым самцам дают вдоволь распускать свои руки.

– Вы те здесь ещё, конечно, притворщицы, но меня не проведёшь, девочка, – усмехнулся Бальтазар, – Я же видел, как тебе всё нравилось. Ну, может, почти всё. В постели непросто изображать театральную актрису, хоть вас на то и науськивают местные владельцы, дабы угождать любым запросам гостей.

– С кем-то можно вести себя естественно и получать удовольствие, с другими тщательно изображать, что тебе всё нравится и хочется ещё, ещё и ещё, – тихо отвечала она.

– К чёрту всё, хочешь, подарю вечную жизнь? – предложил некромант.

– Стать носферату? Днём спать в гробу, а по ночам ловить таких дурочек, как я сама? Нет уж, спасибо. Помру своей смертью, сколько бог отмерил, – не согласилась она.

– Бог... Церковники уже и вас, деревенских, склонили к своей новой вере, – морщился мужчина.

– Что вы, в Яротруске всегда почитали лишь одного бога – Солнце, – отвечала ему юная куртизанка, распластавшись поудобнее, рассыпая по полу, подобные тонким нитям бисера, свои жемчужные переливающиеся волосы.

– То-то оно вам помогло, – хмыкнул мужчина, поднимаясь на ноги, вспоминая, как войско барона не дождалось рассвета.

– Уже уходите? Мы могли бы... – попыталась она хотя бы сесть, приподнявшись.

– Тс-с, – приложил Бальтазар палец к губам и гипнотическим взором заглянул юной особе в глаза, – Даже не думай ко мне привязываться и тем более влюбляться. Не заговаривай со мной, если я сам не обращусь. Держись подальше, так всем будет гораздо лучше.

Та робко кивнула, улёгшись прямо на полу, выбирая позу поудобнее, чтобы уснуть. А он периодически на неё поглядывал, думая, повторить всё, что было, или одеваться уже да двигаться дальше. Казалось, что и так слишком долго тут задержался, что уже начал беседовать вот с такими, у которых толком ни прошлого, ни будущего.

– Звать-то тебя хоть как? – зачем-то вдруг поинтересовался Бальтазар, нарушив очередную свою заповедь: «не привязывайся».

– Люция, но мама с папой звали меня всегда ласково Люси, – отвечал обретавший силу девичий голосок, подобный звенящему ручейку. – Вроде, это значит «Светлая», «Светленькая».

– «Люси», это когда «Люсильда» или «Люсия», – занудно хмыкнул Бальтазар, на что девушка сразу обиженно насупилась, – Раз «Люция», тогда уж «Люци» надо звать.

– Я ж тут не роли играю, как вы там выразились, не вру вам! Как звали, так и звали. Я родителям перечить, что ли, буду? Была у них крошка Люси, да выросла, теперь Люция, – бурчала она на это с явным недовольством.

– Да уж, – поморщился он от очередных неприятных воспоминаний. – Родителей надо слушаться, – произнёс он, хотя в корне был не согласен, иначе не стоял бы здесь живым перед ней.

Девушка с нотками обиды на милом молодом личике замолчала. Бальтазар же решил освежиться и двигаться дальше. В планах было обойти торговцев в поисках клинка. Хотя от лесных разбойников в пути или каких хищных тварей, способных выскочить перед ним на свою беду, он вполне мог отбиться и магией, сэр Дрейк Даскан, один из наставников, возрастил в нём любовь к мечам.

– Идёте снова кого-нибудь убить? – поинтересовалась она, первой не выдержав возникшей паузы, глядя, как он, с шумом окунувшись в округлую деревянную ванну, вылез, освежившись в остывшей воде, протираясь хлопковыми полотенцами и шлёпая босыми мокрыми стопами в сторону сложенного костюма.

– Тю, не спишь? – удивился он, обернувшись. – А что, надо кого? – усмехнулся некромант, – Ты складывала? – заметил он, сколь дотошно и бережно лежат все детали наряда.

– Нет, Элишка, – мотнула та головой в сторону зеленоглазой, уже, правда, вовсю спавшей подруги, чья коса-диадема за время всех бурных утех не слишком-то и растрепалась.

– Ну, если будет кто обижать, ты скажи, – ещё раз усмехнулся Бальтазар, прекрасно понимая, что сейчас застегнёт пояс, прикрепит плащ и отправится прочь из Яротруска, так что они даже никогда больше не свидятся, чтобы она смогла потом о чём-то попросить.

– Да какой смысл, скоро все здесь помрём. – Шумно выдохнула она маленькими ноздрями чуть вздёрнутого аккуратного носика и с понурым видом улеглась на бок, подложив ладони под голову и собираясь, наконец, поспать.

Выйдя на улицу, расплатившийся с хозяином борделя Бальтазар заметил, что вокруг раннее-раннее утро, когда седой туман ещё не развеялся и не начало светать. Неподалёку Ильдар и тот торговец в красной феске покуривали похожие трубки, о чём-то неторопливо беседуя. Стало быть, продавец оружия весьма и весьма лукавил, сказав тогда «полдня всего буду в городе». Поторапливал потенциального покупателя к сделке и не давал толком времени всё обдумать.

Некромант не был уверен, сколько прошло, но по его ощущениям дня два, а уж точно не пару часов. Впрочем, что-то предъявлять ему он не стал. Хотелось краем уха подслушать предмет их диалога, но разговор закончился, как только чародей заметил вышедшего из борделя черно книжника.

– Уже нагулялся? – дивился волшебник, опираясь на посох и шагая к гостю. – Я думал, тебя неделю не выпустят, как минимум. Они у нас бабы цепкие, ненасытные.

– Мелкие больно, – кривил губы Бальтазар. – Спать уложил, сказку рассказал и... пора и честь знать. – Жестом пальцев возле лба попрощался он с главным защитником поселения, поглядывая и соображая в какую сторону двигаться, припоминая, откуда он пришёл, дабы не возвращаться сейчас к замку.

– Там разные есть, хозяин бы выдал опытных и умелых. Сарват разных при себе держит, ты б поспрашивал, – заявил ему чародей.

– Да я ж шучу, ты, старый пень, – усмехнулся некромант, – Куда к долине Червегора то? – всё пытался он сообразить.

– Туда, к колодцу, и дальше от него прямо-прямо будет восточный выход из города, – указывал Ильдар направление сквозь туман, махнув рукой.

– Что куришь? Смрад такой, словно пустой соломой пыхаешь, – поморщился некромант.

– Обижаешь! Милорд, таскарийский табак! Его к нам даже не завозят, друг вот подкидывает, – повернулся Ильдар Шакир в поисках того друга-торговца, но, если тот ещё и был где-то рядом, утренняя белая мгла надёжно скрывала его силуэт. – Уж я качество всегда узнаю!

– С навозом, что ли, табак-то? – покачал головой Бальтазар.

– Типун тебе на язык, некромант! Главное, не как пахнет, а как дурманит! – Заявил ему бородатый собеседник.

– Дурманил бы хорошо, ты б меня видел с ослиными ушами или вообще говорящей задницей, – хмыкнул на это тёмный маг. – У нас, в Фуртхёгге, кстати, говорят «таскарский», а не «таскарийский».

– А кто ж сказал, что я тебя таким не вижу? Хе! – Отшучивался тот.

– На вот, махорка из Кастора, вам сюда такую не завозят, – достал Бальтазар из внутреннего кармана косой застёжки мундира позолоченный прямоугольный футляр с закругленными углами. – Аристократы таким балуются. Сам не курю, мне незачем. Ношу с собой, непонятно на кой чёрт...

– Держал бы у сердца коробочку, глядишь, стрелу бы какую отразила, – разглядывал Ильдар подарок, после чего нашёл, как его открыть и вдохнул аромат сушёной смеси. – Ух! Таким и надыхаться можно вусмерть, даже зажигать не надо! Ядрёная вещь!

– В Касторе других не держат. Там всё резкое, острое, наглое, дерзкое... – перечислял

чернокнижник и вспомнил ту молоденькую куртизанку, оставшуюся наверху, что воровала тайком его ягоды без спроса, получая за это по ягодицам в процессе их дружного соития.

– Следующий по пути будет Сельваторск, лесами окружённый, там тоже с чародеем будешь на дуэль нарываться? – поинтересовался Шакир.

– Если у него посох тоже с янтарём, а не что-то нормальное, то продолжу искать противника поинтереснее, – задел самолюбие собеседника едким замечанием Бальтазар.

– Между прочим, янтарь хорошо сцепляет раны и порезы при врачевании, да и против яда неплох. Ещё у меня белый лунный агат есть, – достал Ильдар шёлковый бордовый мешочек с золотистой ниточкой, перебирая пальцами под постукивающие друг о друга камушки. – От змеиного яда помогает.

– Ладно, папаша, – вздохнул Бальтазар. – Поразвлекись хочу. Где там твои эти змеи? – говорил он так, словно не оказывал городу услугу, не собирался никому помогать, а лишь хотел потешить собственное эго в поисках интересного противника, будто у городского задиры всю кулаки чешутся.

– Хо-хо! Тогда от колодца налево, – радостно повёл его чародей сквозь туман. – Как зелёные холмы пойдут, так за ними в низине их тростниковые и глиняные хижинки. Варят там свои зелья, только и думают, как нам жизнь отравить. Старосту деревенского сгубили, один я остался.

– Вот как... Зови своего дружка давай. Меч мне нужен, – остановился некромант на месте.

– Магу? Меч? Да вы, аристократы, там совсем уже спятили что ли? – удивился чародей. – Тебя какой беленой девки распутные опоили в этом злочестном месте? Может, тебе ещё кнут на пояс или лук на плечо да латы с тебя весом?

– Знаешь, последний, кому мне приходилось что-то повторять дважды, болтался потом черепком у меня на поясе, пока в бою не пригодился, – исподлобья, сурово взглянул на него Бальтазар, чей фиалковый взгляд искрился тонкими линиями молний.

– Идём, – закатил глаза чародей, – У богатых свои причуды...

Но привёл он его отнюдь не к тому своему знакомому, а в местную кузницу, стуком в окошко ближайшей пристройки из крупной каменной кладки разбудив хозяина оной. Тот, заспанный, вышел в одной длинной рубахе, часто зевая и потягиваясь, почёсывая зад и сонно глядя в непрошенных гостей, пытаясь признать. Настоящий чернобородый богатырь, на голову выше пришедшего некроманта и вдвое шире по комплекции. Дерись они где-нибудь на равных да без магии, такой бугай мог бы легко Бальтазара схватить руками да переломить ему позвоночник о своё колено. Впрочем, нельзя было сказать, что Кроненгарда сейчас сколь-либо пугал внушительный вид кузнеца.

– Ну, что вам? Петухи ещё не пропели, а вы, петухи, уже тут как тут, стекло над ухом клюёте, кудахчете почём зря, – жаловался он рокошущим утробным басом на то, что его подняли в такую рань.

– Утречка, Родерик. У тебя Захаб на передержке для тайной продажи хранит лучшее оружие, если к нему нагрянут на случай обыска. Наш достопочтенный барон требует меч в уплату за свою милость и твою же собственную голову, Родерик, – строго заявил ему Ильдар.

– Это в кузне, – недовольно пробурчал тот, как разбуженный зимой посреди спячки медведь. – В подвале.

Этот Родерик схватил в своей прихожей связку ключей, едва ту нащупав на крючке из вбитого толстого гвоздя над сложенной у порога обувью. Бросил заспанный взор на

незнакомца, пробурчав себе под нос, мол, не очень-то тот похож на барона. Но всё-таки спорить ни с чем и ни с кем не стал. Обул крупные лапти на свои широченные стопы и неспешно зашагал от пристройки к главному входу кузницы, где висел массивный замок.

– Ну-с, – стукнул посохом о землю и зажёт янтарный шар, как фонарь, Ильдар. – Прошу, – вместо хозяина мастерской, самолично он простёр в проём другую руку, заходя вместе с гостем.

На пороге Бальтазара посетили сомнения, а не готовят ли тут вообще ему какую-то ловушку, если маг таки в сговоре с Белыми или хотя бы Церковниками, но потом сам припомнил, что про меч-то была вообще его идея, едва ли кем-то навязанная.

После широкой скрипучей лестницы в янтарном сиянии предстало несколько образцов высококачественного оружия. Некромант знал, какие вещи сюда попадают. Что-то украдено, что-то куплено у хитрых перевозчиков добра и списано в потери, что-то вообще смекалистые кузнецы столиц сбывают сами, делая дубликаты вещей, которые у них заказывали, в общем-то, в одном экземпляре, только вот металлов те требовали расчётливо на две или на три копии заранее.

Кузнец не задавал никаких вопросов, не разглядывал заспанными глазами пристально нового барона, верил на слово городскому чародею и не желал для себя никаких проблем, предоставив гостям полную свободу. Выбор был невелик, зато каждое изделие здесь годилось под стать кому-нибудь из королей севера для главного сражения всей жизни. Уж, по крайней мере, любому именитому лорду так точно.

– Вот, – взял в руки, наконец, Бальтазар причудливый клэйбэг, прямой полуторный меч под одну руку, не волнистый, как фламберг, не изогнутый, как фальчион или сабля, а имевший симметричное ровное лезвие, сужающееся в тонкое остриё. – Этот пойдёт. Такой дизайн явно делали, чтобы устрашать врагов.

Крестовина в виде крыльев летучей мыши, плотная обсидиановая рукоять без защитных дужек и колец гарды, с вырезанными полосами, дабы руки не скользили. Навершие в виде человеческого металлического черепа, узорчатые лангеты, гравировка контурами паукообразных чудовищ в основании лезвия клинка и на помпезных ножнах, симметричное четырёхгранное в своем сечении остриё. Бальтазара всё устраивало целиком и полностью.

– Сразу подумал, что его выберешь, – произнёс чародей, отступая чуть назад и выходя первым из всей троицы наружу.

– Это всё? – в спину им зевнул кузнец.

– Да, если вдруг не сломается в первом же бою, – отвечал некромант, разглядывая даром доставшуюся, но весьма недешёвую вещицу.

– Захаб, небось, за него уйму всего отдал, надеялся озолотиться, ну, дык, трупу-то деньги на кой? Если змей не победить, все здесь сляжем, – размышлял вслух Ильдар, пока они снова шагали к колодцу на центральной площади.

– Там достаточно всего, что можно неплохо продать, – подметил Бальтазар. – А как же так у старосты вашего нет дегустаторов, кто б воду вместо него отхлебнул? – удивился он, припомнив от вида колодца их недавний разговор с волшебником. – Он-то как сгинул?

– Да причём тут... Схватили они Тадеуша дня три тому назад, охрану разбили, к себе уволокли. Уже утопили, небось, или сожрали, насадив на вертел да обжарив на огне, – отвечал Ильдар Шакир. – Он тот ещё толстяк был, но мозговитый. Котелок-то у него варил даже на старости лет, и воду мы его методами очищать стали после первых смертей, да кто ж знал, что на деревья позарятся. Смотри, не срываай по пути ничего. Ни малину, ни яблок, чёрт

их знает, что нынче вокруг в рот тянуть можно.

– Это вон те тебе расскажут. – Шутливо указал рукой некромант, оборачиваясь на почти скрывшуюся в тумане постройку борделя.

– Ты нам подбрось сюда башку чью-нибудь, кто там у них главный, ладно? – просил, оставшись на территории Яротруска, Ильдар. – А то сгинешь в пелене, я и не узнаю вообще, разобрался ты, примкнул к ним, мимо прошёл али помер вообще. Дать агат от яда-то? – крикнул он ему вдогонку.

– Сам справлюсь, – отмахнулся некромант, зашагав прочь.

Бальтазара не покидало чувство, что его всё-таки используют. Он явился сжигать городок, терзать людей, поглощать души и порабощать тела, создавая новые отряды зомби. Намеривался биться с чародеем, чтобы казнить его с особой жестокостью у всех на глазах, а в итоге что? Побратался так, что даже махорку из кармана отдал в футляре, на который весь этот городок вместе с жителями купить можно. И шагает вдоль торгового тракта к зелёным холмам, чтобы решать местные проблемы.

С другой стороны, если уж быть бароном, то править верными людьми, а не иметь на территории замышляющих непонятно что серпентов. За свою юность в Касторе зверолодей он встречал нечасто, разве что среди торговцев и путешественников. В основном, то были людоящеры, минотавры да крысолюды. Изредка монахи-псоглавцы. Во время обучения у Черноуста опыт общения с подобными был более весомым, но это всё равно лишь крупницы, считанные дни среди семи лет познания основ колдовства и тёмных искусств.

Зато читал он о них порядочно. Серпенты, они же люди-змеи, обычно довольно примитивного склада ума, дикие племена. Нередко выше людей ростом, бывают с капюшоном, как у кобр, бывают без. Покрыты чешуёй, как рептилии, по всему телу, носят минимум одежды, почти все смертельно ядовиты для человека. Не выносят горчицу, чеснок, недолюбливают запах жженой травы, словно он давит на их инстинкты и обращает этот народ в паническое бегство, как их ползучих собратьев. И стараются не селиться в местах, где много громких и резких звуков – возле гейзеров, вулканов, шумных городов. В общем, за холмами было идеальное место для их обитания.

Он вполне мог бы попросить горчичного порошка или сушёный чеснок у чародея перед выходом сюда, однако же считал себя выше всего этого. Едва ли существа прямо-таки помрут на месте от таких раздражителей, а дезориентировать их ему хватит и личного колдовства. В конце концов, он не какой-нибудь там охотник за нечистью, чтобы тщательно подготавливаться и быть во всеоружии. Ненароком можно и себе в глаза горчицей попасть, чего бы весьма не хотелось.

Бальтазар держался ближе к прилеску, где всё ещё оставался туман, скрывавший его приближение к поселению змеелюдей. Завидел крупные ягоды дикой малины, но, протянув руку, вспомнил предостережение бородача и есть их всё-таки не стал. Чем ближе к холмам, тем чётче в воздухе ощущался запах костровя, и были слышны звуки ритуальных бубнов да барабанов.

А периодически к их ритму добавлялась ещё одна, довольно причудливая, вибрирующая мелодия. В ней тоже ощущалось нечто ритуальное, почти потустороннее, но такого инструмента некромант прежде ещё никогда не слышал. Любопытство дополнительным стимулом вело в низовья холмов, где у озера на небольшом расстоянии друг от друга, крест-накрест, лежали полыхавшие поленья, а сами чешуйчатые существа извивались и отплясывали в юбках из сухой длинной травы, почти целиком скрывавших их когтистые и лишённые всякой обуви ноги.

Весь танец был столь синхронным, что ввергал в гипнотический транс. Долго смотреть на эти идеально выверенные и скопированные друг за другом движения человеческому взгляду было невыносимо, разум тут же входил в резонанс и вибрировал вместе с ритмом, забывая обо всём остальном, так что Бальтазар пытался отвлечься на что-то ещё, изучая и

разглядывая здешнюю обстановку.

Хижин немного, но всё равно сражение будет явно непростым. На земле валялись крупные венки, сплетённые из луговых цветов. В огонь подбрасывали разные пахучие травы. Плясали не все, были и музыканты, и охранники с копьями из каменных и металлических наконечников. Жрецы в сине-белых полосатых платках-клафтах на головах стояли с неглубокими корзинами, что-то небрежно швыряя оттуда в воду.

Были особи, державшие малыш-змеёныш на руках. Стоило, наверное, назвать их женщинами, но у этих рептилий пол определить было практически невозможно. Отсутствовали и молочные железы, и то, что у людей именуется фигурой. Не было, разумеется, никакого волосяного покрова на головах, чтобы особи друг от друга отличались хотя бы причёсками. Все выглядели одинаково, хотя, быть может, поживи он в их обществе какое-то время, то, глядишь, и научился бы как-то меж собой различать.

Необычные звуки главной мелодии среди отбивавших ритм бубнов и тамтамов принадлежали громоздкому струнному инструменту в руках дворфа, крайне похожего на того, которого вышвырнули из трактира. Такой же репоголовый, с длинными «щупальцами» дредлоков на голове, правда, теперь торчащими из-под широкой соломенной шляпы. Сейчас он, благо, был уже в походной светло-коричневой курточке с бахромой и тёмно-серых бриджах. Где успел одеться и, главное, раздобыть этот ситар – а именно так звалось то, что находилось сейчас в его умелых руках под управлением толстых пальцев – оставалось неизвестным.

Но Бальтазар, пусть и не слышал прежде его звучания, определённо видел такой инструмент среди многих других на искусных детальных изображениях нескольких энциклопедий в библиотеке своего последнего учителя. Семь основных струн, ещё девять резонирующих, обилие ладов, колков и всего прочего. Да ещё и специальное кольцо с коготком на палец, которым дворф поигрывал на своём инструменте.

Делал он это умело, можно даже сказать, профессионально. Бальтазар сразу смекнул, что, с большой вероятностью, имеет дело со странствующим музыкантом, то бишь бардом. Таким и вправду бывает иногда нечем платить в таверне или борделе, но они устраиваются там на работу и пару дней за еду и прочие услуги, без каких-либо денег в оплату, развлекают посетителей своей музыкой или даже песнями. Впрочем, прямо сейчас голоса этого гнома слышно не было.

В сердце снова разыграло тревожащее неприятное чувство. Они были даже незнакомы, но в грядущей бойне Бальтазар как-то не хотел убивать этого низкорослика. То ли музыка его так околдовала, то ли просто сейчас казалось, что он ни при чём во всех тёрках серпентов с людьми Яротруска и других городов.

И, подкравшись поближе, он видел теперь, что жрецы на берегу из своих широких плоских корзин в воду бросают отрубленные части человеческих тел – кисти, голени, стопы, разные внутренности, отчего озеро у побережья постепенно становилось мутно-красным.

А когда всё закончилось, то они, юрко метнувшись в одну соломенную хижину, вытащили оттуда связанного тучного старика с широкой седой бородой в форме лопаты. При этом рот ему не заткнули никаким кляпом, ни то даже не опасаясь, что его призывы о помощи отсюда кто-то услышит, ни то надеясь, что тот будет громко вопить на протяжении своего жертвоприношения. С этих созданий станется, и не на такие зверства способны.

Дорогой чёрно-золотой камзол с бирюзовыми пуговицами выдавал в пленнике человека небедного. И у некрманта мелькнула мысль, что это и есть городской староста. Ну, а те

отрубленные части рук и ног, вероятно, принадлежали его изувеченной охране. Ведь каких-то подробностей похищения оного Бальтазар у чародея не расспрашивал, ему всё это было максимально не интересно.

Какая разница теперь, в каком часу и где было нападение. Не важно, сколько длилась битва. Факт был перед глазами – похищенный мужчина. Может, купец с дороги, может, и вправду градоначальник Яротруска, спасти его в любом случае некромант не собирался. Он выбрал его лишь поводом для себя вступить в сражение с серпентами, дабы не заявляться просто так.

А пока он приближался, ритуал подступал к собственной кульминации. Земля задрожала, и, по ощущениям, даже не из озера, а откуда-то из-под земли, прорыв себе путь к дну водоёма, оттуда с шипением начало подниматься колоссальное существо, отдалённо чем-то напоминающее гигантскую кобру.

Извивающееся толстое тело червеобразного чудища покрывала зелёно-коричневая чешуя в ромбовидных узорах. Брюхо выложено блестящими пластинами цвета ротанга. Примерно от середины подобной древесному стволу вздымавшейся туши уже начинал распускаться перепончатый капюшон на манер крыльев летучей мыши, держащийся полупрозрачными мембранами на шиповидных отростках, вылезавших своим остриём за его пределы.

Глаз на выпиравшей склизкой голове не было видно вовсе. Такой подземной твари они, видимо, были попросту ни к чему. Симметричная чудовищная пасть горизонтальными вытянутыми челюстями раскрывалась, имея по два клыка снизу и сверху, а внутри звёздчатый язык, напоминавший головоногого моллюска с кучей склизких щупалец. Только вместо присосок на них были не то крючки, не то шипы, не то зубы, способные пронзить, перемолоть и растерзать любое попавшееся в их цепкую хватку животное. В том числе и заготовленного для ритуального жертвоприношения, связанного плетёной льняной верёвкой по рукам и ногам, старика, истошно вопящего от ужаса под ускоряющийся ритм бубнов и звона струн ситара.

Щупальца бледно-розовых языков исполинского чудища ощупывали воздух, непрерывно колеблясь. Голова склонялась к окровавленной воде и дыму от костров, куда могли добавлять и особые сушёные цветки либо плоды для дополнительного аромата. Густая жёлтая слюна, напоминавшая крупные капли лимона или даже скорее мёд диких пчёл, вязко капала на песок и траву, а «идолище» уже готово было изогнуться для рывка в направлении своей жертвы.

Тут Бальтазару вспомнилась глупая шутка Ильдара про лук, которого ему «не хватает», и действительно подумалось, что стрелять с такой позиции было бы куда удобнее, чем бежать в ближний бой с холма. Ну, а так как лука с собой не было, пришлось импровизировать магией. Сколько он уже не спал, некромант не помнил. Но отдых в борделе определённо помог ему набраться сил хотя бы на ещё одно вот такое сражение.

Пальцы соорудили в воздухе несколько косых полос и круг вокруг них. В месте перекрестия клубящийся чёрный дым, постепенно меняя цвет, формировал тёмно-сиреневый череп, внутри которого сияло серебристо-голубое пламя, словно свеча внутри резных фигур. И вмиг череп кометой понёсся к заблестевшей на рассвете в лучах восходящего солнца вытянутой прямоугольной голове.

Ритуал людей-змей достигал своей кульминации в этом моменте, чтобы непосредственно на восходе совершилось жертвоприношение. Но сделать рывок к ёрзавшему с места на место неуклюжему телу не дал прилетевший сильный разряд, хоть и не нанёсший

видимых повреждений вокруг чешуйчатой пасти, но заставивший существо нервно подрагивать и шумно кашлять, выигрывая время.

– Замрите-ка!– громогласно заявил Бальтазар, спускаясь с холма, в левой руке сплетая подобие крутящейся многогранной звезды, а правой достав из паучьих узорчатых ножен свой новый ребристый клинок, пока вокруг людоящеров сгушался в воздухе могильный холод, – Немедленно развяжите пленника! – командовал он, хотя это в корне противоречило предыдущему его приказу застыть на месте.

– Ты ещ-щ-щ-щё кто? – хриплым шипением проговорил кто-то из жрецов в полосатых клафтах, отступивших подальше от их пришедшего на кормёжку божества.

– Печально, когда ты будущий лорд тьмы, а о тебе пока ещё никто ничего не знает, – пробубнил себе под нос некромант, ну, а для них резко воскликнул. – Бальтазар Кроненгард! Ученик Гродерика Черноуста! Новый владыка этих земель! – создал он вокруг себя тёмную ауру с бесплотным магическим вихрем, чтобы его чёрно-фиолетовый плащ заколыхался вместе с причёской выразительным и эффектным способом, красуясь перед противниками.

– Кто? Ч-с-чей уч-щ-ченик? – зашипели змеелюди, сбегаясь перед связанным мужчиной, дабы не дать некроманту к тому подбежать и освободить пленника.

Дворф перестал играть от воцарившейся суматохи, поглядывая и будто тоже припоминая, что видел уже где-то на днях этого самого типа. А тот размахивал свистящим в воздухе клинком, угрожая всем, кто приблизится, тем более, что отрубать головы с длинных змеиных шей было в разы удобнее, чем сражаться с какими-нибудь другими расами.

– С-сгинь неч-ч-чисть розовёщ-щ-щёкая! Кыш-ш! – негодовали жрецы. – Ты с-срываеш-ш-шь обряд! Иначе с-станеш-шь с-следующ-щей жертвой Тес-с-с-скатлетона! – вздымали они пятипалые остроконечные лапы ввысь к жуткой лязгающей бестии, уже приходящей в себя после полученного разряда тёмной энергии.

Определённо, после такого у существа болели мышцы даже под толстой бронированной шкурой. Бальтазар знал, что плотная чешуя может отразить некоторые виды заклятий и действовать надо довольно аккуратно. Но дабы не стать мишенью для множества копейщиков, он резво присел, коснувшись руками земли. А над спиной его формировался чёрный вихрь раскрывавшего космического мрака с переливами неведомых созвездий, который, буквально взорвавшись широкими крыльями, кусками ткани меж-реальности рванул вперёд, окутывая окружающее пространство потусторонним сумраком, скрывавшим движения некроманта за вращавшимися слоями беспросветной мглы.

– Помогите! Пожалуйста! – раздался голос связанного старика, даже не понимающего, что тем самым он выдаёт для гигантского змея своё местоположение.

Рядом стоящему Бальтазару пришлось того даже пнуть хорошенько, чтобы покатился бочонком ближе к воде и не мешался под ногами. О такого того и гляди вмиг споткнёшься, да ещё и балабол редкостный, отвлекает почём зря. Лучше б ему рот перевязали, а не ноги, удрал бы подальше и помалкивал – подумалось кривившемуся в лице некроманту, сосредоточенному теперь на защите.

Чёрный купол отражал ядовитые кислотные плевки, которые друг за другом слетали через неравные промежутки времени из раздувавшей свой капюшон громадины. А затем змей-исполин показал, за что ж его так боятся и почитают его чешуйчатые поклонники. Взревел и начал низвергать целый дождь кислоты, попадавший в том числе и на воинов, искавших некроманта. И ниспослал ещё и едко-жёлтую струю, сотрясаясь на месте, неспешно поворачивая голову и, тем самым, пытаясь пронзить всю мрачную пелену в

надежде задеть своего врага.

Кислота капала на песок с таким шипением, что тёмный маг не всегда понимал, где вооружённые прислужники твари, а где просто испаряются капли, в которые явно бы не стоило наступать. А судя по возгласам, не носившие обувь люди-змеи после всего этого «дождя» вокруг ещё как умудрялись это сделать.

Несколько заплутавших в чёрной дымке копейщиков таки обнаружили Бальтазара, рванув к нему, что было сил, отталкиваясь мощными задними лапами, оставляя на прибрежном песке глубокие следы. Но и они выдали себя звуком свирепого шипения, так что чародей, сколдовав ярко-малиновую сферу, окружил себя электрической спиралью и начал свой боевой танец с новым клинком.

Первые два удара лезвия прошли по парировавшим древкам копий, срубая острые наконечники. Что, впрочем, никак не повлияло на агрессивное настроение местной стражи, и те тыльным концом дружно ударили молодого некроманта прямо по лицу. Их отбросило искрящимся заклятьем, но удар всё равно достиг цели, так что и светловласый мужчина слегка выгнулся назад, задрав голову вверх и пытаясь оправиться.

Вскочившие быстро на ноги люди-змеи изогнулись в неестественном для человеческого телосложения приседании, устремив свои палки к ногам незнакомца. Тот же соорудил из дыма чёрного ворона, который раскидал парочку чешуйчатых созданий, и взмыл вверх, шелестом своих крыльев отвлекая ориентировавшегося по звуку и запаху гигантского змея.

Чавкающие клыкастые челюсти пытались схватить рукотворную птицу на лету, высовывали свой звёздчатый шевелящийся язык, под скверный скрежет торчащих из него костяных крючьев. Ну а внизу собиралось всё больше стражников, также ринувшихся на звук, дабы прийти своим на помощь.

Удар за ударом новёхонький меч отражал выпады копий, пока хитрецы, бьющие по ногам, не повалили некроманта спиной на землю. Спираль окружавшей молнии вспыхнула, разлетевшись по всем, словно цепной реакцией, каждого болезненно потрясло, некоторых повалило на колени, а кого-то и вовсе тоже сбilo с ног, но каких-то серьёзных повреждений такая магия серпентам не наносила.

Спина Бальтазара болела от падения, дыхание чуть сбилось, но в своё время его учили противостоять таким недугам и держать себя в руках. В частности, техника, используемая им сейчас, предлагала постараться задержать дыхание и вообще ни о чём другом не думать, кроме сражения.

Не успел молодой человек встать на ноги, как один из отважных копейщиков уже бежал на него, стремясь пронзить насквозь. С впечатляющей грацией некромант увернулся от вражеского лезвия, выставив своё собственное прямо в голову нападавшему. А тот в броске схватил некроманта и, даже налетая на меч, проткнувший левый глаз создания, умудрился вонзить ядовитые клыки магу ниже плеча в области лопатки.

Мужчина вскрикнул, ощутив, как жгучий яд тут же принялся разливаться по телу, но боль лишь раззадоривала на битву. Скинув с себя тушу и вынимая из глазницы уже бездыханного людозмея свой клинок, он ринулся вперёд, гневно размахивая им в прыжках, ногами отводя от себя опасные копыя и срубая клыкастые головы со змеиных вытянутых шей, покрываясь их брызгавшей синей кровью.

За гибелью первого шёл следующий серпент. Каждый, кто приближался, получал режущим взмахом меча резвый и сильный удар, чаще всего оказывавшийся смертельным. Правда, одно из упавших, ещё недобитых тел умудрилось вонзить свои зубы в икру правой

ноги некроманта, остановив его движения и едва не повалив наземь.

Бальтазар со злости отсек голову существа, застрявшего клыками в его плоти. И песок вокруг вновь обагрила густо-голубая жижа, фонтанируя из раны так, что попала брызгами некроманту прямо в глаза. Пальцами левой руки он старался их протереть, отвлекся на попытки отцепить и вытащить из себя эти подобные изогнутым кинжалам крупные клыки, как из мрака появилась громадная четырёхзубая пасть Тескатлетона, раздувавшего свой капюшон и готового вот-вот схватить некроманта.

Причём два верхних зуба гигантского червя были крючковато загнуты вовнутрь, а нижние клыки торчали как лишь слегка изогнутые сабли. Внутри мелких других наростов, как казалось чернокнижнику, не имелось или те были почти незаметны. Такая конструкция клыков позволяла при движении челюстей разрывать схваченные тела на несколько частей и просто заглатывать. Жевать столь крупному чудищу было не обязательно, с его размерами, что человека, что эльфа, что целую корову или антилопу, оно вполне было в состоянии затащить себе в пасть целиком.

Нигде не говорилось, что у серпентов ядовитая кровь, однако же, меж веками определённо чувствовалось неприятное раздражение и лёгкое жжение, постоянно заставлявшее сощуриваться, как бы старательно он те не протирали. Но приближающийся рывок inferнальной кобры заметить вовремя, к счастью, удалось.

Пришлось перекатом нырять в сторону вместе с оставшейся на ноге вонзённой головой. И чем больше было движений, тем болезненней сам углублявшийся укус, и тем больше яда стекало по этим гладким клыкам в растягивавшиеся раны. Земля задрожала, когда туша гиганта окончательно вылезла наружу и уже не торчала из озерного дна. Теперь чудище могло появиться вообще откуда угодно. Дымчатый ворон давно рассеялся, а вот сотканный космический мрак стал больше мешать уже самому Бальтазару.

Он начал разрушать это заклинание, чтобы видеть побольше. Ринулся к силуэту толстяка, чтобы рассечь путы, но это оказался дворф рядом с банджо, схваченный жрецами в заложники, словно тот может быть хоть чем-то дорог пришлому чернокнижнику. От подобной наглости некромант аж остановился на месте, не веря глазам своим.

– Стой, или он умрёт! – шипел один из серпентов в клафте.

– Выручай, братан! – взмолился синеглазый дворф, поглядев на него, он попытался даже протянуть руку, но его сцепили ещё крепче.

Мужчина не испытывал к тому сейчас ни капли сострадания. Бросая пленника со змеелюдьми, новоявленный барон Кроненгард просто отправился сквозь развеивающуюся дымку к кромке озера на борьбу с огромным извивающимся чудовищем, несмотря на все раздосадованные возгласы и крики о помощи гномьего голоса. Его было бы жалко убивать, если б он был на стороне серпентов, а раз они не друзья, то пусть сам выкарабкивается из передраги. Барды обычно носят с собой какое-нибудь оружие для защиты от разбойников на дорогах.

Пока плавно растворявшееся колдовство скрывало движения некроманта, была возможность приблизиться к гиганту незамеченным, впрочем, у твари-то глаз никаких не наблюдалось, главное, чтобы его прислужники не помешали с ней разделаться. Причём, сделать это надо было как можно скорее, иначе яд совсем скуёт тело, да и пронзённая икра уже заставляла прихрамывать. Необходимо было взять себя в руки, позабыть о боли на какое-то время и стремительно действовать.

Теперь было видно, что у монстра на кончике хвоста, где чешуя была багряного оттенка,

также раскрывалось что-то перепончатое, напоминавшее небольшой веер, которым тварь яростно колотила по земле, поднимая песчаную пыль. А создаваемая быстрым бегом Бальтазара вибрация передавалась пластинам на брюхе Тескатлетона. Так что змей теперь без труда мог определить местоположение жертвы. Правда, прицелиться было непросто, ведь та стремительно к нему приближалась, и необходимо было предугадать момент.

И он был угадан верно. Четыре крупных клыка одновременно пронзили тело некроманта, схватив крепкими челюстями, меж которых к мундиру тут же высунулись покрытые крючковатыми зубцами щупальца. От серьёзных ран и охватившей тело inferнальной агонии молодой чернокнижник едва не выпустил свой клинок, но всё же крепко сжал кулаки, в одном из которых находилась ребристая обсидиановая рукоять.

Казалось, ещё мгновение, и яд пожрёт его целиком. Или же целиком проглотит это чудище, утянув в свою зловонную гадкую глотку, растворяя и переваривая в едкой желудочной кислоте, как всех принесённых в дар ему до этого. Чудовищу-то было всё равно: сожрать толстого старика или молодого воина, а лучше было бы даже обоих, кто знает, когда эту скользкую, извивающуюся волнами, громадину кормили в последний раз.

Изданный плащ колыхался в воздухе, крепко держась на вороньих металлических застёжках. Наряд много где уже был прокушен, и от частых движений разрезы и дыры лишь растягивались, терзая дорогие ткани, с шумом рвущиеся под натиском прямоугольных челюстей.

Что было сил Бальтазар начал пронзать мечом крупную уродливую морду в щели между большими чешуйками. Куда на деле довольно легко входило плоское наточенное лезвие узорчатого клэйбэга. Клинок погружался и вновь взмывал в воздух, открывая хлещущие синей кровью широкие раны. Нередко удары шли в одно и то же место, доставляя змею всё больше мучений. А сам некромант собственную боль старался превозмогать, давая выход воплям гнева и погружаясь в неистовый раж, когда пыл битвы вновь замещал ту животную страсть, которой он упивался в Яротруске.

Несмотря на то, что визит в городок прошёл совсем не так, как некромант планировал, такое сражение с неистойой бестией устраивало его чуть более, чем полностью. Такой противник был не просто достойным. Он был превосходящим. Змей определённо сильнее и тяжелее, мог сломать все косточки человеку в любое мгновение, ударить о землю, задушить кольцами. Монстр был также хитрее, не обладая зрением, но вычислив с роковой точностью перемещение Бальтазара, схватив вот так смертоносным укусом.

Кровь и слюна хлестали наружу из исполинской пасти на перекошенного гримасой ненависти Бальтазара, когда лезвие неподводящего меча играючи перерубало все копошащиеся в воздухе хоботы-щупальца мерзкого уродливого языка, пронзало розоватое склизкое нёбо бестии раз за разом. А изнутри по его сосудам стремительно двигались новые дозы отравы, заставляющие действовать всё быстрее, пока силы не покинули вооружённого чернокнижника.

Прямо в пульсирующий центр хлюпающего языкового обрубка Бальтазар всунул свою левую руку, морщась от отвращения, и что было сил сосредоточился на смертоносном синем-чёрном луче. Тот, через время своего сплетения, наконец, вырвался вперёд и пронзил насквозь тушу твари, косым столпом сияния выходя где-то там сзади из спины чешуйчатой громадной бестии.

Челюсти хлюпающей громадины мгновенно разжались, и с криком от неожиданного падения некромант рухнул с большой высоты на левый бок, сломав и руку, и парочку рёбер,

разбив рот, так что привкус крови во рту ощущался и своей, и чужой. А вокруг сбегались змеелюди, окружая его почём зря. Ведь окончательно издохшая, трепыхавшаяся в последних предсмертных конвульсиях громадина рухнула. Да так, что погребла под собой добрую половину стражников с правой стороны от Бальтазара, забрызгав остальных их кровью под бесовский аккомпанемент хрустнувших и лопающихся костей.

Он был ещё жив, завалившись на спину и поглядев на жрецов, столь одинаковых и похожих друг на друга, как капли воды. Отличать их по некой разнице рисунка, помятостей и ровности одетого клафта было бы в разы проще, чем анатомически по чешуйкам на мордах или же лицах – Бальтазар не слишком понимал, как следует называть это у звероловцев, чьим расам не особо-то доверял и откровенно недолюбливал.

– Тес-с-скатлетон... мёртв? – раздался шипящий голос кого-то из людозмей, будто не готовых признать очевидное.

Уже не было ни утреннего тумана, ни колдовской дымки, только истерзанная туша уродливого змея-исполина, кровоточащего лазурной жижей в ярких лучах утреннего солнца, бездыханно лежавшая мертвее некуда в голубоватой луже от собственных опрометчивых почитателей. Остатки племени глазели на труп и умирающего рядом Бальтазара, сузив свои вертикальные зрачки огромных жёлтых, как у рептилий, очей.

– Невозмож-ш-ш-жно! Бога нельз-с-с-зя убить! Кто ты такой, что унич-чтожил ц-с-целое бож-ш-жество?! – пали они перед ним на колени.

У Бальтазара же внутри и снаружи столь адски болело всё тело, где травмы от ран перемешивались с повреждениями органов от действия яда, что он даже не мог им ничего ответить, только плевать своей кровью. Почти не слышал, но до последнего сохранял себя в сознании, по крайней мере, старался, потому что знал, если царица-тьма укроет его в мягкий сумрак своими крыльями, то не отпустит из глубин той бездны уже никогда.

– Жалко его, – подошёл выпущенный змеелюдью дворф-музыкант, поглядывая на умирающего чернокожника. – Хорошо бился... Эх... Пал смертью храбрых! Я напишу балладу о безымянном герое, отдавшем жизнь в сражении с чудовищным богом-червём, – бурчал низкий голос, и он со вздохом отошёл, держа на наплечном ремне за спиной свой крупный ситар.

– Теперь-то хоть можно меня развязать! Вы! Рептилоиды! – вертелся пухлым червяком бородатый старик, которому ещё и плечо серьёзно обожгло одним из поленьев на берегу, на которое он имел несчастье накатиться за это время.

– Вы мерз-с-зкие нетерпимые с-с-сущ-щества! – повернулись к нему змеемордые. – Ваш-ши лазутчики, страж-ш-жники, раз-с-зные горожане только и делали, что уничтожали наш-ш-ши гнёзда, раз-с-зрывали наш-ши кладки и разбивали скорлупу, губя ещ-щё нерождённых детей! – шевелились в воздухе раздвоенные их языки.

– Вы отравили наши колодцы! Варите тут всякую дрянь, выливая на наши яблони! – свирепо ворчал городничий.

– Не припис-сывай нам с-собственные грехи, человек. Тес-с-скатлетон велел нам принос-ить ему жертвы, иначе бы пожрал нас-с-с. А пос-сколькx наш-ши кладки уничтож-ш-жены, нам приш-шлось отлавливать людей из ваш-ших с-селений! Иначе мы бы прос-сто ис-счезли с-сами, как рас-с-са! Вы, злобная, завис-стливая, розовощ-щ-щёкая нечис-сть! Вам мало того, что и так з-с-загнали нас аж за холмы? Презирающ-щие нас-с-с лишь за то, как мы от вас-с отличае-ся, вы пош-шли против с-своих, отравляя город, лиш-шь бы обвинить в

этом нас-с! – шипели недовольные серпенты.

– Вы же отсталые в развитии дикари! Пляшите у тотемов, приносите своих в жертвы, кормите каких-то чудовищ! – пыхтел старикашка. – Вас надо убрать из этого мира! Мешаете человеческому виду развиваться! Не зря вас всех истребляют церковники! Вы здесь нечисть! Во имя господи нашего! – молился он слёзно, глядя на небо.

– Меш-ш-шаем вам быть ц-с-царями природы, коими вы не являетес-сь, но очень хотите, – шумно пыхтели недовольством змеелюди своими ноздрями. – Год за годом, Тадеуш-ш, вы лиш-шали нас-с потомс-ства. Никогда не оказывали помощ-щи, не делилис-сь знаниями, рес-сурс-с-сами, не желали быть мирными с-сос-с-седями! Наш-ши кладки разорены, наш-ше новое поколение ничтожно. Вы убили даже наш-шего бога! И теперь нас-с ничто не держит на этой земле. Заберите с-себе этот клочок, жалкие бес-с-сердечные чудовища, – разошлись они с таким видом, что ещё не потерявшему сознание Бальтазару показалось в их необычной мимике змеиных морд определённая грусть, разочарование и отчаяние.

Но то, что зверолюди способны, как и род человеческий с их ближайшими соседями, испытывать настоящие эмоции, что они никак не были связаны с проблемами Яротруска, было последним откровением в потоке мыслей перед накрывшей весь разум некроманта абсолютнейшей густой чернотой. На этот раз лишь истинный мрак и тишина. Ни мерцающих звёзд, ни переливов далёкого неведомого космоса, ни источника света, ни лучика надежды, ни мерцающего огонька потусторонней реальности. Не было даже шёпота царицы-тьмы, к которому он уже был готов, чтобы услышать очередные нотации.

Бальтазар ждал снова видений с призраками прошлого. Отрывки из воспоминаний, которые могли быть неточными, фальшивыми, искажёнными спустя столько времени. Готов был встретить поток лиц и эфемерных, таящих гримасами остервенелого уродства, масок. Сцены дружбы и предательства, утраты близких, конфликты с наставниками. Но ничего не было. Словно вся жизнь была пуста.

Не было даже ощущения этого некроромантичного мира, что должен существовать где-то на той стороне, с его тленным смрадом и дыханием смерти в каждом порыве и дуновении потусторонних ветров, царящих среди ушедших душ. Никаких лабиринтов сознаний, сокрытых потаённых чудовищ, загробной жизни и пристанища мертвецов. Лишь безбрежный густой океан плотной первородной тьмы, такой, как ещё до пришествия в этот мир хаоса. Пустота, в которой можно было бесцельно плыть, парить, тонуть и не нужно было даже дышать.

А ему казалось, что он всё ещё делал вдох. Вопреки всему. Назло этому миру. Всем inferнальным чертям, порождениям тьмы и вопящим душам умерших врагов. И этим людоящерам, которые, как выяснилось, не желали городу ничего плохого, и деревенскому старосте, который точно руку приложил к отравлению колодцев. Бальтазар был в непроглядном мраке, не чувствуя даже собственного тела, но почему-то ощущал каждый медленный вдох и каждый ещё более томный выдох.

После того, что было в Касторе, когда он предпочёл покинуть живописный край и заняться чёрной магией в Кните, он, казалось, именно этого и искал, придя сюда семь лет спустя, став талантливым некроромантом. Славной битвы, быть может, даже гибели в достойном сражении. С Казиром этих эмоций ему не хватило, всё было слишком просто. А сейчас он нехотя признавал себе, что, вероятно, недооценил мощь ядовитого соперника. И всё же вышел победителем, что давало полное умиротворение перед тем, как полностью раствориться в небытие.

Обычный человеческий страх смерти подал загробный голосок, словно забитая мышь в гулком тоннеле, но тут же развеялся вспышкой змеящегося огонька и исчезающего дыма. Бальтазар ставил себе слишком глобальные цели, чтобы о чём-то сейчас сожалеть. Родственники – мертвы. Учителя – позади. Первая любовь – оставлена в прошлом, где ей будет лучше, чем с ним.

Зачерстев в упражнениях некроромантии, не ведая морали и заботясь лишь о самом себе, он был вполне доволен короткой, но насыщенной жизнью, полной потрясений и путешествий. Запомнят ли его? Конечно, нет. Тот, кому было предназначено быть принесённым в жертву ещё в детстве... Как он вообще дожил до нынешних лет? Молодой мужчина и сам, по большому счёту, не понимал. Сила духа? Смекалка? Везение? Быть может, всё вместе. А, возможно, и нечто совсем другое...

И, как отрицающий всякие религии, он не ждал среди всей этой черноты никакого света с вратами в иной мир. Лучший или худший, было не важно, ведь он не верил ни в один. Как никто другой, он знал то, что будет за порогом смерти. Был готов уйти, раствориться, исчезнуть... Быть может, стать одной из мириад мерцающих на небе звёзд, чтобы с интересом наблюдать, что же происходит по всему Иггдрасиллю...

И затем вновь погребальные колокола пронзили спокойствие и умиротворение.

Казалось бы, вот она – вечность. То самое спокойное забвение, где уже ничто не будет его отныне тревожить... Протяни руку и коснёшься этой вязкой, как смола, сладкой, как мёд, и чёрной, как дёготь, окутавшей и осязаемой темноты. Растворишься в ней, падая в небытие, в бесконечный полёт среди бескрайних глубин мироздания... А уши резало до боли знакомым голосом.

Отнюдь не тем, который так хотелось бы услышать. Этот, прежде всего, был мужским. Немного гранита, немного духовых инструментов Таскарии, нотки гнусавости, скрип старой двери, и вот уже сам собой вырисовывается образ, словно готовое зелье из верно подобранных ингредиентов.

– Долго же проспал. Ну, ты и соня! – проговорил Ильдар где-то совсем близко, покуривая подаренную махорку в длинной трубке из дерева вишни, как у того торговца, видимо им же и подаренной.

Веки нехотя открылись, впуская в жизнь Бальтазара опять этот отталкивающий бранный мир, преисполненный в первую очередь разливающейся по телу болью с покалыванием, будто затекли абсолютно все конечности и сейчас ими дружно пировали несколько сотен клыкастых пауков.

Чем сильнее болело тело, тем лучше он его ощущал. Шевелил пальцами ног, отозвавшимися болью в колене и левом бедре. Сжимал кисти, отчего заныли недавно сросшиеся рёбра. Некромант чуть ли не слышал весь собственный кровоток по венам и артериям, приходя в себя столь медленно и постепенно, что никак не реагировал на всё то, что пытался спросить у него рядом сидящий волшебник.

– Эй, эй! Ты вообще меня слушаешь? – склонился тот к нему ещё ближе, выдохнув ароматный дым махорки.

Бальтазар обнаружил себя в лунном свете на берегу озера, с деревянными поленьями под головой в качестве подушки, её приподнимавшей, раздетым по пояс, да ещё и без обуви. Пальцы рук медленно сжали песок с целью тут же бросить его в бородатое лицо пучеглазому чародею. Он едва удержался, чтобы сделать это сразу, и нехотя повернулся к настырному типу.

– Чего тебе ещё? Я же убил змея? – не дожидаясь ответа, он повернулся в другую сторону, где застал эту разлагающуюся тошнотворными ароматами громадину. – Наконец-то хоть выспался! – потянулся он, вдыхая полной грудью. – Уй, – и скорчился от боли в рёбрах от каждого вдоха и движения в верхней части туловища.

– Ещё как! Яротруск весь хвост растащил, супов наварили, в бочках засолили. Даже кислотные железы забрали, пальцы сожгли, но пристроили в хозяйстве, – с усмешкой рассказывал Ильдар. – Остальное вот уже гнить начало, девать некуда. Скоро всякая нечисть пожалует, а это уже по твоей части, – всё улыбался бородач, посасывая дым сквозь широкий и плоский загубник мундштука резной трубки.

– Так какого ж чёрта ты, Хитрый Лис, вообще здесь делаешь? – опять поглядел на него некромант.

– Ну, ты ж мой янтарь поливал всякой гадостью, обзывал, как только мог, а я говорю, лекарь-то из меня неплохой будет! – ухмыльнулся городской маг. – Чародейство да камушки агата с ядом боролись не менее отчаянно, чем ты с этой тварью. Как видишь, справились. Не хуже тебя будут, хе-хе. Плечо вправили, лопатку склеили, рёбра на место вернули, что-то ещё с ногой у тебя было, мышцы все разорваны при падении, – припоминал он.

– Избавь от анатомических подробностей, – прокряхтел Бальтазар на такую заботу. – В

этом мире главное, чтобы член был цел и стоял, как надо. Остальное вторично. Материальных удовольствий слишком мало, чтобы размениваться по мелочам.

– Вот уж чего не проверял, того не проверял! – обиженно отвернулся чародей, пока тот пытался приподняться на руках, но рухнул на спину также, как та обессиленная куртизанка в борделе, только ещё и затылком об остатки костра ударился.

– Уй-йя! – скривился некромант и занёс кое-как к затылку правую руку, – А гадости вам подливал ваш бородатый председатель, – смутно припоминал он, чем всё дело кончилось перед вязким забвением. – Вы, главное, череп змея сохраните на память, всем будете показывать потом, – повелел он, морщась. – Пригодится...

Конечности потихоньку приходили в себя. Иглоукалывание по всему кровотоку постепенно отступало, хотя каждый вдох ещё отдавался болью в груди, особенно в рёбрах с левой стороны. Было даже опасение, что они от этого недоучки как-то там не так срослись, с него станется. Черноуст велел никогда не доверять слабым магам с янтарными посохами.

– Шуму ты, конечно, наделал, это да... – всё ещё не поворачиваясь, поглядывая вдаль, на горизонт, произнёс волшебник, левой рукой придерживая дымящуюся ароматную трубку.

– Тем, что червячка заморил этого? Видали мы и покрепче бронтозавров, знаешь ли, – всё-таки принял, наконец, не без труда, сидячее положение Бальтазар, отряхивая кожу от песка.

– Тем, что на чистую воду старосту вывел. Избавил этих чешуйчатых дикарей от их, так сказать, «бога». Змеелюди и явились в деревню, приволокли Тадеуша, поставили его на ноги, связанного по щиколоткам и запястьям, и пинали раскалённой головешкой по заднице, гоня по городу, пока он скакал, как сайгак степной, да не рассказал всем, что лично готовил яд да лил в колодец. Ну, и всё такое прочее, – ленился погружаться в подробности чародей.

– Так что там? Мир, дружба, лакрица? – вздохнул Бальтазар.

– Как сказать. Ящеры... тьфу ты, змеи! Всё время ж их путаю, рептилии эти, боже! В общем, серпенты обыскали хижину, запросили всяких ингредиентов недостающих, наварили зелий. Что-то мы носили вёдрами к яблоням, что-то в колодцы городские, в общем, очистили нам воду, сады, да ушли восвояси со всеми пожитками, – сообщил тот. – Даже еды в дорогу не взяли, ни платы никакой. Сказали, мы, люди, мол, добро быстро забываем. Если останутся они жить рядом с нами, то уже через пару поколений снова пакостить начнём им да войной пойдём. Мол, сколько раз такое было. Они нас лечат, мы их калечим. А у нас даже поверий и легенд никаких нет о чешуйчатых спасителях и помощниках. Ничего в памяти народа не осталось, ей богу.

– И даже репоголовый бард их в песне вряд ли упомянет, – пробубнил себе под нос некромант. – А ты ж у нас, вроде, не за церковников был, – припомнил уже погромче некромант от таких выражений собеседника.

– Ну, так я и не уточнял, какому именно богу, – хохотнул тот. – Пока тебя лечил, то богу врачевания молился, например. А дабы ты проснулся, то богини ночи, чтобы выпустила тебя из своих когтей к нам обратно.

– Да на кой? Я пришёл тебя убить и город уничтожить. А ты меня спасти удумал, старый дуралей... – фыркнул мужчина.

– Да я знаю, что от добра добра не ищут. Кстати, на лице у тебя какие-то синяки ещё остались, сам долечивай, – говорил чародей о следах от ударов древками копьё. – Я б и не пошёл, вообще, зачем ты мне сдался, – вновь отвернулся он к луне, продолжая изображать обиженку. – Это она всё потянула...

– Кто? – аж вздрогнул и протёр глаза Бальтазар.

А из-за плеча полосатой мантии чародея робко выглядывал невинный кареглазый лик в оформлении жемчужных, переливающихся в серебристом небесном сиянии, девичьих волос. Тихо сидевшая за старым волшебником Люси с лямками сарафана на голы плечи всё это время даже не встревала в их разговор, скрываясь от взора аметистовых глаз пробудившегося некроманта.

– Нет! – удивлённо выдохнул и чуть попятился он ползком. – Я ж тебя заклинал, гипнозом подчинил, держись подальше, не смей влюбляться, – определённо был он крайне не рад молчаливой гостье, прятавшейся за чародеем.

– Да я, может, и не влюблялась вовсе! Потому и не подействовало, – порозовели молоденькие щёки, а вид тоже стал слегка обиженным, как и у Ильдара. – Просто волновалась, как вы тут. Проснулась, а вас нет. А эти две ещё дрыхнут. Скучно стало, я фрукты доела, сарафан накинула, да и вышла во двор воздухом подышать. А там наш волшебник рассказывает кузнецу, что скоро нас кое-кто пришлый ото всех бед вмиг избавит, я и удивилась! Думала, вы и лекаря нашего убили, и ещё там пол городка себе в зомби или в вампиров превратите. Чем вы там обычно занимаетесь...

– Некроманты-то? – выдвинул вперёд нижнюю челюсть и дунул на лезущие в глаза волосы Бальтазар. – Ну, судя по всему, как видишь, скромные городки от нашествия гигантских змей выручаем...

– Никто даже не знает, что это вы! Это так несправедливо! – на эмоциях ударила она кулаком прямо по плечу чародея. – Ой, простите...

– Ты без выкрутасов давай это, – отсел тот подальше, кашлянув дымом махорки. – Я и так лечил господина барона, сколько сил потратил! Мне покой и отдых нужен, я уже не молод!

– Одетта делает отличный массаж, зайдите к ней, – посоветовала девушка.

– Чего прячешься-то там за чужой спиной, малявка? – ругался на неё молодой чернокнижник.

– Вы же сказали, не говорить с вами без разрешения, я и сижу, помалкиваю, – фыркнула та, кокетливо повернувшись в профиль и запуская тонкие пальчики с длинноватыми, прямоугольно обстриженными, ноготками в свои длинные перламутровые волосы, косясь на него: смотрит ли.

– Что теперь? Будешь вместо покойного лекаря людей Яротруска исцелять? – полюбопытствовал чернокнижник.

– Нет уж, на тебя одного столько сил ушло, теперь без сил в лихорадке валяться ещё предстоит незнамо сколько. Найдём в город травника неглупого, надеюсь. Не хорошо такому городу без врачевателя быть, – с серьёзным видом отвечал ему Ильдар.

– Что со старым хрычом-то? Простили и снова на трон посадили? – поинтересовался тогда некромант.

– Ха! Скажешь тоже! Это Яротруск, это тебе не Бон Мешаль, где власти сидят, свергаются, потом снова сидят, снова свергаются, опять возвращаются и всякий раз одни и те же. Весь совет старейшин, которые никак богам души не отдадут, уж полвека как правят, если не больше... – ворчал чародей.

– Да не отвлекайся ты, брюзга старый, – нашёл на ощупь среди песка чернокнижник маленький гладкий камушек и бросил им в мага.

– Сожгли его на костре сегодня ночью, – повернулся тот. – Зрелище было, ты бы видел!

Вопил похлеще любой ведьмы! На кол через задний проход посадили, воздвигнув голого среди башни хвороста повыше, что б все видели, пока он тушкой своей жирненькой по пике сползал, да подожгли всё вокруг. Плясали, словно сами дремучими дикарями сделались! Ух, безудержное веселье! Захаб столько денег урвал на ставках, от чего хрыч сдохнет: от пронзённых органов или от огня. Все пари выиграл. Так что ты о его несостоявшейся выручке за меч не переживай, кстати, вон он лежит возле одежды.

– Я постаралась заштопать все порванные места, – скромно и тихо произнесла Люси, – где их прокусили мелкие или крупные эти... существа...

– М-да уж, толку теперь к вам идти ужасы наводить, сами без меня прекрасно справляетесь с людскими мучениями, – хмыкнул некромант на слова Ильдара, а сам поглядел на бережно сложенный девушкой мундир, лежавший поверх тканей новый клинок, изрядно помогший в бою, и стоявшие неподалёку начищенные сапоги.

– Зато вода свежая и фрукты не отравлены, – заявила девушка. – Но обидно, что героями стали ящеры.

– Змеи, – поправил Ильдар.

– Да какая уже разница?! – не понравилось ей, как он встрял с поучениями, едва ли не подтверждая их слова о людях. – Они про вас даже слова не сказали! – глядела она с сожалением на Бальтазара. – Стали героями, будто они сами разоблачили старика Тадеуша. Потом, под конец, уже уходя, заявили, мол у озера туша змея... Теска... Туска... Текта... Да не важно. Там уж вас-то и нашли, все думают, вы умерли. Погибли в бою с этой штукой. Так про вас дворф какой-то пел, уехал уже.

– Может, так даже лучше, – потягивался и неспешно разминал мышцы сквозь боль и крик молодой некромант. – Ещё не хватало перед завоеванием соседней деревушки прослыть каким-нибудь местным героем, – скривился он. – Потом отбоя не будет от всех этих «Моих детей похитили, помогите», «Моя кошка залезла на дерево», «У меня в подвале завелись крысы»... – изображал он тоненьким писклявым голоском потенциальные просьбы. – Сжечь всех, и дело с концом! Никаких проблем сразу! – гаркнул он, занизив голос.

– В общем, – поднялся чародей, – нового старосту не избирали, я теперь в Яротруске за главного. Если что, обращайся. Они не помнят, я-то помню! – поглядел он на некроманта.

– Вот уж не хватало ещё когда-нибудь в жизни просить помощи у мага с янтарным посохом, – покачал головой сидевший на песке Бальтазар.

– И не благодари за меч. Смотрю, он тебе уже сослужил добрую службу. Пусть будет благословлён на новые подвиги! – напоследок стукнул этим своим посохом Ильдар.

– На завоевание остального человечества, ага, – усмехнулся лишь на это всё чернокнижник.

– Оставлю вас, телесные раны залечены, душевными пусть девка распутная занимается, – побрёл неспешно чародей от озера.

– Да ну тебя, это ж не серьёзно! Какие душевные раны, да она ж едва созрела, маленькая ещё совсем! – скидывал белёсые брови домиком некромант, глядя ему вслед, пока та уже уселась ему на бёдра, вызвав очередные приступы боли и попытки её оттуда стащить да скинуть на песок.

– Да?! – возмущённо пищала она от щекотки, сопротивляясь его пальцам на порывы себя сбросить, – А маленькие умеют делать так? – юркнула она рукой под тёмную дорожную ткань его кашемировых брюк, доступных лишь в одноимённой дальней провинции, и принялась

нескромно поглаживать, при этом ловкими пальчиками другой руки ловко расстёгивая пояс, чтобы было куда удобнее.

– Ты! Ну, ты! – ёрзал он, а она щёлкнула одной из пуговичек лямок сарафана и начала из него вылезать, пока тот спал, оголяя её молоденькое тело.

– А что? Ты сам сказал, что для тебя в жизни это главное! Я же всё слышала! – заявляла она, слегка краснея, что было заметно даже ночью в бледноглазом лунном сиянии, двигая рукой и чувствуя его сильное возбуждение, а затем страстно повалила Бальтазара на песок, навалившись и прижимаясь округлой девичьей грудью так, что он снова стукнулся головой об обугленные деревянные.

– Ай! Маленькая негодница! Накажу ведь! Совсем не думаешь, что творишь! – раздавался его голос, скорее в шутку, нежели с реальной угрозой.

Естественно, она могла быть сверху, лишь пока он слабо сопротивлялся или сам этого хотел. Столь лёгкая для него, она быстро сама оказалась голой спиной на песке. Ёрзала и извивалась под ним, словно змейка, знойно и игриво вылезая из своего сарафана, как из прежней кожи. Будто перерождалась в небесных серебристых переливах, и поглядывала таким взором, в котором похоть и невинность грациозно танцевали друг с другом вихрями бесконечного гипнотического вальса, тесно обнявшись, на тонком лезвии наточенного клинка.

И клинок этот был уже в её власти. Пыл битвы вновь готовился смениться сладострастием плотских утех, губы их соприкоснулись, мужские пальцы в мелких песчинках нагло вонзились в разбросанную жемчужную причёску, и хрупкая девчушка ощутила себя целиком в жгучей власти крепких объятий своего спасителя, безрассудно ласкавшего и пронзавшего её всегда там, где ей и хотелось.

Она не ждала, что теперь её жизнь изменится. Совершенно не надеялась, что он возьмёт её куда-то с собой, увезёт прочь, что они стали бы близки и у них всерьёз могло бы хоть что-то реально получиться. Молоденькая куртизанка и высокомерный повелитель нечисти. Они были слишком разные и никогда не должны были встретиться в одной постели. Да и унесись они вместе на белом коне, уже днём позже он мог бы вот так умереть уже взаправду от сражения с кем-то ещё... Сколько может продлиться подобный союз? И сколь счастливым он вообще может быть? Скорее всего, уже поутру он исчезнет или она сама сбежит в городок, оставив его дремать на пляже у озера, сколько тому вздумается. И всё будет, как раньше. Может, чуточку лучше.

Но сейчас, под любопытным взором полнолуния с чёрно-фиолетового ночного неба, усеянного россыпью подмигивающих им и хитро улыбающихся жемчужин-звёзд, они вновь могли поиграть в то чудесное театральное представление, где были друг для друга самыми-самыми. Самыми желанными, самыми единственными, самыми счастливыми в этом мире. И у них впереди была вся ночь на чувственные прикосновения, сочные ласки и поцелуи, тесные объятия, жаркие стоны и нескончаемые всплески ни с чем несравнимого наслаждения, переплетаясь нагими телами и сливаясь вместе будто бы в одно целое в стремительном пылком полёте бурлящего экстаза.

Никому из них неважно было прошлое друг друга, как и несовместимое грядущее будущее, что каждого понесёт по руслу собственного извилистого, как кованный фламберг или туша убитого бога-червя, пути. Не требовалось даже слов. Тела и несдерживаемые звуки высшего блаженства всё говорили сами за себя. И пока они живы, этим, безусловно, надо было пользоваться снова и снова... Опять растворяясь яркими светлячками в вязкой тишине

медовой околдовывающей бездны, в затмевающей разум и взор темноте удовольствий, но уже вдвоём. И наплевать, что об этом подумает и что скажет на это царица-тьма. Всё, что потом – то, право, не важно. Волшебство творилось здесь и сейчас.

Бархатная ночь простирала вокруг плащ своих непроглядных крыльев. Хмурые тучи застилали блики звёзд, словно запрещая всякое проникновение вниз нежеланного света, укрывая детей тьмы от чужих глаз. Мягкой, почти бесшумной, поступью сооружённые из частей мёртвых животных твари, окружённые чёрным и фиолетовым дымом, пронизывающим их обглоданные белёсые кости, шагали вперёд под руководством повелевающих рук некроманта.

Големы – искусственные создания-слуги, оживлённые при помощи магии и обычно создаваемые из неживого материала – камня, глины, металла, порой даже из дерева, но в данном случае из костей давно умерших животных, послушно следовали рядом со своим хозяином и во всём ему преданно повиновались.

Нередко таких лепили в виде людей или хотя бы антропоморфных многоруких и многоглавых чудовищ, охраняющих врата или входы в сокровищницу. Големы некромантов же чаще всего представляли собой именно костяные нагромождения, в лучшем случае походящие на зверей, а чаще – вообще нечто неопишное.

Бальтазар двигался на Сельваторск с собранным по пути небольшим воинством лесного зверья. Молодой мужчина в косом тёмном мундире аристократа, с пышным каскадом светлых волос оттенка платины активно жестикулировал. Кружевные белые манжеты из-под чёрных рукавов ягнячьей кожи только и мерцали в потёмках, словно порхающие ночные мотыльки, привлечённые далёким светом городских огней.

До поселения было ещё далеко, однако даже отсюда виднелись рыжеватые маячки уличных фонарей и некоторых окон домов на окраине. Некромант чувствовал, что по левую руку где-то неподалёку расстелились своей гибельной обителью топкие торфяные болота. Место смерти людей и животных, чьи кости можно было поднять оттуда прямо сейчас.

Но это требовало дополнительной затраты сил и времени, а с ним и так была его стая, способная навести ужас на окружённый лесами городок. Древесные стволы создавали сейчас непроглядную темень, а в плохую погоду так и вовсе сельская дорога смотрелась мрачнее обычного.

Хотя для него-то погода была в самый раз. Бальтазар из рода Кроненгард недолюбливал яркое солнце. Как-то в детстве, в ясный день, его попытались принести тому в жертву. Но всё тогда пошло не так, и жизнь его, которой судьбой было уготовано оборваться на седьмой день рождения кровавым ритуалом, внезапно метнулась в другое русло.

Царица-тьма подсказала ему новый путь. Для него это был путь жизни, для многих других он сулил смерть и неминуемую мучительную гибель. Посаженное глубоко в груди чёрное зерно сомнения окутывало лоскутами сумрака огрубевшее сердце. Жизненный путь делал юношу свидетелем несправедливости мира, боли и отчаяния, что грызут этот мир на каждом шагу. Не спасла его душу даже первая любовь, обернувшаяся катастрофой и разочарованием.

С тех пор Бальтазар предпочитал истинным чувствам лишь звериную страсть, а жертвенность ради других он разбил, как фамильную вазу, пронзённый осколками предательства, обмана и безразличия. Жизнь для себя казалась теперь осмысленным выбором, жестокость – бронёй от внешних воздействий, а силы тьмы, полученные в ходе обучения, средством к достижению своих желаний.

Захватив в Вольных Землях замок одного барона, теперь он стремился к расширению своего влияния в разные стороны от него. Нужно было заставить ближайшие города уважать себя и бояться. А для этого, как он считал, не помешают вот такие визиты с прожорливыми «питомцами».

Где-то недалеко раздавались во тьме хлопки больших крыльев. Не то кто-то возвращался с добычей в гнездо, не то лишь пробуждался для ночной охоты, разминаясь перед полётом. Создания-гибриды, имевшие в основе туши оленей, кабаньих хребет, волчьи черепа и змеиные головы на хвостах, сверкали полыхающим тёмно-сиреневым огоньком в тёмных пещерах своих глазниц и шагали подле барона Кроненгарда. Уродливые истлевшие порождения мрака. Они должны были насладиться на городок панику, заставить дрожать население и укоренить таким образом власть Бальтазара.

Тому могли понадобиться здешние кладбища для войска и даже живые люди. Никогда прежде не бывавший в этих землях, он всегда с интересом узнавал местные обычаи разных сёл и городов. О чём-то был слышан, с чем-то сталкивался впервые, а иногда визиты его и вовсе проходили совсем не по плану.

Было похоже на то, что и сейчас внезапно нападение на готовящийся ко сну Сельваторск рисковало оказаться под угрозой срыва. С ветви одного крупного раскидистого дуба фигура в капюшоне натянула сразу три оперённые стрелы и выпустила так, что те, засверкав, тут же поразили ближайших костяных големов, рассыпая их на бессвязные кусочки.

– Что? – оскалился ошарашенный некромант. – Магические стрелы? – его прищуренный фиалковый взор метнулся к источнику выстрела.

Некто в тёмно-зелёном капюшоне не мешкал, а вовсю готовил следующий тройной залп. Крупные четырёхгранные наконечники упругих стрел сверкали серебристой аурой, пульсируя изнутри, будто кто-то пытался раскалить их в кузнечной печи.

Они со свистом взмыли в воздух, оставляя после себя яркие лучи света. На этот раз чернокнижник попытался защитить от них своих тварей и даже вовремя выстроил наспеш сплетенную защиту, но его тёмная магия оказалась пробита столь же легко, как керамический горшок, стеклянный купол или полая скульптура из тонкого льда.

Осколки, разлетаясь вокруг, лишь сильнее разбрызгивали частицы заклятья. Тем самым стрелы поражали ещё больше костяных безвольных чудовищ, слушавших лишь то, что приказывает им воля молодого барона. Тот же всерьёз хмурился тонкими бровями на гладко выбритом лице, исказил фактурные угловатые губы в новом оскале и бормотал вслух о собственном удивлении всеми этими сверкающими выстрелами.

– Лучник-маг? Быть такого не может! – Раздувались от гнева ноздри его прямого аккуратного носа.

Глаза горели ненавистью и таким же фиолетовым пламенем, как и в звериных черепах, словно сам он был из подобных созданий, а отнюдь не их хозяином. Впрочем, это никак не волновало охотника. Тот с удовольствием выпустил стрелы, засиявшие в этот раз ярко-зелёным, и в самого Бальтазара.

Две просвистели мимо, однако третья всё-таки угодила в плечо, вонзившись глубоко, заставив некроманта пошатнуться и вскрикнуть. Стрелок в капюшоне тем временем сменил положение, прыгая по веткам, отстреливая отдельных особей из костяного войска, разрушая тех частично или даже целиком.

Наконечники его верных стрел сверкали то серебристо-белым, то тёмно-синим и даже ярко-зелёным. Один раз ещё каким-то малиново-розовым, когда стрела угодила Бальтазару

уже в печень, вновь пронзив свою цель. Он формировал защитные купола, пытался сосредоточиться, выдохнул астральный огонь, чтобы сжечь мерцавшие магические снаряды в полёте, а когда это начало помогать, лучник попросту начал стрелять быстрее.

Обломав древко стрелы, торчащей из плеча, и испепелив его прямо в ладони, тёмный маг расставил руки в стороны и выстроил спереди своих существ шипованные панцири, сосредоточенно произнося заклинание вибрирующим голосом. И когда новые стрелы угодили прямо в них, материальная часть стрелы отскочила, словно от выгнутого металла или каменной кладки. А вложенная магия отразилась обратно в стреляющего.

И теперь уже охотник стал жертвой, оказавшись сбитым с ветки, полетев шумно вниз. Клацающие костяными зубами монстры были тут же направлены туда растерзать ещё не успевшего подняться лучника, но и тот был на деле не промах.

Постукивающие костями туши с внутренним сиянием, магическим дымом и танцующим пламенем в горящих глазах ринулись по приказу хозяина. Но зачарованный лук будто сам служил колдовским инструментом охотнику, и фигура в накидке умело защищалась от некромантии, образовывая спирали защитных барьеров, прогибавшихся, но не так-то просто ломавшихся под натиском воющей нежити. А иногда путешествующие охраной по своей траектории рыжеватые и голубоватые шары переливающейся энергии срывались в атаковавшую зверюгу. Сверкая, они врезались в любого, кто подходил близко или имел наглость коснуться такой защиты.

Бальтазар на это сплёл паукоподобное заклятье, направляя его разверстым жестом пальцев из сложенных рук туда. Но многолапая стрекотавшая тварь из чёрной энергии прилипла к щиту, словно насекомое на стеклянной поверхности. А потом ещё не поднявшийся на ноги лучник вновь начал сыпать стрелами, рая существ вокруг, пронзая и разрушая тех, кто так стремился ему навредить.

От этих выстрелов некромант уже уворачивался перекатом, лишь добавлявшим боли в боку и плече. Причём внизу всё ещё торчало цельное древко. Часть сил уходило на поддержание самочувствия, дабы не шататься, не хромать и сосредоточиться. Были посланы новые команды костяным ищейкам, вот только дополнительной защитой окружить их он позабыл, и те рассыпались в прыжках ещё на подлёте к цели.

Новый тройной выстрел барон Кронхольда остановил прямо в воздухе, а точнее сжал мрак вокруг снарядов настолько плотно, что те по итогу замедлились и упали на землю, продолжая ещё угасающе мерцать какое-то время.

Вынув отчаянным рывком стрелу из собственного бока, он попытался унять хлещущую кровь. Целительством некромант, понятное дело, не обладал, но на такие случаи Гродерик Черноуст обучил его иным сподручным приёмам. С ранами на теле можно было делать разные вещи, а из человеческой крови, в том числе собственной, благо даже тёмный маг на деле оставался человеком, можно было вытащить уйму крайне полезной энергии.

Многие ритуалы вообще, так или иначе, требовали истязать себя ножом, например, порезать ладонь или запястье, дабы окропить что-либо кровью: символ, алтарь, жертвенное животное, порой даже книжную страницу или отдельно переписанный свиток с заклинанием. Сейчас же ничего такого совершенно не требовалось, а вот два серьёзных увечья на теле незнакомец ему нанёс.

Плотная тёмная дымка окутала ноги в чёрных кожаных штанах, которые чаще носили простолюдины, нежели аристократы, но он предпочитал именно их под свой наряд, чем какие-нибудь кюлоты, лампасы, шаровары или чулки. Иногда разве что, чередуя с

кашемировыми брюками, которые шили на заказ только в одноимённой области. Да и мода в его родном Фуртхёгге серьёзно отличалась и от Империи, и от Северных Королевств. Впрочем, от Дайкона и жаркой Таскарии тоже, и даже куда сильнее. Там носили то, чего практически не встретишь в других землях материка, но, конечно, были и какие-то довольно общие для всех, весьма похожие от региона к региону костюмы, особенно у бедняков: шорты, рубахи, жилеты...

Сейчас, правда, было совсем не до мыслей сожаления о проделанных неизвестным стрелком дырах в дорогом мундире. Можно было и вовсе внезапно лишиться жизни от стычки с таким странным противником. Бальтазар совсем не ожидал с кем-либо столкнуться на пути к Сельваторску. В чужих заклятиях он довольно легко читал природную магию. Но встретить друида, который вместо посоха орудует луком – было вообще за пределами понимания барона-некроманта.

Похожий больше на тёмного джинна, так как ниже торса ноги его скрывал густой дым, Бальтазар ринулся вперёд, запретив на время колдовством себе чувствовать боль. Некромант на ходу обнажил из изящных узорчатых ножен прочный полоторный меч клэйбэг с навершием-черепом и крестовиной в форме крыльев летучей мыши.

Лихой удар должен был настичь и пронзить охотника напрямиком на траве среди старой листвы, мелких веток и валявшихся желудей, но лишь ударился о сотворённую взмахом мерцавшего грациозного лука защиту. Ноздрей достиг аромат эльфийской магии. Чуждой человеческому роду, такой дикой, с нотками лаванды и ванили под букет таинственных заморских специй с земель Бушваля или архипелага Настронд, либо полуострова Лонгшир, запах сырой земли и скошенной свежей травы горных лугов.

Чародейский лук был явно особым. На нём в моменты наиболее яркого свечения можно было заметить украшения в виде орлиных голов по обе стороны рукоятки и стилизованное оперение вверху и внизу древка с симметричными многослойными узорами. Крупное изделие с четырьмя изгибами, инкрустированное драгоценностями зелёных и голубых оттенков в своём декоре служило стрелку не просто орудием, но ещё и действительно катализатором всех его чародейских умений, как служит магам посох, колдовской жезл или волшебная палочка.

Удар клинка рассёк защиту, но потерял оттого всю вложенную в замах силу. Казалось, что некроманта попросту перехитрили, зная, сколько всего он собирается вложить в этот удар. Да, барьер не выдержал, но функцию свою всё равно выполнил, замедлив лезвие, как если бы то попало во что-то густое и вязкое.

И вовремя развернувшийся ловкий охотник тут же вонзил вынутую из резного колчана стрелу Бальтазару в лопатку, повалив его крепким всплеском энергии вонзившегося в спину выстрела. Следовало бы благодарить тьму, что лучник успел спешно зарядить лишь одну, да и ей попал не в затылок. Однако тёмный маг лежал лицом в землю, а его прыткий оппонент сейчас всю мог вскочить и подняться.

Пришлось отступать, выпустить переливы тьмы змеящимися волнами, соткавшими вокруг непроглядную темень. Доступная жертва в мгновение ока ускользнула от охотника в мутной дымке. Три серебристо-белые магические стрелы полетели туда, где ещё мгновение назад лежал поверженный некромант, но, разумеется, в том месте уже никого не было.

Дотянуться и вытащить третью стрелу никак не получалось. Боль сковывала всё сильней, возвращаясь гулкими ударами, от которых по телу расходились яркие терзающие волны. Нельзя было даже стонать, чтобы позволить врагу обнаружить себя. Ни в коем случае

не следовало сейчас выдавать своё местоположение.

А ноги в высоких сапогах тугой шнуровки несли его в сторону болота. Тёмная энергия на пару с лесной чернотой прикрывали израненного чернокнижника от глаз меткого мага-охотника. А тот сейчас расстреливал последних големов из своры порождений некромантии и, наверняка, уже гнался за самим чернокнижником, дабы добить.

– Глаза б ему выколоть, – фыркнул в груди мягкий шёпот недовольной царицы-тьмы.

– Успеет ещё, – скалился озлобленный Бальтазар. – Что он вообще такое? Как маг может быть ещё лучником?! – всё не укладывалось в его голове.

– Я скрыла тебя, но, если он попадёт наугад... – лишь беспокоилась та за него.

– Не сможет, – оттолкнувшись что было сил от кочек, преодолевая боль по всему телу от ран, некромант плашмя рухнул в болото, спешно оплетая себя новым непроглядным заклятьем.

Вокруг торса плотными лентами, словно щупальца, обвивались потоки гулкого мрака. Тьма взбиралась по его рукам и ногам, а вуаль широкой бесформенной маски скрыла, как капюшон или шлем, светловласую голову. А в скором времени, окруженный всей этой космической чернотой Бальтазар начал подпитываться энергией тлена, ужаса и смерти от всех тех, кто в этом болоте когда-то увяз.

Он буквально погружался туда, к ним, в эти топи. Прикрытые глаза вырисовывали контуры скелетов людей и зверья. Всех тех, кому место стало последним пристанищем и цепкой плотной могилой. Неупокоенные духи и незахороненные останки, которым не суждено когда-либо быть обнаруженными и показаться на поверхности, разделяли его боль и делились своей.

Кости так и оставались в вязкой встревоженной жиже в то время, как души умерших поглощались потусторонней аурой Бальтазара, питая его силы и помогая заживлять ранения. Процесс этот был долгим, призраки – далеко не свежееубиенными, а потому в их компании он завис между жизнью и смертью на какое-то время, благо царица-тьма игривой кошкой расплела путеводный клубок, дабы аспидные нити вели его сквозь мутно-сиреневый морок обратно.

Казалось, ушей достигли шаги чародея, что проходил мимо этого места, но некроманта в болоте не почуял и не обнаружил. Загадочный незнакомец потерял след и не смог закончить начатое. Однако же помешал нападению чернокнижника на Сельваторск и поменял тем самым его планы.

У Бальтазара было достаточно времени обдумать дальнейшие действия. И когда он снова всплыл на поверхность, оплетённый густыми лентами тёмной магии, вокруг уже всюду было светло. Ночь давно кончилась, и со стороны городка доносились типичные звуки кипящей жизни – голоса людей, удары кузнечного молота, скрип колёс от телег, звуки домашнего скота...

Чародейские мрачные вьюны расплетались обратно, распадаясь в невидимые частицы, оседавшие на проклятую топь. Весь ворох её узников так и остался в ней навечно, однако сам Бальтазар поднимался в полный рост уже почти невредимым.

Отметины от выстрелов на коже под оставленными в костюме дырами, конечно, ещё виднелись, но были похожи больше на шрамы, заживавшие через неделю после вынужденной стрелы. Тьма извлекла из него даже ту, что была в спине. Она покоилась теперь где-то на дне болота. Ну, а сам некромант, немного промёрзший, но хоть не промокший благодаря колдовству, неторопливо зашагал из торфяников к дубовой роще, а оттуда на лесную дорогу и

в сторону города.

Местные жители глядели на него с опаской, удивлением и испугом. Однако самым странным было отнюдь не это – некромантов всегда и везде недолгоблвали. Тут же было нечто иное и даже противоположное. Бальтазара даже встревожило то, что он видел на этих, отводящих свой взгляд, людских лицах. В глазах их при виде него горел, помимо всего прочего, странный огонёк непонятной надежды, сменяющий привычные эмоции презрения и ненависти.

Как будто они вздохнули с облегчением, когда он явился. Боялись его, опасались сил такого тёмного мага и в то же время были... будто бы рады его визиту. Чего не случилось практически нигде за его путешествия, кроме одного местечка, где на некроманта взирали почти также.

А потому он тут же сообразил, с чем имеет дело. В Сельваторске, скрывавшем какие-то тёмные тайны, была некая своя особенная проблема – с неупокоенными. Лишь однажды Бальтазара встречали с надеждой в глазах. Когда его просили угомонить нежить либо забрать с собой, что он и сделал, избавив народ одного поселения от постоянных набегов и ночных ужасов. То был единственный городок в старом Кните, где имя Бальтазара Кроненгарда прославилось, как великого героя, спасителя и избавителя. А подобная слава ему была совершенно не нужна.

Окружённый лесом с трёх сторон, крупный город, – который должен был пасть под гнётом сумрачных чудовищ, – сейчас, при виде статно шагавшего аристократа, стыдливо отводя от него взгляд, надеялся на его помощь. Барон в чёрном мундире с фиолетовым плащом, металлическими черепами, блестящими цепочками, застёжками-воронами и серебристыми эполетами с мелкой бахромой на плечах определённо привлекал к себе много внимания.

– Забери меня на ту сторону, некромант! – какая-то дряхлая старуха с изогнутой клюкой, слегка сторбленная, низкорослая и с морщинами на округлом пухловатом лице буквально взмолилась, шагая к нему, держась свободной рукой за поясицу тыльной стороной ладони.

– Чего? – приподнял Бальтазар брови. – Всяко видал, но чтобы сами смерти просили...

– Пожалей ты меня старую, не приходит жнец с косой, хоть ты тресни, – притопнула она ногой, как смогла. – Последнюю корову свою доела, нет ничего и никого, кто б обо мне заботился на старости лет. И с соседями не дружна, уж больно они шумные, раздражают то и дело. Страдаю одна, смерти жду, покоя вечного! – Хватали старческие пальцы его за мундир, пока она задирала ввысь на него свою голову и глядела с жалобным видом своих серых, как будто выцветших от старости, пожилых глаз.

– Ты, давай-ка, старая, с соседями там примиришь попробуй лучше, нечего смерть торопить, – не собирался здесь и сейчас поглощать чернокнижник её душу, хотя процесс, вероятно, вполне неплохо бы напугал окружающих зевак.

Уже стало интересно, что же произошло в этом городке. Неупокоенная нежить, чьё присутствие ощущалось не просто в смотревших с надеждой глазах местных жителей, но и в самом окружающем воздухе, где тонкими нитями витала тёмно-серая аура тлена мёртвой, но при этом неупокоенной и поднятой из могил плоти, разъедала его любопытство всё сильнее.

Он собирался отыскать местного чародея или городского старосту, а то и обоих по очереди, если это вдруг не один и тот же человек, как теперь в Яротруске. Заодно

расспросить про местного охотника или лесника, что это был за лесной страж такой, которого не терпелось отыскать для реванша.

– Да за кого ты меня держишь! – лишённым многих зубов ртом чавкала старуха, задрожав старческими губами. – Не хватало мне ещё перед соседями прощения просить.

– Вот что, бабушка, ступай-ка ты в горы, где поёт эхо, – поглядел некромант вдаль на юго-восточные возвышенности за лесом. – Там и крикни вопрос свой, помирать али жить. Что эхо ответит, с тем и приходи, – коснувшись её плеча, уводил он её от себя прочь, поторапливая.

Этот совет он когда-то слышал в детстве. Ни то отец давал его старой простолоудинке, что явилась с подобной проблемой немощного одиночества без внуков и детей, доев последний скот. Ни то это было из какой-то сказки старика Редгара, что занимался его воспитанием в Фуртхёгге. В любом случае сейчас только это пришло в голову, дабы её спровадить куда подальше, а старая и не стала настаивать на своей немыслимой просьбе. Вняла словам Бальтазара и действительно пошла, отстав от него и собираясь забраться куда-то в близлежащие горы.

Глядя на нее, вообще не очень-то верилось, что она справится с дорогой и восхождением. Но помрёт она от волков, свернёт шею при подъёме, спотыкнувшись, или даже явится обратно – барона совершенно не волновало. Встав на месте, он заводил глазами по ближайшим домам в надежде обнаружить где-нибудь ратушу.

Спрашивать дорогу как-то не особо хотелось, хотя зайти в какую-нибудь таверну и поинтересоваться там, заодно с дороги что-то перекусив, тоже проносилось в голове вполне себе неплохим вариантом. Вот только в воздухе нигде не разносилось ароматов готовых блюд или хотя бы доброй хмельной выпивки из злчных мест Сельваторска.

– Ты! Да ты же сдох, бороду мою распотроши! – кряхтящий, низкий и подобный камнепаду в горный ручей голос был отчего-то до боли знакомым.

Возле городского фонтана с лебедиными статуями с влажным лицом стоял умывшийся там пузатый гном в соломенной шляпе, походной коричневой курточке с обильной бахромой, синей рубахе и сероватых бриджах. Кожа оттенка красной глины. Сам, вроде, и дворф на вид, а среди родственников явно и краснолюды побывали. Усы и борода сплетены тугими металлическими кольцами в толстые косы, а волосы под головным убором представляли собой свалывшиеся толстые дредлоки тёмно-бурого оттенка, длинные и уложенные назад, как ворох дохлых трофейных змей.

От плеча до бедра по пузатой пухлой тушке шёл косо толстый широкий ремень музыкального инструмента, а из-за спины виднелись его края – то был крупный ситар, чью музыку Бальтазар как-то раз уже слышал. Гном выглядел ошарашенным. Густые, подобные откормленным лохматым гусеницам, брови на лице дворфа приподнялись, плотные губы раскрылись, как и густо-синие удивлённые глаза.

– Слухи о моей кончине несколько преувеличены, – зашагал в его сторону некромант.

– Э-э-э! Господин Чёрный Ворон! Что ж ты налетаешь-то средь бела дня! Пощади! Да как ты меня выследил?! – окатил тот Бальтазара водой из фонтана, зачерпнув своими ручищами и брызнув каплями прямо в лицо, после чего гном пустился наутёк, активно двигая руками и ногами, уносясь, как воришка, едва-едва не схваченный за руку торговцем.

Одни сами лезут, другие сразу ноги делают со страху – городок встречал некроманта по-разному. А он ещё зачем-то понёсся за бородатым музыкантом, словно от того ему что-нибудь было нужно. В частности, он всего лишь собирался спросить, где здесь местный маг

или градоначальник, если бард, определённо пришлый и путешествующий, сам вообще успел за время прибытия освоиться или знал местность.

Следовало отпустить этого трусливого пузана восвояси, всё это узнать можно было и у кого-то ещё, да хоть догнать ту же немощную старушку, от которой он столь сильно хотел избавиться, что совсем позабыл о возможности спросить дорогу. Но дворф-музыкант будто бы своим бегством его спровоцировал, и это уже было дело чести – не дать тому уйти.

Бальтазар пытался преградить ему путь магией, только толстяк, да ещё и с громоздким музыкальным инструментом, улепётывал столь шустро, что все созданные некромантом барьеры оказывались уже позади него, никак не мешая. Маленькие толстые ноги в плотных башмаках стремительно бежали, стараясь завернуть за угол какой-нибудь постройки.

Большинство домов в Сельваторске представляли собой бревенчатые избы, но были и исключения типа кузницы или поместий здешней знати. Тратить силы понапрасну на прыткого гнома чернокнижник устал, надеясь лишь на собственную сноровку.

От них в стороны разбегались потревоженные куры и гуси, всю эту беготню облаивали местные собаки, натягивая цепи своей конуры до предела. А добежав до лениво пасущейся крупной коровы, дворф нагнулся, придерживая шляпу, и проскочил под животным, а вот Бальтазару пришлось через телицу перепрыгивать.

Та, впрочем, хоть и промычала от такой суеты нечто непонятное со слегка удивлённым видом, но даже с места не сошла, продолжая отгонять от себя мух хлётким хвостом, и вновь нагнулась, чтобы щипать травку недалеко от владений собственной хозяйки.

Уже и люди заглядывались на их гонку по чужим дворам и пересечении здешних улочек. Бальтазара удивляло, почему никто из местных или какой-нибудь стражи не остановит беглеца, решив, что это какой-нибудь щипач, обокравший аристократа. И у него на родине, и в Касторе так бы поступили все приличные люди. Но, может, для этого здесь требовалось кричать что-то наподобие «Держи вора!», чтобы кто-то вмешался.

Наконец, на очередном повороте некромант настиг гнома. И то, потому что тот замер справа у стены в надежде, что преследователь пробежит мимо и не заметит, как тот спрятался в тени, куда не светило солнце. Но это отнюдь не делало барда невидимым и совсем не походило на какой-нибудь непроглядный мрак норы, пещеры или подвала, а была самая обычная тень ясным днём, никак не помогающая скрыться. Разве что чуть спасавшая от жары под палящими лучами, недаром что весь лоб под стеблями дределков у бородача покрылся испариной от беготни.

– Ну, всё! – за горло прижал его к бревенчатой стене Бальтазар, осознавая, что пяди его пальцев не хватает на толщину гномьей шеи и поднять того в воздух при его комплекции для него не под силу, но, тем не менее, давил что было сил.

Тот не особо прижимался спиной, опасался повредить инструмент, а потому практически прогибался назад в поясице от такой хватки, не зная, что и делать. Руки потянулись зачем-то к ситару. Вероятно, как подумалось заприметившему это некроманту, гном собирался пожертвовать своим инструментом, как-то резко сняв с плеча и врезав, используя такую возможность, как последний шанс, но сделать этого тёмный маг ему не позволил, сверкнув сиреновой молнией из его полыхавших яростью глаз прямо в толстые кисти низкорослика.

– Ладно-ладно, я-то не знал, что ты жив! – забурчал вдруг тот, тогда уже приподняв руки, сдавшись на милость чернокнижника.

– Да какого ж чёрта ты вообще удираешь! – не понял Бальтазар. – Я тебе, что, угрожал?

– Да вас поди разбери, – фыркнул тот. – Разве ты не выследил меня, чтобы поквитаться за песню? – глядели на некроманта большие синие глаза.

– Какую ещё песню? – нахмурился некромант.

– Ну, про сражение со змеем. И рыцарь пал в бою неравном, ядом был сражён... – протянул он без музыки на свой мотив.

– Не слышал такую, – недобро гремел обычно бархатистый тембр некроманта.

– Да ну! Песни Коркоснека до вашей глуши не добирались что ли? Ты вообще откуда будешь? – нагло поинтересовался дворф безо всякого уважения.

– Из Книта, – буркнул в ответ Бальтазар, не унимая хватку.

– А, ну да, там не бывал, хе-хе. Мало кто отважится разгуливать по краю одичалых чародеев, – нервно улыбнулся гном. – Так чего ты хочешь-то тогда? – заодно поинтересовался он.

– Увидел тебя, сразу вспомнил, – сказал ему чернокнижник.

– Вот-вот, братан! – напомнил тот. – Но, я понимаю, битва была поважнее, – пытался он убедить Бальтазара, что на того не в обиде.

– Вот что, – выпустил тот его, наконец, перестав давить к стене избы, за которой они стояли, – дорогу спросить хотел. Кто тут главный? Где чародей Сельваторска? Где староста-градоначальник? Знаешь?

– Ха! «Чародей», скажешь тоже, – закатил дворф глаза и зашлёпал губами, как лошадь. – А городничим здесь Себастьян. Твоего поля ягода, чопорный такой весь, манерный тип с этими, как вот их там, – схватил он бесцеремонно Бальтазара за рукав, – с манжетами, во! Как меня там учили, манжета, она, женского рода. Вот вы придумали себе фентифлюшки, конечно, – покачал он массивной головой.

– Сам-то, лучше, что ли? – сказал Бальтазар, имея в виду его странную прическу, а затем приподнял пальцами длиннющие полоски бахромы его курточки и щёлкнул по соломенной шляпе, чудом не свалившейся от их погони.

– Это вам не мода знати! – заявлял тот с гордым видом.

– А в чём разница? – не понял барон. – И там, и тут суть щегольнуть своей вычурностью. Узор кружев, опрятность, контраст и броские детали. Контрастом, конечно, твоя бахрома не отличается, под цвет куртки, но уж вычурности и пафоса-то сколько!

– Так я бард! – рывкнул гном. – Мне положено быть на виду и привлекать к себе внимание! Ты не понимаешь, это другое! – утверждал он.

– Ох, так ты подскажешь, где тут ратуша или изба волшебника? Хоть песней, хоть стихами, а лучше лаконичной краткой прозой, – глядел на него Бальтазар.

– Да вон он, не того ль ты ищешь? – кивнул дворф в сторону, и некромант заметил там лишь огородника, мужчину под тридцать, что-то делавшего на своей земле, склонившись над грядками.

Музыкант же тем временем шмыгнул в сторону, пробираясь вдоль стены и уходя подальше от чернокнижника, рассматривая на том костюме и различные вещицы на поясе ниже косоугольного чёрного мундира. Пользуясь случаем, что аристократ отвлекся, бард тайком пытался от него улизнуть.

– Хочешь сказать, что тот мужик это и есть... – повернулся Бальтазар и заметил, что дворфа нет рядом.

Тот уже спешно бежал прочь по зелёной траве, только подошвы ног сверкали в воздухе. А в руках был сорванный с пояса некроманта мешочек, позвякивавший серебряными

монетами. Небольшой и всё же определённо с какими-то деньгами, на которые низкорослый бородач и позарился.

– А ну стой, чёртов вор! – погнался за ним барон-чернокнижник вновь, на этот раз уже используя тайные знания для укрепления собственных ног и усиления возможностей человеческого тела.

Это не было подобно заклятью ускорения, которое способны были творить стихийные маги, но имело схожий результат – позволяло перемещаться куда быстрее, а заодно совершать невероятные прыжки. Главное было не переборщить, чтобы потом стопы и мышцы в ногах не болели несколько дней, так что, в отличие от чародейства ветра, тут был ещё и своеобразный обратный эффект.

– Ха! В Сельваторск попал – роток не разевай! А-ха-ха! – гоготал дворф. – Чего так кипятишься-то! Господин Чёрный Ворон, такова жизнь! Хе-хе! – широко улыбался он, наливаясь румянцем в пухловатых щеках и выразительных скулах. – Кто-то теряет, а кто-то находит!

Догнал удиравшего Бальтазар быстро. Но в последний момент перед прыжком, способным крепким ударом повалить дворфа наземь, бородачатый тип развернулся, толчком бёдер и движением рук взяв свой инструмент, и сосредоточенно ударил по струнам, стоя перед приближающимся преследователем.

Ситар издал не только звук аккорда, но и магическую, невидимую, однако же, осязаемую волну, сбившую некроманта с ног и прошедшую по всему его телу, как если б его дружно пинали на земле или даже скорее колотили по всем местам прямо в полёте. Энергия боли пронеслась вдоль всего некроманта от ног до головы, да ещё и спиной он ударился после падения довольно сильно.

Нижние зубы попали по верхней десне, так что во рту мгновенно ощутился солновато-железный вкус крови. Резкий ответный бросок на прыжок Бальтазара вызвал крайне болезненную реакцию. И, конечно же, у того не было никакой возможности вовремя защититься, чем-либо себя окутав. Во-первых, всё произошло слишком быстро, с учётом его ускорения разгорячённых мышц при помощи заклятья. А во-вторых, тёмный маг попросту не ожидал, что бард окажется способен на нечто подобное.

Никогда прежде он не имел дела со звуковым колдовством. Слышал о нём и даже читал немало трактатов про зачарованные предметы или «походную магию», как раздел прикладных искусств боевой энергетике, чем обычно промышляли так называемые Белые маги, но вот воочию нечто такое он видел впервые.

Когда Бальтазар поднялся на ноги, гнома уже и след простыл. Где бы тот ни затаился на этот раз, не было даже ориентиров в какой стороне его выискивать. Деньги в мешочке были не все, сэр Дрейк Даскан всегда поучал его перед выходом в город, когда он жил в Касторе: нельзя «класть все яйца в одну корзину». Деньги следовало распределять по разным карманам, а на случай грабежа ещё иметь какую-нибудь секретную записку в сапоге или каком тайнике.

Хотя бывало, что уличные преступники снимали с несчастной пойманной жертвы и обувь, и дорогой камзол, и головной убор, оставляя в кальсонах с позором, босяком и без всего, плестись домой. В Касторе бандиты вообще не уважали знать и ненавидели её, поэтому у зажиточных горожан всегда были с собой дуэлянты и эскорт охраны.

Здесь же при Бальтазаре никого не было, хотя он мог бы соткать из тьмы каких-нибудь сущностей, правда, дневной свет был бы тем сильной помехой. Пришлось бы приложить

немало усилий, дабы придумать что-то годное для преследования и в солнечном свете либо скользящее из тени в тень. Но, когда Бальтазар, прикрыв глаза, ощутил окружающий воздух, то не нашёл ни малейшего следа ауры страха. А ведь гном, по идее, должен бы бояться преследования, оставлять за собой ауру, по которой того можно было бы вычислить.

Но, по всей видимости, музыкант уже ликовал, видя, что погони нет, и радовался награбленному. Там ведь монет пятнадцать-двадцать не меньше. И даже если каждая всего лишь четвертак – в одну четвёртую узаконенного веса полноценного серебряка, то это на четыре-пять наберётся, что для странствующего музыканта практически выручка с концертов за год с учётом затрат на еду, проживание и путешествие.

Средний трактир с успешным выступлением содержал около двадцатки готовых заплатить довольных слушателей, тративших обычно разменные медные десятиники – одну десятую часть полноценной медной монеты. За сотню медяков можно было у менялы взять один четвертак бронзы, а сотка полновесных бронзовиков уже обменивалась на вот такой серебряный четвертак.

Однако же сотня чистого серебра составляла не четверть золотника, как по логике всего остального положено бы. А всего лишь золотой десятиник. То есть одну десятую часть золотой монеты. Потому шансы дворфа-барда хоть раз в жизни заполучить такую равнялся практически нулю, будь он хоть придворным менестрелем – их услуги ведь требуются лишь на балах, праздниках и церемониях, остальное время они лишь на фаворитском содержании, то есть на кормёжке с предоставлением комнаты и свободного посещения ванной. А мероприятий таких за год будет поменьше, чем вот такой бродячий музыкант сможет обойти кабаков. Впрочем, на них и платят не так много, как тем, кто поигрывает на скрипке при дворе. Даже при щедрых подачках от гуляющей толпы. Зато тебя хотя бы не вырежут со всей прислугой при какой-нибудь междоусобице или народном бунте, во всём можно было увидеть какие-то положительные стороны.

Надеясь, что гном-музыкант достаточно глуп и пойдёт сразу же тратить свежееукраденные деньги, Бальтазар направился в первый встречный трактир. Ещё мелькнула мысль, что раз этот тип музыкант, надо ж ему будет где-то играть на своём ситаре. Обойти все питейные заведения в городе труда не составит. Сельваторск не из числа самых крупных городов Кронхольда.

В лучшем случае, тут по харчевне с гостиницей у каждых ворот, то есть штуки четыре, и одна-две ещё где-нибудь в центре: кабак подешевле и таверна для знати. Едва ли такой город станет включать в себя более шести таких заведений, хотя пивных без подачи обеда могло быть и штуки три вместо одной, тут уж предугадать наверняка было тяжко.

В любом случае, за свою беготню они продвинулись от края города с этими пасущимися коровами ближе к центральной части. Так что попавшееся по правую руку во время дальнейшей прогулки заведение вполне привлекло внимание некроманта. Заодно теперь и ароматы в воздухе к тому располагали сполна.

Он и сам собирался бы уже что-нибудь выпить да, может, даже перекусить. Потому и без поисков дворфа-музыканта, вероятно, зашёл бы сюда. И уж в таком заведении ему точно хоть кто-то да подскажет, как пройти к дому старосты или как хотя бы найти местного чародея.

Внутри его любезно встретили молоденькие официантки, разносившие кружки пенящихся напитков по столикам. Стоял гул голосов, что-то обсуждающих по своим компаниям. Где-то собирались друзья, обедали несколько семей, сидя напротив, но некромант предпочёл подойти к стойке, чтобы поговорить с трактирщиком.

Тот тоже оказался дворфом. Чернобородым, с угольным чубом на лысой голове, пышными раскидистыми усами, напоминавшими рыбы хвосты или густые крупные кисти. Сразу стало понятно, что расспрашивать, не забегал ли сюда бард с чужим кошельком – смысла нет. Гном гнома прикроет и припрячет, с серебром можно было попрощаться. По крайней мере, если судьба снова их не сведёт, свела же сейчас в этом городе, в конце концов, мало ли, когда пути с этим музыкантом ещё пересекутся.

У стойки угрюмо отпивал из большой кружки один рослый старик. Поодаль от того сидела одинокая женщина в зелёном, стараясь побыть наедине с собой, что б никто не беспокоил. Перед ней испускал пар наваристый суп с щавелем и лесной дикой птицей, который она и подала деревянной узорчатой ложкой, заедая куском, отщипанным от округлой свежей булочки. Ещё такая же лежала под рукой недалеко от тканой салфетки, на случай, если одной не хватит.

Недалеко располагалась солонка, говоря о достатке этого места – абсолютно любой мог взять её и посолить себе похлёбку сколько влезет и сколько совесть позволит. А рядом ещё и перечница, свидетельствующая о неплохой торговле специями. Впрочем, это можно было легко понять и по царящим запахам – блюда здесь готовили не просто так, а от души, с пряностями и травами. Вероятно, как раз та центральная таверна, куда могли частенько захаживать дворяне.

Бальтазар встал с другого края, размышляя, что бы попросить поесть и заодно полез во внутренний карман, проверить-таки наличие запасных денег. Было бы обидно расплачиваться запонкой или кольцом, но, благо позвякивающие монеты оказались там, где и должны были. Ещё несколько было в наружном правом кармане мундира со специальной защёлкой, иначе бы давно выпали ещё даже не от беготни за гномом и внезапного падения от его музыки, а задолго до – во время ночного сражения с неизвестным друидом-стрелком.

– Доброго дня, путешественник! – подбежал дворф-трактирщик к нему. – Чем вас угостить? Или, может, желаете выпить?

– Таскарских и Бушвальских вин к вам, наверное, не завезли, – без особой надежды вслух проговорил некромант.

– Увы, мой друг, – качнул тот головой. – Но есть дайконское светлое! – улыбнулся он во всю ширь рта, в котором не хватало парочки зубов.

– Рисовое... – с омерзением поморщился Бальтазар.

– Местные виноградники весьма неплохи. Есть дубовые бочки в подвале, которым пара десятков лет. Понимаю, что хорошее вино должно отлежаться хотя бы годков пятьдесят, но зато есть многообразие сортов, – чуть было не начал дворф перечислять.

– Ты, давай не трать такие запасы, – строго взглянул на него некромант. – Если будешь открывать да наливать, так вина хорошей выдержки и не останется вовсе. Черничная настойка есть? – заодно поинтересовался он.

– Есть немного, больно крепкая, днём такую не пьют, – посетовал трактирщик. – Не

считите, что я указываю. Вам, безусловно, лучше знать, чего вы желаете. Но добрый совет и предостережение от хорошего знатока браги и хмеля: вещица вырубит на остаток дня, очнётесь среди ночи. Может, даже с большой головой. Приходите уж под вечер, там и выпейте подобное. Сейчас, может, пива с нашей пивоварни или привозного? Злаки к нам везут с полей соседних деревень. Ячменное, как по мне, самое вкусное получается. Но на вкус и цвет, сами понимаете... А ещё квас есть хороший, малой крепости. Голове легко станет, а язык и тело слушаться будут. Есть и ещё меньшей даже, что детям наливают, но там вкус уже не тот... Или вот медовуха трёх сортов, но вы лучше бы её через неделю или через месяц заказали. С пасек товары привезут, свежайшая будет. А та, что есть, строго говоря, ну, скорее товар уже для деревенщин остался, – понизил он голос. – Так, могу задаром угостить отхлебнуть, сами же откажетесь потом платить за недостойный напиток.

– Настойки черничной налей и зубы мне не заговаривай, – вздохнул некромант.

– Вижу, что мой гость стремится поскорей забыться, – вздохнул и тот, вскарабкавшись на прочный, топорной работы, табурет за настойкой.

Если уж для кого такую мебель и делали, так для дворфов. Всё во внешнем виде этой конструкции говорило о том, что предмет сделан для подобной комплектации. Причём даже не сидеть на нём, а вот так, вставать в качестве опоры и куда-то лазить – за книгами, за склянками, за чем угодно на разные полки или пространства на шкафах, если б речь шла о доме.

– Гость просто не из тех неженков, что от черничной настойки впадают в беспамятство, – нехотя пробубнил ему некромант.

– Гость, наверное, не умеет пить, – раздался женский голос поодаль.

Твёрдый, терпкий, в нём нежность переплеталась с металлическим стержнем натянутой прочной струны. Мелодичность соседствовала с низковатым тембром. Как будто кто-то изобрёл музыкальный инструмент, сочетающий в себе возвышенность флейты с медным гонором трубы. Голос властный, звонкий, но с нотками должного изящества. Голос сильной, молодой и уверенной в себе женщины.

– Вы остры на язык и наглы для бесцеремонного общения без знакомств и приветствий. Звучите так, словно готовы бросить вызов, – даже не глянул в её сторону некромант.

– А отчего бы нет, – легли подле него женские перчатки из оленьей кожи.

– Кривой стежок, – заметил он. – Никак сами делали. Дочь лесника или добытчика?

– Охотника, – призналась та, – И продолжаю всю семейное дело.

– О, стало быть, умелая дама, – произнёс некромант с некой иронией.

– «Дамы», молодой человек, статно выхаживают во дворцах и на балу, а я женщина! – гордо заявила незнакомка.

– Что ж, это, видимо, многое меняет, – нехотя ответил ей Бальтазар.

– Не будь я столь усталой с ночной охоты, мы бы ещё посмотрели, кто первый из нас свалится от черничной настойки, – завершила она. – Но я уже подкрепилась супом, а такие дуэли в честном бою устраивают на пустой желудок.

– Это типа закуска вся уже ушла до выпивки? – усмехнулся некромант.

– Что вы, почтенный гость, на дуэлях в «Перепив» здесь не закусывают. Это Сельваторск в конце концов, а не какой-нибудь слащавый Гедельбург, – прозвучал её ещё более уверенный голос.

– Ночная охота в этих краях может быть и опасной, – припомнил он собственные приключения на подходе к городу.

– Знаю, сама полночи выслеживала одного некроманта, – резанули его слух звонкие медные слова.

И тогда он, словно поражённый потусторонней невидимой молнией, повернулся, чтобы получше её рассмотреть. Молодая женщина, немного за двадцать, с косою пышной чёлкой, едва не застилающей один глаз, и длинными волосами цвета пшеницы. Изумрудные глаза её напомнили одну давнюю знакомую из Кастора. Нос был маленьким, аккуратным, а светлые брови прямыми, тонкими и едва заметными. Скулы казались выразительными и округлыми на сужавшемся к подбородку лице. А губы с выразительной ямочкой впадины и характерной дугой изгиба казались бледно-розовыми и блестящими от влаги после трапезы.

Только сейчас он обратил внимание, что позади её головы лежит сложенный откинутый капюшон. И тогда мужчина встал с места, отойдя от стойки, и принялся разглядывать незнакомку, дабы окончательно убедиться в своих будоражащих догадках. Барон нервно искал глазами что-то уже не на ней, а вокруг. И нашёл. Под ногами у неё, прислонённый к стенке, стоял тот самый орлиный рук с резными крыльями, клювами и россыпью зелёных и голубых камней разных размеров: турмалины, хризолиты, изумруды, топазы, опалы, сапфиры – тот самый, что был у ночного охотника. Такой, на который можно было купить себе настоящий замок, если выгодно продать коллекционеру эльфийских вещей повышенной стоимости.

Поначалу некромант предполагал, что она окажется дочерью ночного преследователя, что чуть его не убил. Но теперь-то все факты говорили об обратном. Загадочным лучником была она, вот эта светловолосая миловидная девица. Хрупкая на вид, но крепкая и опытная в боях, как он уже успел испытать на своей шкуре. Безжалостная, с твёрдой рукой и натренированным глазом.

– Кира Морвен, чародей Сельваторска, – наконец представилась зеленоглазая особа, оглянувшаяся на любопытного гостя.

– Бальтазар Кроненгард, новый барон Кронхольда, – не смотрел ей в лицо, а продолжал разглядывать убранство её наряда тот.

– Вы что-то потеряли и что-то ищете? – не понимала она столь пристального внимания.

– Я обучен иметь дело с нежитью, и мне было бы любопытно узнать, что у вас тут за проблемы с неупокоенными, – ответил тот, подойдя на шаг ближе и взглянув уже ей в глаза, один из которых, правда, был почти скрыт чёлкой причёски.

– Это потому вы вели сюда целую стаю костяных уродцев? – со всей серьёзностью глядела на него она, тоже явно распознав в госте ночного встречного.

– Будем считать, ищейки привели меня к вам в город, – усмехнулся тот.

– А я, как чародей, попросила бы вас уйти, – соскочила Кира с места, развернувшись к нему и встав в полный рост.

За счёт её обуви они поравнялись. Она носила вовсе не каблуки, а специальные подошвы с крючьями и шипами, чтобы уверенней стоять на земле и древесных ветвях, отталкиваться от коры и не скользить. Подобные он видел у охотников Фуртхёгга, но эта деталь отнюдь не свидетельствовала о том, что она сама оттуда. Скорее похожие изделия есть у лесных охотников самых разных земель и областей континента, кому такие действительно нужны в обиходе. Сейчас они лишь постукивали по доскам пола, приподнимая свою владелицу слегка в высоту, нежели она бы носила обычную обувь.

– Лучница-чародей, ты смотри, – глядели сиреневые глаза Бальтазара на собеседницу, как на какую-то диковинку.

– Таких ещё не встречали? Так и думала, здесь вам не там. Откуда бы вы ни явились, – уверенно заявила она.

– Думаю, вы таких, как я, здесь тоже не видывали, иначе бы решили уже все свои проблемы с нежитью, – улыбнулся тот в надменном оскале.

– Мы с этим сами разберёмся. Или вы не видите, что кругом на столбах, домах и деревьях вокруг не висит никаких грамот с текстом о том, что мы нуждаемся в помощи? Мы не разыскиваем никаких некромантов, борцов с нечистью и прочих наёмников, дорогой гость. И не стоит так разглядывать мой лук, он может и выстрелить. Ваши чёрные барьеры ломались и таяли, как масло от расклеенного ножа, – угрожающе сверкнули её глаза.

– О, какая строптивая девочка. Я Кроненгард, и я всегда получаю всё, что хочу, – заверил её некромант.

– Уверяю вас, барон, меня вы себе точно не получите, – отбросила Кира движением скрещённых рук его в противоположную стену.

– Такая строптивость лишь подогревает интерес, – усмехнулся он, поправляя свой мундир косога запаха.

– Как же меня раздражают такие напыщенные и самоуверенные мужчины, – покачала она головой. – Убирайтесь прочь! Любите брать силой, распускать руки, не имеете ни малейшего уважения и почтения. Настоящие звери!

– Говорите так, словно вам животные страсти чужды, – всё улыбался приближавшийся Бальтазар, но охотница создала магический поток, не позволив ему вновь к ней подойти.

– Как хорошо, барон, что я родилась женщиной и могу думать головой, а не членом, – нахмурилась Кира. – Вы считаете, вам всё можно, что вы баловень судьбы, пуп земли, но это не так. Вы лишь очередной аристократ, который хочет укрепиться в вольных землях. Ничем не лучше Казира, которого свергли, и вообще ничем не отличаетесь от всех остальных. Ваша победа над кем-то – лишь временная удачная партия в большой игре, где вы даже не пешка, а просто клетка на игровом поле, которую будут занимать сильные мира сего.

– Любопытно узнать, какая же тогда вы фигура? Королева? – усмехнулся он, сверкая сиреневым взором.

– Пусть так, она вольна ходить, как хочет, – заявила чародейка.

– И единственная женщина на доске, хотя пол ассасинов, честно говоря, под вопросом, – отвёл он взгляд, позволив себе краткие раздумья.

– Вот именно. Женщины во всём лучше мужчин, вам так не кажется? Мы собраны, пунктуальны, прилежны, опрятны и аккуратны. Серьёзнее относимся к любому делу, делаем работу в разы более тяжёлую и тонкую. Думаете, тяжкий труд – это кузнечный молот поднимать? Или пахать поле увесистым плугом? Что вы, мужчины, можете знать о настоящем тяжком труде. О рождении ребёнка, о его воспитании достойной личностью. О приготовлении вкусных и полезных блюд. Да ни один силач никогда не сделает такие кружева, что у вас на манжетах. Весь ваш наряд – это плод кропотливой работы женского труда. Быть может, молодых ягнят, из чьей кожи этот мундир, и забивал безжалостный мужчина, состригая и подготавливая материал. Но шила-то это всё в фактурный изысканный наряд определённо женщина. Воротник, рубашка, платья для дам аристократии, тесьма на камзолах знати, узоры вышивки, запонки, застёжки, пуговицы, пришитые карманы, банты и аппликации – весь декор создают умельцы моего пола. Который вы без всякого уважения именуете слабым. Ни во что не ставите, уверенные, что сами во всём разберётесь, а на деле и шагу ступить без женщин не можете. Мы во всём сильнее вас. Что в хитрости, что в

смекалке, что в рукоделии! – утверждала Кира.

– Довольно любопытная теория, – заявил ей Бальтазар. – Вы могли бы написать об этом книгу. Жаль, швеи и рукодельницы Империи не умеют читать. Иначе можно было бы даже провести там внутреннюю революцию женского труда. А ещё я бы напомнил, сколько войн в мире было из-за женского коварства или супружеской неверности жён, да к чему теперь это всё.

– Всё смеётесь, да? Большой ребёнок. Такой же, как и все остальные, – покачала головой чародейка. – Ступайте лучше, откуда прибыли. Здесь вам не рады. И вздумаете снова чудить тут своей некромантией, будете иметь дело со мной.

– И, тем не менее, как барон всего Кронхольда, я бы в вашем и фактически моём Сельваторске всё-таки задержался, – проговорил он, не дрогнув под её напором.

– Дело ваше, – нахмурила она брови, – но не нужно здесь всё разнохивать, предлагать помощь и уж тем более рассчитывать на моё содействие. Разберёмся здесь сами и без вас, барон. Я вас предупредила.

– О, я бы предпочёл хотя бы постоять в стороне и побыть зрителем, когда это случится, – усмехнулся Бальтазар, привыкший всегда получать то, что хочет.

– Рюмка черничной настойки? – прервал их давно ожидающий, но вежливо не вступавший в их разговор чернобородый трактирщик.

– Да, для храбрости, – иронично улыбнулся Бальтазар и, вернувшись к стойке, сделал последний глоток, запрокинув голову. – А то места и женщины у вас тут довольно дикие, – бросил он после этого взгляд на лучницу, громко поставил кружку и, шумно выдохнув от насыщенной крепости сладко-горького напитка, спешно покинул таверну.

Теперь его путь лежал к ратуше. Оставалось только как-то её найти. Подобные постройки скрываются в городе не будут. Он встречал их немало всех форм и видов за свои странствия. Так и здесь обитель городского совета должна быть как раз где-то в центральной зоне, недалеко от площади с красивыми фонтанами, где резвилась полураздетая детвора босяком, в шортах или закатанных, всё равно покрытых следами брызг и капель, штанишками.

Шум и гам. Разбегающиеся в разные стороны лягушки и разлетавшиеся, едва сумевшие напиться в резервуарах над искусными водопадами птицы, стремились покинуть настоящее «поле боя». А там мальчишки и девчонки в жару окатывали друг друга водицей из наполненных колец нижних широких резервуаров. Кто-то бил по водной глади, пуская всплеск и волну, кто-то зачерпывал ладонями, окатывая рядом находящихся, как из плошки. Некоторые даже с шумом валили друг друга целиком, что-то не поделив или поспорив, благо, не прижимая ко дну с целью утопить.

Расспрашивать ребятню о местоположении градоначальника, правда, не пришлось. Здесь стоял столб с указателем, на одной из деревянных слегка косых стрелок которого как раз красовалось искомое «к ратуше», но Бальтазар и без него заметил бы роскошное здание, больше похожее на особняк или поместье знатного рода.

И было чёткое ощущение, что так оно на самом деле и было. Старостой в Сельваторске явно был кто-то из здешних аристократов, как и говорил тот дворф. А ратушей служила определённая часть этих величественных построек с рельефными колоннадами, балконами с красивыми балюстрадами, мозаичными витражами на нижних окнах, словно в храме, а также настенными барельефами из гипса в виде симметричных драконов, грифонов и мантикор, обращённых друг к другу с разных сторон проёмов и порталов входа.

Такое здание не каждый представитель знати захотел бы сделать общественным местом, куда бы день ото дня приходили топтаться на дорогих коврах простолюдины: от ремесленников до фермеров и крестьян – но тот, кто, безусловно, жил здесь в дальних и верхних спальнях, старался показать свою щедрость и доброе сердце. А за подобными делами, как за маской, знал Бальтазар, всегда может таиться и нечто совершенно иное.

Неподалёку в окружении разросшихся деревьев виднелась неухоженная старая башня. Полуразрушенная, словно заброшенная. Оставшаяся, видимо, от династии предыдущих владельцев. Кладка других построек давно рухнула или была растаскана для городских стен, литейных и прочих каменных зданий. Бросив на неё оценивающий взгляд, он всё же зашагал вперёд, в распахнутые двери особняка градоначальника.

Встречавшая внутри ратуши прихожан и визитёров мебель умело сочетала в себе простоту и изящность. Ножки столов, например, были прямыми, без вычурных изгибов и утончённости форм, но при этом представляли собой не топорные столбы, а резные обтекаемые фигуры с любопытными округлыми и дисковидными элементами, как будто бы их составили вместе из нескольких разных деталей.

Кто-то очень желал выдать их за красное дерево, но при ближайшем рассмотрении Бальтазар легко сообразил по кое-где облезшему тону, что поверхность окрашена, и всё это не более чем имитация. Довольно расчётливый ход, городские простаки и не отличат, может, за исключением мастеров работы по дереву, а в случае какой поломки хозяину будет не так

жалко испорченной утвари.

На стенах красовалось несколько картин, часть из которых составляли местные пейзажи, узнаваемые некромантом после путешествия в эти края, а некоторые представляли собой портреты аристократов, незнакомых ему, но подписанных единым именем рода – Гадияр и где-то Гадьяр, будто фамилия слегка преобразилась за последние поколения.

Кто они такие по роду деятельности подписано не было, но пара мужчин походила на военных генералов, судя по до-имперской форме мундира, другие выглядели борцами за свободу, которым Вольные Земли обязаны чуть ли не всем в самом глобальном смысле этого слова. А кто-то же просто представал в красивом фраке или камзоле без каких-то чётких ориентиров и деталей, указывавших бы на его занятие.

Портреты были по большей части мужские. Иногда можно было встретить изображение семейной пары – кто-то из тех, кто уже представал в начале отдельным профилем, теперь глядел в обнимку со своей супругой в каком-нибудь зале или с живописного крыльца своего поместья в ясный солнечный день, прямо как сейчас за окном.

В одном из залов пожилой аристократ с белёсой козлиной бородкой у окна сидел с игровой доской, двигая фигуры и играя сам с собой, задумчиво поглаживая подбородок. В другом, сквозь приоткрытую дверь, гость заметил, как длинноволосый мужчина в белом дорогом камзоле пристаёт к застигнутой им врасплох молоденькой служанке, протиравшей вазы.

В коридоре ближайшего перекрёстка, поглядывая по сторонам, горничная в годах аккуратно залезала в выемку настенного тайника, пользуясь личным доступом. Какой-то молодой лодырь сметал веником сор под пушистый ковёр. А из закрытой комнаты для курения раздавалось сладостное многоголосье плотских утех под скрип тамошних, наверняка весьма комфортабельных, диванов.

По правую сторону был ход в другую часть дома, откуда доносились голоса прислуги и едва уловимые ароматы еды, витавшие ещё в воздухе после завтрака. Судя по всему, там располагалась столовая, где с характерным звоном убирали посуду и относили на кухню, дабы ополоснуть. Самым ярким запахом было перекрёстное сочетание хорошего кофе и недорогого чая, как будто количество любителей этих напитков на застолье разделились на две противостоящие равные группировки.

– Вы к его превосходительству? – кудрявый слуга в сером жакете с позолоченной вышивкой, стоя слева у дверей кабинета городничего, словно постовой стражник, поинтересовался у Бальгазара.

– К нему, к нему, – кивнул в ответ тот, изучая единственную двустворчатую дверь по эту сторону на первом этаже, красиво украшенную натёртыми до блеска металлическими элементами в виде вьюнков и ветвей хвой с маленькими шишечками.

– Как вас представить? – развернулся к дверям этот немолодой человек с орлиным профилем.

– Бальгазар Кроненгард, барон Кронхольда, – ответил некромант, поглядевшись в вытянутое зеркало, обрамлённое бесконечным пересечением завитков металлической рамы, среди которых нашли себе пристанище миниатюрные фигуры драконов и прочих диковинных, едва приметных от своего размера, существ.

– Ах, барон, – тут же поклонился слуга. – Прошу простить мои манеры, вы у нас столь редко...

– Я у вас впервые, – поправил его некромант, зашагав ближе к дверям, дабы тот, наконец,

уже вошёл туда и представил его местному управленцу.

– Господин, к вам барон всего Кронхольда! – спешно сделал должное служащий высокопарным тоном с чуть дрожащим голосом.

В просторном и хорошо освещённом сквозь цветочные узоры окон помещении находилось три крупных богато украшенных стола. Один центральный, с работавшим там господином, и два по краям для его писарей и переписчиков. Множество шкафов с полками и выдвигаемыми ящиками, декоративная тумба с кружевной скатёркой и полевыми цветами в изящной сиреневой вазе. Большая картина с батальной сценой, заслоняющая большую часть левой стены как раз между возвышавшейся, как обрамляющие колонны, мебелью. И ещё один портрет – офорт в волнистой белой раме между широкими окнами.

Изображённого там деятеля Бальтазар узнал. Философ Бриан Лонкольд, инициатор идей о свободе воли и выбора, порицавший строгие имперские порядки и тоже сыгравший ключевую роль в освобождении ныне независимых земель. Кудрявый, немолодой, с широкими щеками и гордым взглядом настоящего аристократа. А под портретом на столике располагались различные угощения, по большей части представленные спелыми фруктами и ягодами в аккуратных вазах и расписных плоских блюдах.

Общая гамма была красно-синей, в ведущих цветах Сопротивления. Мебель обита тканями именно этих оттенков, перемежавшихся друг с другом среди элементов декора помещения. Прервавшиеся на визит писари мельком бросили взгляд на вошедших и быстро вернулись к аккуратному выведению букв гусиными перьями, обрисовывая тем множество завитков на светлой бумаге. Один из них был в округлых маленьких очках, другой же в подобном предмете, похоже, не нуждался и имел зрение получше своего коллеги, хотя возраста оба были примерно одного – уже седеющие мужички в годах, где-то за пятьдесят.

– Себастьян Гадияр, виконт и глава Сельваторска, – почтённым жестом руки мужчина-слуга представил прибывшего правителя гостю.

– Сам барон, вот это да, – скобливший пером молодой аристократ бросил свой золотистый взгляд на вошедшего. – Что ж, оставьте нас, – обратился он ко всем остальным. – Господам побеседовать нужно.

И придворные писари сложили перья, послушно кивнув, отодвинули чернильницы и встали из-за столов. Ножки стульев противно проскользили по дощатой поверхности – мягкие ковры устилали лишь центральную область кабинета. Кудрявый мужичок проследовал за дверь вместе с теми, с поклоном прикрыв створки, и, видимо, остался стоять снаружи рядом, где Бальтазар его и встретил.

Градоначальник тоже прекратил свою работу, поднявшись из-за стола, где слева лежало блюдо с виноградом. На вид ему ещё не было тридцати. Мужчина был худощав, не столь крепок, как барон, но немного выше того, с выдающимся носом с горбинкой, пышной чёлкой, ровно разделённой пополам, а остальные смольно-чёрные волосы его причёски были собраны назад в широкую блестящую косу.

В левом ухе виднелась красивая серьга с полумесяцем и изумрудом, янтарно-золотистый взор обрамляли угольчатые брови, а вокруг губ располагалась борода «имперка», когда линия усов и бороды образует замкнутый круг, хотя на форме его вытянутого лица это больше походило на сужающуюся сверху вниз трапецию. А заодно между нижней губой и подбородком у этого господина располагался ещё чёрненький треугольник щетины.

Парчовый камзол с золотистыми узорами на тёмной ткани и поперх бархатный сине-

зелёный жилет с нашитыми карманами сидели на нём идеально подогнанными по фигуре. Высокий ворот, особые нарукавники с мелкой вышивкой, широкое кружевное жабо, но при этом крайне аккуратные маленькие манжеты. Видимо, дабы не испачкать их при письменной работе. А на ногах подобранные под тон лёгкие бриджи и чёрные кожаные ботинки-лодочки военного фасона, но с поблёскивающими россыпью драгоценных камней застёжками, тут же бликами на солнце привлекавшими к себе внимание и говорящими о том, что в настоящем бою такие бы никто не надевал.

– Себастьян, – мягко пожал он гостю руку, представившись ещё раз уже сам и более кратко. – Да вы никак тёмных дел мастер, – разглядывал он украшения наряда на Бальтазаре. – Разве сейчас не жарко в таком костюме? – обеспокоился он, что визитёр его одет не по погоде.

Голос у него был певучим и плавным, лицо лоснилось в широкой добродушной улыбке, и весь вид буквально говорил, как он рад увидеть внезапно появившегося некроманта на пороге своего кабинета. Жестом он пригласил пройти его к центру или расположиться в одном из двух кресел возле своего стола, округлых и мягких, с обитой спинкой и подлокотниками специально для комфорта гостей.

– Бальтазар рода Кроненгард, ученик Гродерика Черноуста, некромант, нынешний барон Кронхольда, – пафосно проговорил чернокнижник.

– Вот вы-то мне и нужны, Бальтазар! – заулыбался молодой мужчина. – Услуги человека, находящего контакт со всякой нежитью, нашему городку были бы весьма кстати. А какова же истинная цель визита нашего достопочтенного хозяина? – любопытствовал он, активно жестикулируя.

– Можно сказать, обхожу владения, – неторопливо отвечал тот своим глубоким баритоном. – Ощутил присутствие тлена в вашем воздухе, и теперь меня прямо-таки распирает любопытство.

– О, ближе к вечеру всё объясню, отведайте фруктов, – пригласил его Себастьян. – Садитесь, располагайтесь, – буквально силой, но всего лишь с мягким давлением элегантно вскинутых рук на эполеты плеч гостя, усадил тот его в тёмно-синее кресло возле угощения. – А я вам пока расскажу о ситуации.

– Интересно, – только и произнёс Бальтазар, взяв в ладонь серебристый поднос с гроздью крупного бордового винограда.

– Местная знать находится под двумя силами. Моим патронажем и страхом того, что вылезает по ночам. Вы ведь наверняка на подходе сюда видели старую башню Роарборхов, – поглядел Гадияр расширенными зрачками на некроманта.

– Да, старая и частично разрушенная, будто там никто не живёт, – отвечал тот.

– Люди называют её «Башней ужасов», – вскинул Себастьян свои густые ресницы, изображая наигранный театральный ужас в своём выразительном взгляде. – Там вход в местные подземелья. Вымощенные красным кирпичом ходы, прорытые в незапамятные времена, – размахивал руками городничий, образно рисуя арки и коридоры. – Когда-то там совершались богослужения различных культов, а сейчас сползается местная нежить. Неупокоенная и просыпающаяся на заходе солнца. Мои умельцы устлали всё там тяжёлыми решётками, однако же, одну тварь из подвалов темницы ничто не удерживает. Бестия будто умеет просачиваться сквозь прутья, как дух или облако пыли, и собираться заново. Местное проклятье, с которым мне и не помешала бы помощь такого знатока, – теперь уже более хитро воззрился он на явившегося барона.

– Я так полагаю, лояльность и верность будет моей единственной выгодой в таком деле? – поинтересовался Бальтазар.

– О, Сельваторск очень древний город и много что способен вам предложить, – улыбнулся Себастьян. – Здесь живут и зажиточные крестьяне, и вельможи, богатые купцы, процветающие фермеры. Мы поставляем сыры, молоко и прочие товары отсюда в разные концы Кронхольда. Как вам местные фрукты? – сорвав ягоду винограда, он протянул её прямо к лицу некроманта, будто желал кормить того с рук. – Поставки прямиком к вам в замок дважды в неделю вообще без какой-либо платы, что на это скажете? Расходы повозок беру на себя, при учёте, что кормить придётся вас и от силы ещё пяток слуг. Некроманты, я слышал, не особо-то нуждаются в живой прислуге. Но вы, наверняка, однажды присмотрите какую-нибудь леди из местной знати себе в продолжение рода или же будете нуждаться в личном помощнике, ведущем дела, документы, приглядывающим за казной. В одиночку не справиться. В общем, будут телеги мимо проезжать, и вам пару ящиков разного добра занесут задаром.

– У вас здесь, к слову, маловато слуг, как я заметил, – произнёс чернокнижник, оглянувшись на дверь.

– Ах, вам просто не повезло со временем визита, мой друг! – отвечал Гадияр. – В этом доме сначала обедают мои чиновники, а потом по-быстрому завтракает прислуга. Люди здесь присматривают за канцелярией, доходами и расходами, очерёдность визитёров, если их вдруг достаточно много. Сегодня вот никого, кроме вас. Все приставлены вести свои дела. Снабжение, документы, подсчёты, наблюдения. И, конечно, за постелями и убранством приглядывают горничные, штат из пяти кухарок и двух поваров трудятся на кухне весь день напролёт. Да, я не ставлю грозную охрану на входе, стража нужнее будет в патрулях, а не у дверей. И у меня всего один приветствующий глашатай, но, заверяю, если б я испытывал какие-либо трудности, я бы нанял ещё людей. Единственная проблема Сельваторска – это восставшая нежить, с которой едва справляется моя чародейка.

– Да, встречал её, странная личность, – отметил Бальтазар.

– Её отца убила эта тварь, а она единственная наследница, – жестикнул градоначальник руками с небольшими белыми манжетами. – Довольно интересный у неё лук, заметили? – спросил его Себастьян. – Так и не рассказала мне толком, где раздобыла, но уверяет, что это было щедрой наградой за её труды, – хмыкнул он, не то, чтобы с недоверчивостью к этим словам, а скорее с пафосными нотками обиды на то, что чародейка не поделилась с ним подробностями и историей этого весьма роскошного военного изделия.

– Да уж, чтобы чародей вместо посоха луком пользовался... – покачал головой гость. – Вот только она не шибко-то рада была моему приходу в город. В отличие от вас, – поднял он любопытствующий взгляд на лик градоначальника.

– О, видимо, желает сама с этой тварью разделаться, – произнёс Гадияр. – Забрать всю славу или отомстить самолично за отца. Да всё пока не выходит. Давно уже поручил ей это занятие... Я бы хотел пригласить вас поучаствовать в охоте на нечисть.

– С пафосными речами о том, как правитель должен помогать жителям своих земель? – глянул на него своим фиалковым взором некромант.

– Что вы, я сторонник политики, что любой труд должен быть оплачен, – вновь положил городничий свои руки гостю на плечи, начиная те массировать, пока Бальтазар неспешно поедал фрукты. – Вам здесь несказанно рады! Будьте, как дома, располагайтесь, отдавайте распоряжения и высказывайте свои пожелания. Вам виднее, как разделаться с нашими

бедами, ведь они как раз по вашей части. Ну, а я уж за ценой не постою!

– Стало быть, вам и вправду будет, что предложить, – не знал тёмный маг, куда деться от назойливых ухаживаний улыбчивого виконта.

– Раскрою перед вами все секреты и все тайны, – убрав руки с украшенных бахромой серебряных эполетов, вновь принялся тот активно взмахивать руками. – А здесь, в столь древнем городе, они и вправду есть. Вечером вас ждёт кое-что весьма интересное! Я бы даже сказал... незабываемое! – широко распахнул он свои глаза, будто гипнотизировал, навевая общий тон загадочностью и пелену таинственности над этим местом.

– Вижу, что вам очень нужна моя помощь, – оглядывал кабинет Бальтазар. – Так что, надеюсь, моя выгода от сделки будет никак не меньше вашей.

– Да, разумеется! Прекрасно вас понимаю, мой друг, – всё улыбался и подлизывался Себастьян. – Человек вашего уровня не желает тратить время и силы по пустякам. И любой человек желает достойную награду за свой труд. Нет никакого чувства долга и чести в этом мире, оставьте высокие речи для тех, кому платят за то, чтобы вдохновлять войска на смертный бой. Ораторское искусство весьма в цене, но всё по-прежнему вокруг решает сила. Каждым должен двигать здравый эгоизм, – утверждал он, – Желание персональной выгоды для себя или своих близких. Прибыль, титул, власть, какие-то услуги, каждый сам находит, ради чего он делает то, что делает. Тем не менее, иногда можно подумать и об общем благе. Например, я за то, чтобы дать достойный отпор Империи, уже тянущей к нам свои мерзкие щупальца.

– Любопытные слова от человека, который при этом носит «имперку» на лице, – усмехнулся от таких заявлений Кроненгард, оглядывая внешний вид собеседника.

– Такой стиль бороды зародился в Империи, да. Но именно здесь, на этих землях, когда те входили в её территорию, – напомнил собеседник. – Я бы не стал вешать в кабинете сражение при Майте и портрет Лонкольда, будь я лоялен к императору. Не выкрасил бы здесь всё в цвета свободы! Я истребил здесь род Роарборхов, что замыслили переворот против Мортимера, имея с имперцами общие дела и интересы в отношении края. Наш общий лорд – человек гибкий и податливый. У него большое войско, широкое влияние, однако сам он слишком лояльно относится к нашим неприятным соседям. И, надеюсь, вы заметили, что в Сельваторске нет ни храмов, ни церквей? Это давний обычай, здесь всегда царили собственные культы. Но не сейчас, мой друг. Наш бог – человек! Высшее создание природы, способное покорить ту и получить от неё все жизненные блага: плоды, лекарственные травы, грибы, шкуры, мясо, кости и древесину для изделий, богатства недр: металлы, камни, самоцветы... – перечислял тот, вращая в воздухе указательным пальцем с нефритовым перстнем.

– Вас представили виконтом, а я думал, в этих землях принята боярщина, – проговорил некромант.

– Это дела минувших дней, однако же, это всего лишь титулы. Помещик, пан, боярин, дюк, ярл... Дворянство есть дворянство. Это Вольные Земли, мой барон, здесь каждый волен величать себя, как ему вздумается. Я могу быть хоть императором Сельваторска, если бы город получил свою независимость. Но оно мне не нужно. Сельваторск входит в Кронхольд, Кронхольд входит в Червегор, как и ещё пара земель. И всё это независимая единица правящего лорда. Жаль, Мортимер у нас не совсем такой человек, за которым мы бы чувствовали себя уверенно. Но всё течёт, всё меняется, не так ли? Когда-то в Сельваторске были Роарборхи, и когда-то в замке Кронхольда сидел Казир, а не Бальтазар, – хитро

улыбнулся Себастьян.

– Предлагаете свергнуть лорда, – прямолинейно вслух заключил чернокнижник.

– О, нет-нет, о чём же вы! Скорее... заменить, – расплывался и дальше городничий в улыбке. – Долина может дать нам ещё больше, если на неё никто не будет покушаться. Крупные города, типа Гедельбурга, стоят сейчас на торговых путях и просто жиреют на глазах. Сельваторск окружён глухими лесами с трёх сторон, мы никогда не станем на подобный путь, но можем быть источником, откуда товары расползаются по всей паутине дорог хотя бы веером вниз по карте. Не будь здесь неуспокоенных, жизнь забила бы ключом, а край процветал. Не то, чтобы ночные восстания как-то мешают работе и ремеслу, немногие хотели бы трудиться в тёмное время суток. Но, тем не менее, всякая завывающая и бродячая мерзость такой край совсем не красит. Впрочем, я понимаю, мой друг, у некроманта свой взгляд на нежить, и, вероятно, вам всякие упыри да бруксы кажутся по-своему прекрасными. Но заверяю смело, что без них Сельваторск способен дать региону куда больше. Мы были бы рады от всех них избавиться, если бы вы их не то, чтобы уничтожили или упокоили, а куда-нибудь, скажем, увели под гнётом собственной власти.

– Иными словами, вы и ваша знать меня поддержат, если я пойду на главный замок Червегора, – произнёс Бальтазар, хитро оскалившись. – Особенно с войском вашей же нежити.

– Оформим это, конечно, по-другому, – мечтательно расплылся городничий в очередной улыбке. – Вы забираете тварей с лесов и погостов в свою армию, мы заодно поддержим своими войсками на границах. Сделаем всё беспрекословным приказом, но, как я уже говорил, на закате я покажу вам кое-что интересное. Я за вас присмотрю за Кронхольдом со скромным титулом барона, буду докладывать, как здесь дела, сооружу из Сельваторска главный деловой центр области с ярмарками и всем таким прочим. Вы же будете лордом всего Червегора! Независимым землевладельцем у самых имперских границ, откуда хлынут потоком в новый мир свободы за глотком свежего воздуха все те, кому станет душно в ошейниках и тесно в кандалах, в которых их там удерживают строгие законы и рамки. Оттуда сможете расширяться куда-нибудь на юго-восток, в Арьеллу, например. Надо возвеличить наши земли и расширить города, дабы быть готовыми к переселенцам. Укреплять свою власть, а из них сделать преданных воинов, чтобы сама Империя не двинулась на нас, в слепой ярости желая захватить. Мы с вами ведь довольно похожи, не так ли? Родом не из этих мест, но закрепились и обосновались именно в Кронхольде. Свергли предыдущую династию силой. Ненавидим Империю. Даже эта серьга в моём ухе, думаете, она мне так нравится? Это бунт, мой дорогой друг, это акт восстания и неповиновения имперским порядкам, где мужчинам запрещено прокалывать уши.

– Мне любопытно, почему у вас такой зуб на самую могучую державу континента, – глядел на него Бальтазар.

– Гость жаждет узнать истоки моей ненависти? – приблизился Гадияр, так, что можно было ощущать его слегка мятное чайное дыхание. – Империя – это кладёз человеческих пороков, скрытых под масками верности, закона, религии... Это политика пастухов, которым не нужны свободомыслящие люди. Им нужно лишь покорное стадо, ресурсы для питания и расширения своих владений. Спросите на улице, какую часть урожая я собираю с полей местных крестьян. Велю ли им придерживаться чёткого распорядка дня с молитвами и отдыхом лишь после заката? Империя привязывает крестьян за своим помещиком, словно рабов! Там нетволи, Бальтазар! Там воспитывают покорность. Например, женщины там не

имеют даже права высказывать свои мысли и обучаться грамоте. Их продают замуж, а не выдают, дорогой гость. А у нас есть чародейка, главная пряха, школа для детей обоего пола. А станет их больше с ростом города, я построю ещё одну или той за летние вакации этаж надстрою. Жницы, художницы по росписи, гончарки, да пусть хоть в кузне работают, если душа к тому лежит! Нет, серьёзно, в Гедельбурге, например, есть женщина-кузнец. Причём потомственная, её мать тоже ковала мечи и топоры. Вольный Край на то и вольный! Здесь есть свобода выбора. Попробуйте сказать об этом в Империи, как вам тут же язык отсекут за инакомыслие. Империя, мой новый друг, это система. Это какой-то механизм, как мельница, который вбирает в себя соседние богатства, а люди там крутятся винтиками, быстро изнашиваясь и легко сменяя друг друга. Никто не хочет быть частью механизма. Все хотят свободу самовыражения. Не я назначаю, кому растить морковь, а кому пшеницу. Здесь вольный народ со своей головой на плечах. Империя же, это жизнь по уставу, по своду правил, там регламентированы даже наказания для детей: за что на горох, за что розги – как будто бы там даже не слышали о прощении. Только своды чётких правил, ни шагу влево, ни шагу вправо. Табель о том, табель об этом... Мир вокруг – это дивная многообразная природа. А Империя – это набор узаконенных стандартов, где сыновья обязаны наследовать профессии отцов. И если ты сын писаря, но и в почерке твоём сам чёрт себя не разберёт, корпеть тебе за чернильницей до конца дней. А если ты возишь дерьмо на удобрения... Ну, вы меня прекрасно понимаете, – переходил виконт с гостем то на «вы», то на «ты», словно этим подчёркивал вольность местного общения.

Точно также и сами территории эти имели ряд схожих наименований: Вольный Край, Вольные Города, Вольные Земли и тому подобное со словами «вольный», «свободный» и «независимый», всегда подчёркивая факт неповиновения и не входа в состав областей во власти императора.

– Итак, что там с этой вашей башней? – любопытствовал Бальтазар.

– Увидите всё ночью, а сейчас отдохните и выспитесь хорошенько. Я подготовлю для вас одну из гостевых спален, проведёте время в комфорте, пока я займусь насущными делами. Если днём трудно уснуть, любой трактирщик может налить вам ежевичной или черничной местной настойки. Крепчайшая вещь, немного приторная, будто для сладкоежек, но разбавлять не рекомендую. Можно заодно ромашковым чаем или настойкой валерианы запить для пущего эффекта. А на закате сами увидите, что здесь происходит, грядёт та ещё ночь... – советовал Себастьян, и у некроманта, по сути, не было иного выхода, кроме как запастись терпением и дожидаться вечера.

Они попрощались, и градоначальник вручил ему с собой несколько фруктов на закуску напитков. Бальтазар же предпочёл расслабиться в местном борделе повторному посещению трактира. Но ближе к вечеру вернулся и туда, взяв всё-таки комнату там с намерением полежать и отдохнуть несколько часов, направился наверх в одиночестве. Гостеприимством зазывавшего в свой особняк виконта он не воспользовался, видимо, всё же надеялся в таверне отыскать вороватого пройдоху Коркоснека. Да и не шибко понравилось ему слишком раскованное и фривольное поведение градоначальника в процессе беседы.

На застеленной кровати в запертой на ключ гостевой уютной спальне он обнаружил свиток не самой плохой бумаги с посланием, гласящим «Если вам дорога жизнь, поскорее уезжайте отсюда», но этим словам не внял, а завалился с раздумьями на мягкую постель.

На закате к нему прислали посыльного, который, постучав и услышав ответный голос проснувшегося барона, сообщил тому, что ждут его на западном кладбище. За окном вовсю наливался красками поздний закат. Ещё несколько мгновений, и весь кроваво-фиолетовый багрянец начнёт темнеть и чернеть под властью наступающей ночи.

– Будь осторожен, – внутри шепнула ему царица-тьма, приглядывавшая за своим избранником.

– Сама будь начеку, – буркнул он, рассчитывая на её поддержку, как в прежние времена.

На кладбище, что располагалось с краю и за пределами городских стен, ждал его одиноко стоящий Себастьян в красивой треуголке и всё в том же сине-зелёном дорогом наряде. С ним не было ни слуг, ни чародейки, а лицо вновь расплылось широкой приветливой улыбкой, едва виконт увидел барона.

– Ах, вот и вы! – поклонился он, сняв шляпу.

– Обширное здесь кладбище, – оглядел некромант как свежие, так и покосившиеся надгробья.

– Сельваторск очень старый город. Многие здесь покоятся поверх других слоёв захоронений. Но попробуйте их призвать, – распростёр в вежливом жесте свои руки виконт, будто бы приглашая к столу, а на деле указывая на местные могилы.

Здесь было сыро и холодно. Над кладбищенской землёй царило полное безветрие под темнеющими крыльями окутавшей всё вокруг ночи. В дальних краях окружавших лесов серыми стаями уже начинал собираться седой туман, стелящийся к городским стенам, как смелеющие орды подступающих хищников.

Бальтазар присел и медленно постарался погрузить пальцы в чёрную землю. Она была твёрдой, промёрзлой. Однако, чем глубже он погружался, тем сильнее будто бы чувствовал пульсирующее тепло. Странные переливы чужеродной энергии царили здесь.

Вместо привычной серости тлена и некромантической фиолетово-чёрной ауры он ощущал подушечками пальцев малиновые глубинные переливы, где кроваво-красные тона сквозь привычную ему сиреневую пелену переходили в мертвенно-синий. Подобную энергию на кладбище он не встречал ещё никогда, но тем сильнее становился его интерес к происходящему.

На зов некроманта никто не явился, хотя он мысленно уже проносился по этим могильникам, ощущая останки каждого, кто захоронен здесь. Статные вельможи, бедные крестьяне, скошенные болезнью и голодом семьи, братские могилы после сражений и стычек, убитые зверьём, коих удалось найти в лесу, умершие своей смертью старики и отравившиеся чем-либо молодые люди. Перезахороненные утопленники, даже бывшие городские чародеи. Практически все слои общества. И никто из них не внял его приказам подниматься. Никто не повиновался его заклятью.

– Чудеса, да и только, – пробормотал Бальтазар, приподнимаясь и отряхивая пальцы.

– Это всё Роарборхи виноваты, – сетовал Себастьян. – Их челядь, их подручные и поверенные, их работники и слуги – всё это колеса одной большой мельницы, перемалывающей людские души, судьбы и кости.

– Они не идут, потому что их нельзя пробудить. Они не дремлют в недрах, а давным-давно под чьей-то властью. Лишь скрываются от дневного света, лежат там до заката и вот-

вот готовы вырваться на волю. Но не ко мне, – заявил некромант. – Они никогда не спят, а только щёлкают зубами да ждут своего часа. Какого ж чёрта здесь происходит? – поглядел он на местного градоначальника.

– Слышишь? Скребутся, ползут под землёй. Под нами катакомбы, куда просто так не пробраться. Они стерегут свой горн, а вход охраняет лютая бестия. Идём к башне, здесь больше нечего делать, – махнул он рукой. – Быстрее добредём, застанем, как она появляется.

И они выдвинулись опять в сторону городского центра, где недалеко от особняка Гадияров располагалась старая каменная башня цилиндрической формы с обрушенным верхом и щелями в давней кладке своих серых стен. Кое-где виднелась паутина, ближе к верхушке находились вороньи гнёзда, а кругом такой бурьян и искореженные проклятьями деревья, что казалось, местные вообще обходят этот клочок земли стороной.

– Там в подвалах жила последняя наследница Роарборхов. Её заковали в цепи и заморили голодом. Но по ночам теперь она взматается жуткой тварью, – рассказывал Себастьян.

– Брукса? Гарпия? – поинтересовался Бальтазар. – А говорил, они тут только шастают. Эта-то ещё и летает, ко всему прочему?

– Кто их всех знает. Я обучен грамоте, но в бестиариях ваших не разбираюсь. Слышишь? Она уже скулит. Воеет по своему роду, скребёт ногтями от гнева, – говорил Гадияр на раздававшиеся из подвалов башни тягучие звуки. – Вот-вот вырвется наружу.

И в скором времени, едва протяжные стоны замолчали, а всё вокруг на время разразилось пугающей тишиной, сквозь решётки дымкой пепла, закрученной смерчем, вылетело, формировавшееся в плотный и цельный силуэт, нечто. С большими крыльями, захлопавшими в воздухе, словно приветственные аплодисменты для гостей. Похожее на человека существо, но уже давным-давно им не являвшееся. Голое, уродливое, в котором едва-едва оставалось что-то от женственной фигуры. Спина покрыта торчащим длинным ворсом тёмной шерсти, позвонки обросли изогнутыми шипами, на стопах цепкие крючковатые когти, подобно тем, что встречаются у хищных птиц.

А голова бестии больше напоминала волчью или медвежью. Вытянутая широкая пасть, чьи, похожие на тонкие иглы, кривые зубы росли настолько хаотично, что челюсти эти даже не смыкались. От носа и ушей здесь остались лишь тёмные прорези, глаза казались человеческими и маленькими по сравнению с большой пастью, а вся кожа была бледно-серой и совсем чуть розоватой в перепонках на могучих крыльях.

– Фурия, – скривился лицом некромант. – Отродье мести.

– Тебе видней, – заключил Себастьян. – Знаешь, как с нею справиться?

– Посмотрим, так ли она хороша, – достал некромант из ножен свой меч правой рукой, левой формируя простенькое заклятье, подобное шару из переплетавшегося колючего тёрна в ореоле густо-сиреневого сияющего дыма.

– Убей её! Ну же! – нервно вопил городничий, надеясь, что все проблемы решатся в два счёта.

Он выхватил из-под полы камзола красивый кинжал, но не пустил его в ход и даже не встал в боевую стойку, а, взглянув снизу вверх на зубастое создание, тут же с криком панического ужаса помчался прочь от зависшей в воздухе фурии, спасая свою шкуру.

С пронзительным воплем, сопровождаемым диким свистом и озлобленным шипением, крылатая тварь пикировала с ночных небес в их сторону, заставив отпрыгнуть по разные края дороги. Кругом были плотно закрытые ставни и двери городских домов, а также разных

заведений. Укрыться было негде за исключением нескольких никем не запряжённых телег, под которые можно было бы рискнуть залезть, да сараев с инструментами, чьи двери не имели наружных засовов.

Однако, в отличие от Себастьяна, пытавшегося скрыться от погнавшей за ним бестии, Бальтазар себе никакого укрытия не искал. Взглянув наверх, он испустил несколько полупрозрачных чёрных черепов-ищеек, слетевших с его сосредоточенного молодого лица. И эти колдовские формы полетели выискивать чудовище прежде, чем заряд сотворившей их энергии развеется в воздухе.

Таким образом, у некроманта оказалось множество «глаз», способных видеть различные локации центра Сельваторска. Тварь приютилась на округлой крыше колокольни, пытаясь выискать не его, а представителя рода Гадияров, но и размахивающий своим клинком самоуверенный барон её вполне устроил в качестве цели.

С шипением и клёкотом, разевая свою скалящуюся сотней игольчатых зубов пасть, она ринулась вперёд и словила на грудь терновый сплетенный заряд, опутавший её живыми колючими побегами, разрезающими плоть и впивающимися в тело.

Однако даже если руки существа оказались скованы, ногами, зависнув в воздухе, она дралась ничуть не хуже. Парируя и отражая все выпады верного клинка, сиявшего сейчас, как катализатор вложенной магической ауры, зубастая бестия шипела и свиристела, клацая челюстями.

Когти на массивных женских ногах пытались добраться до лица некроманта, запутывались в его волосах, едва не схватив за те и не приподнимая его в воздух. Но скользящее из стороны в сторону лезвие всё же нанесло раны по её серым мускулистым икрам, не выпуская крови, но вскрывая тёмное синеватое мясо из-под плотной серой кожи.

Срезать или переломать крепкие птичьи когти, увы, не получилось. Они оказались противоестественно прочными, не желая поддаваться даже размашистым ударам хорошего меча. Дабы избавиться от этих костяных серпов, следовало срубить ей пальцы, а то и все стопы. Но Бальтазару бы, наоборот, хотелось, чтобы она не порхала над ним, как агрессивное жалящее насекомое, а спустилась на землю, потому стремился в первую очередь поразить и изодрать монструозной девице крылья, уворачиваясь от всех её выпадов и вооружённых конечностей.

Человеческого строения ноги выглядели невероятно мускулистыми. Слово от напряжения мышц наружные бледные ткани покрова вот-вот лопнут, натянувшись до предела, обнажив тёмную плоть. Сейчас их, правда, ногами и назвать-то уже было тяжело. Это были настоящие лапы заживо гниющей бестии, свирепой, как пробирающий до костей её леденящий вопль, жаждущей отмщения и возмездия за те невзгоды и гибель, что принес их династии пришедший сюда на смену род.

Фурия взвыла, сделав несколько кругов и ударив некроманта в спину, так что тот отлетел в крупный стог сена подле телеги. Собиралась пикировать вниз, но в неё вонзился крестьянский топорик, брошенный Себастьяном из раскрытого сарая. Тот метнул ещё серп, но он не пожелал следовать выбранной траектории и не добрался до цели.

Крылатая нежить, стряхнув из серой плоти угодившее в тушу лезвие колуна, метнулась туда, в мгновение ока пробив сарай насквозь. Пронеслась с душераздирающим адским визгом, подобным завыванию нечистой силы в оргиях неистового шабаша. Но Себастьян уцелел, упав на пол так, чтобы бестия пролетела мимо, а затем юркнул в небольшой погреб, где хранились упряжь, подковы, банки с гвоздями и несколько щёток для лошадей.

Целиком поместиться туда было непросто, пришлось вытаскивать содержимое и ютиться на корточках, но взмывшую ввысь бестию уже вновь атаковал магическими лучами некромант, оставляя дыры в мембранах крыльев, пытаясь заставить шипящее нечто спуститься на землю и прекратить летать над их головами.

Налитые кровью глаза будто бы сохранили свои исходные человеческие размеры, некогда принадлежавшие молодой женщине, с которой и произошла эта чудовищная трансформация. Она ринулась на пришлого гостя, и Бальтазар тщательно выбирал момент, чтобы вонзить свой клинок ей меж рёбер. Но в самый ответственный момент, некто рывком вбок сбил его с перекрёстка, впечатав в каменную кладку таверны и прижимая туда с недюжинной силой.

– Уймись, наконец! Как ты не понимаешь! – Из-под тёмно-зелёного капюшона сверкали зелёные глаза лучницы чародейки.

– Опять ты, – вздохнул некромант, хватая её и переворачиваясь, теперь придавливая уже сам несносную лучницу к стене за шею эльфийским луком. – Видел я, что ты странная, но чтобы вот так защищала безумную нечисть...

Он поглядел ввысь, как кружила над ними бестия, словно остерегаясь лучницу-чародейку. Вероятно, они бились здесь чуть ли не каждую ночь. И если наемни Кира нашла время ещё и леса на подходе к городу патрулировать, значит, её стрел и магии хватало, чтобы, если уж не ранить всерьёз крылатую нежить, то хотя бы как-то загнать обратно в башню. Например, пронзив все её перепонки, лишая возможности летать, или попав той по глазам, до следующего перерождения сделав недееспособной.

– Зачем ты здесь? Хочешь её подчинить себе на службу? – ловко перевернулась она, используя вес соперника против него же, и опять прижала Бальтазара к холодной кладке. –

Ничего не выйдет! – гордо заявила чародейка, сверкая глазами. – Фурия – это существо, порождённое мезгиею. Ребекка Роарборх, заморённая голодом, прогрызла себе запястья и своей кровью из последних сил прокляла собственное тело, обрекая на становление этим чудовищем. Фурия появляется там, где совершены противоестественные преступления, где нарушена честь и священная клятва! Это порождение мрака по ночам выходит из своего жилища и жаждет кровавого отмщения! Её не остановят ни мольбы, ни просьбы, от неё не откупиться и не договориться. Она – сам неумолимый закон природы!

– Видать, у вас с ней много общего, – только и усмехнулся на это Бальтазар, попробовав ещё раз поменяться позициями, но не вышло.

Рассерженная таким сравнением женщина попыталась ударить острого на язык барона промеж ног, но бойкая коленка её наткнулась о защитный металлический гульфик, предусмотрительно надетый тем под кожаные штаны в качестве защиты. Барон хитро заулыбался, намекая о её предсказуемости. А вот зубастое чудовище уже не кружило и не нависало в чёрных небесах над этим местом, а, по всей видимости, реяло над улицами города, выискивая Себастьяна и других более доступных для себя жертв, чем некромант и охотница-чародейка.

– Уходи прочь! – перестала вдавливать его в стену и нацелила свой сверкающий лук чародейка.

– А то что? Выстрелишь в меня? Ты же уже попадала, помнишь? Даже несколько раз, а ничего путного не вышло, – горели фиолетовым пламенем его аметистовые глаза.

– То было не в упор и не тремя стрелами разом, – полыхали нацеленные на него наконечники то зелёным, то ярко-малиновым пламенем.

– Если уж суждено умереть, я хотя бы должен понять, – спокойным тоном говорил ей некромант. – Почему же ты её защищаешь? И что вас связывает между собой?

– Ты ничего не знаешь о том, что здесь было. Под династией Роарборхов Сельваторск процветал, был крупнее, и в центре помимо этой башни стоял настоящий небольшой замок, от которого теперь ничего не осталось кроме неё. Мой род городских чародеев служил им поколение за поколением. И однажды сюда пришли Гадияры, бежавшие из Империи от тамошних скверных порядков. Они служили правящему роду, но предали его. Выдали своих дочерей за сыновей верховного боярина, и те в первую же ночь перерезали юношам глотки. Самого же его со слугами замучили до смерти в тронном зале, где принимали послов и прошения от народа. Оставалась последняя наследница, незамужняя Ребекка, первая из детей последнего правителя, старшая дочь свергнутого семейства. Её заковали в кандалы, с позором протащив нагой по улицам города под улюлюканье толпы, избили, прилюдно многократно надругались и заперли в подвале башни, ни разу не удосужившись принести еды. Она умерла, став мстительной Фурией. И хотя замок давно разрушен, Башня Ужаса ещё стоит. Никто не приближается к её обители, где она с ненасытным голодом теперь соскабливает мясо с костей своих жертв, – с серьёзным видом рассказывала ему чародейка, так и не опустив лук.

– Так вот в чём дело, – ухмыльнулся Бальтазар, поглядывая не столько на неё, сколько в небо вокруг, не появится ли смертоносное создание. – Мне, наконец, стали ясны твои мотивы. Ты ждёшь, когда она избавится от последнего Годияра, дабы занять его место. Мир вертится вокруг типичного эгоцентризма, как этот тип и говорил. Плевала ты на людей и на то, как здесь жилось до и как живётся после. И вовсе Сельваторску не стало худо без Роарборхов. Всё осталось примерно по-прежнему, разве не так? Ну, может, меньше поставок товаров из Империи, но тебе плевать и на это.

– Много ты понимаешь! – нахмурилась Кира.

– Когда здесь стоял замок, у него была довольно обширная сеть подвалов, о чём ты умолчала. Впрочем, как и о смерти отца. Но вход туда, что тебе, что Себастьяну, преграждает это создание. Ты ждёшь, когда она пожрёт твоего конкурента. А он дал тебе задание охотиться на нечисть и ждёт, когда она пожрёт тебя. Не знаю уж, почему и чем ты так ему мешаешь, но видя нрав и твои замашки, мне всё это не удивительно. А потом победитель ваших престольных игр явится вниз, где проводились ритуальные службы. Я видел столько боли под этой землёй, неужто представляешь, что там находится? – поинтересовался некромант.

– Слышала лишь, что там некий горн и склянка с кровью вампира Волдриани. Вот только ты ошибаешься, что меня как-то останавливает фурия. У меня есть ключи от темницы, – показала она связку у себя на поясе. – То, чего нет у Себастьяна.

– Так вот в чём весь его смысл! Ты не даёшь ключи, строптивая девчонка! Что же мешает тебе просто подстрелить городничего, изодрать ножом в клочья и сказать горожанам, что его задрала эта безумная тварь? – полубопытствовал Бальтазар.

– Издеваешься?! – дрогнули женские губы, а глаза смотрели на него, как на глупца. – Почему боги сотворили мужчин столь невыносимыми! Как можно не понимать? Это бесчестное убийство ничем не лучше того, что совершили с Ребеккой. Фурия тут же примется за меня, как за преступницу против воли природы. Она должна расквитаться с Себастьяном и уйти на покой. Тогда и можно будет проникнуть вниз, узнав, что скрывают местные катакомбы. Будьте честны с самим собой, барон, и ищите правду в других. Тогда вам

ничего будет страшиться с чистым сердцем!

– Тебя отец воспитывал, разве нет? Он не должен был стать примером адекватного, сильного и умного мужика? – поинтересовался вдруг чернокожишник. – В крайнем случае, воспитать под свои нравы. Откуда ж вся эта ненависть?

– О, ты ничего не знаешь, – отвела она глаза, – и не поймёшь. Это не ненависть, это голос разума против несправедливости и глупости вашего мужского мира. Родителей не выбирают. Папа многому меня научил, но он отнюдь не был идеальным. И я не склонна его боготворить в каждой мелочи. Он совершал те же нелепые ошибки, был упёртым, стоял на своём, даже будучи неправым. Мужчины не способны ни на признание вины, ни на чувство, ни на здравый смысл. Вы хотите, чтобы всегда всё было по-вашему. Другого не видите, на чужое место поставить себя не в состоянии, чтобы рассмотреть проблему с разных сторон. Считаете, что вы во всём и всегда правы, что вам все должны, что вы выиграли эту жизнь! А это не так. Вы родились от женщины, но в вас нет ни толики уважения и любви. Только и угнетаете нас все эпохи, – хмурилась Кира.

– Здесь не Империя, чтобы о партнёрстве и равенстве можно было только мечтать. Удивительно, что ты на Вольных Землях считаешь всех мужчин вокруг глупцами и угнетателями, – заявил Бальтазар.

– Ты не живёшь здесь, не знаешь местные нравы. Каждой сильной женщине надо раз за разом доказывать своё место в жизни, право на мнение и личное счастье, – вздохнула она. – Даже замужеством чаще руководят родители, нежели чувства влюблённых.

– Могла бы избавиться от Гадьяров да всё изменить, – хмыкнул барон.

– Ах, я же уже объясняла, – цокнула та языком, презрительно взглянув тому в глаза.

– А склянка, что там с ней? – заодно спросил её некромант.

– Говорят, перед своим обращением Волдриани, ещё будучи человеком, разлил свою кровь в маленький стеклянный сосуд. С ней проводилось столько ритуалов, что сейчас выпивший ее, по сути, может обрести бессмертие или же долгую жизнь, не опасаясь никаких болезней и заразы, – отвечала она. – Алхимик-исследователь был великим учёным, обретшим бессмертие в вампиризме. А его последователи организовали настоящие культы крови.

– Достойный артефакт, чтобы продолжить династию, – согласился Бальтазар. – Что Гадьяров, что чародеев. Жаль, Роарборхи ничего не подозревали о предательстве и не выпили в день свержения, иначе бы конфликт прошёл ещё веселее.

– Тебе всё смешно? Все вы, мужчины, беспечны и глупы. Большие дети, что с вас взять. Привыкли получать всё, никого ни во что не ставят, избалованные аристократы. Вам всё течёт само в руки, и вы даже не представляете, как мирный люд вокруг добывает пищу себе тяжким трудом! – сверкала она глазами.

– Вы же не собираетесь посреди схватки с фурией повторять мне всю свою тираду про угнетенных женщин, которые во всём лучше мужчин? – понадеялся он.

– А что вы с такой трусостью озираетесь по сторонам? Бойтесь, что не смогу вас защитить в случае чего? – усмехнулась та.

– Защитили вы как раз эту любопытную мстительную особь, едва не сломав мне плечо, толкнув в эту стену, – напомнил он.

– Какой, однако, хрупкий некромант! Под стать своим скелетам. Если вы её убьёте, значит, Гадьяры победили! Значит, род вероломных предателей продолжит процветать здесь и править! Сидите на заднице ровно, барон, – практически приказала она повелительным

тоном. – Не вмешивайтесь! Ваш визит может оказаться очень кстати, раз Себастьян сейчас снаружи, а не скрывается в своём особняке. Я всё думала над способом заманить это существо туда, но сейчас мне надо лишь не дать ему туда вернуться и где-либо укрыться. Вы выманили его, и Сельваторск вам, так и быть, будет благодарен, – её лицо сменилось на более добродушное выражение. – А потому просто не напортачьте и не испортите всё, что создали. Сидите тихо, и пусть чудовище свершит свою миссию.

Они замерли вдвоём, выискивая крылатое существо в ночном небе. Но фурию давным-давно ещё во время их негромких разговоров нигде не было видно и даже слышно. Не отыскав спрятавшегося Себастьяна и не добравшись до Бальтазара, которого из-под её когтей увела чародейка, она будто бы улетела охотиться в другие городские районы или ближайшие леса.

Сколько ни бродили они, осмелев, по ночному городу, до самого рассвета так ничего более и не случилось. Кира шумно притопнула с досады, поднимая облако пыли в рассветных лучах. У башни они увидели, как серое бесформенное нечто скользит в воздухе между толстых прутьев решётки, скрываясь в непроглядном мраке глубин данжеона.

– Хотите оказать городу реальную услугу? Повторите ночью то же самое. Скажите ему, что подготовились, что знаете слабое место, что вам нужен какой-нибудь арбалет с крестовыми наконечниками стрел или я, например, в подмогу. Я подыграю. Нужно выманить и скормить ей Себастьяна любой ценой. Скажите, чтобы не отсиживался у себя, а служил живой приманкой, – чеканила она приказным тоном, отправляясь прочь с городских улиц, явно расстроенная и собиравшаяся, наконец, отдохнуть и поспать после тревожных ночных выжиданий.

Бальтазар же направился выискивать виконта, ведь тот, если сам не уснул в своём укрытии, должен был выбраться оттуда с первыми лучами солнца, едва фурия убралась в темень своего подземелья. Вокруг уже светлело, был прекрасно виден в деталях весь городок с его узкими и широкими улочками, простенькой окраиной и насыщенным заведением центром.

– Некромант! – окликнул его старческий голос.

Со стороны ближайшего леса всё ковыляла к нему та сторбленная седая старушка, опираясь на извилистую клюку, подрагивая губами, будто всё время что-то там пережёвывала. Пока все вокруг ещё спали, она, видимо, шла с ближайшего склона, вернувшись в город довольно быстро. И суток ведь не прошло с их вчерашнего разговора, если, конечно, та черничная настойка не заставила его пропустить день-другой в трактире, что крайне маловероятно.

– Да чего тебе снова надо-то, старая? – закатил он глаза.

– Забери меня, сил уже никаких нет! Мёртвые здесь сами ковыляют, но моя смерть не приходит никак. Скота ни осталось, подруги-то все померли, поговорить не с кем, – дрожал старушечий беззубый рот. – В хозяйстве я уж сама ничего не могу, совсем старая стала! – заявила та, кто за ночь успела сходить в горы и вернуться обратно, как ни в чём ни бывало.

– Да полно в городе старичья всякого! С кем угодно можно за жизнь потерять, о том, как в твоё время трава зеленее была, уймись уже! – глядел строгий взгляд Бальтазара. – Найди себе новых друзей да занятие какое-нибудь, чем прежде занималась. Кота там заведи.

– Ха! Скажешь тоже! – кряхтела она. – Кормить я его чем буду? И самой питаться чем? Милостыню просить у ратуши? Нет уж! Я не стану унижаться, некромант! Сам меня за эхом посылал! Оно ответило, что помирать мне пора. Исполняй уговор! – трясла она своей

палкой.

Некромант лишь вздохнул, приблизившись и поглядывая на неё. Потом посмотрел по сторонам, но не для того, чтобы убедиться, что их никто не видит, а наоборот, желая напугать парочку спозаранку проснувшихся свидетелей, дабы о фигуре его пошли разные тревожные слухи.

Старуху охватила и подняла в воздух серая призрачная аура, легко из немощного тела вытаскивая полупрозрачный призрак души. Её найдут здесь бездыханной, схватившейся за сердце, словно смерть настигла её в дороге на рассвете прямо на городской улице. Куда-либо относить её Бальтазар, конечно же, не собирался. Но кто-то мог бы и видеть, стать свидетелем того, как чернокнижник забирал себе её сущность.

– Что ж ты такого спросила у эха, что оно тебе помирать приказало, – напоследок гремел его могучий голос.

– Так и спросила жеж «Жить мне или помирать?», – отвечала та на последнем издыхании, будучи между жизнью и смертью. – Эхо и завопило в ответ «Помирать... Помирать...» – изображала она затухавший голос в горах.

– Глупая старая ты баба, – кривился Бальтазар. – Спрашивать надо было «Помирать мне или жить?», тогда и эхо «Жить! Жить!» подсказало, – раздались последние слова, которые донеслись до её ушей... – Нашла бы здесь добрых людей, кто б гуся подарил, кто телёнка новорождённого, всё бы у тебя было, если б захотела. Старая сморщенная изюмина, – проговорил он, оглядывая валявшееся мёртвое тело.

Некромант продолжил свой путь, растворяя внутри себя остатки энергии незадачливой пожилой женщины. Во всём этом наиболее ценным был её жизненный опыт и вереница воспоминаний, долгая тягучая жизнь, которую она добровольно оставила позади. Но барон Кроненгард в этот поток видений не вглядывался и душой старушки интересовался мало, немного подпитав за счёт неё собственные силы, и вернулся к поискам укрытия местного градоначальника.

Тому бы уже и показаться самому не мешало. Из-под телег никого не виднелось, случайных прохожих вокруг всё ещё не было, так что любое замеченное движение могло принадлежать вылезшему Себастьяну. Тот не должен был где-то там втихаря сделаться добычей для фурии, но наверняка некромант знать всё равно не мог.

Обойдя место краткого ночного сражения, вернувшись туда, где они как раз разделились, он обнаружил виконта в полуразрушенном сарае, отряхивающимся от пыли и щепок. В правой трясущейся руке был зажат изысканный кинжал с обилием самоцветов.левой же городничий возвращал на место в погреб всякие щётки и ремни уздечек. На вид, вроде как, живой и здоровый. Даже костюмчик нигде не порван крючковатыми когтями этой бестии.

– Вы здесь, – бросил ему Бальтазар, подходя ближе к остаткам постройки, чей хозяин всё ещё мирно спал в преддверии первых петухов.

– Ну, что там? – глянул Себастьян не столько на некроманта, сколько на его меч, ожидая, что тот должен быть запачкан.

– Скрылась дрянь, кружила до утра, искала вас, как будто, а потом нырнула обратно, как крыса в подполье, – отвечал тот.

– У-ух, гадина! Да, на меня позарилась, вон как разнесла тут всё, – показывал он и на дыру в стене, и на валявшиеся инструменты. – Пришлю плотников, есть у нас доски на складах, залатают. Делать-то что, ты мне скажи? Я надеялся, ты её в два счёта прихлопнешь

первым же колдовством! Каждую ночь воеет тварь, вылезает из своего логова. Даже не нагрязнеть к ней, ключ нужен. А он у чародейки, просто так не отдаст. Может, хоть вы авторитетом своим надавите? Прикажите, как барон! – настаивал мужчина, сверкая требовательным взором с расширившимися зрачками.

– Со мной она говорить тоже отказывается. Считает мы, мужчины, слишком высокого о себе мнения. Вы вот не женаты, случаем? Авось, с дамой какой-нибудь она была бы более сговорчива, – предположил некромант.

– Увы, нет, – отвёл тот глаза, убирая кинжал, – с женщинами так непросто находить общий язык в наше время. Такие все упрямые и своенравные стали. Даже служанку надёжную на такую миссию не пошлешь... И переодеваться нам с вами в женское не к лицу ради такого обмана, – качал он головой. – Кира опытный следопыт, она всякий обман за версту почует!

– Ну, ещё бы! Это ж «имперку» сбрить придётся! – отшучивался чернокнижник.

– Всё бы вам веселиться, барон. А тут дело жизни и смерти, – кусал губы городничий. – Что бы эдакое сообразить...

– Можно на хитрость пойти. Есть у вас в городе воришка один проворный. Повелите-ка найти в кабаках и борделях дворфа-музыканта, что ситар с собой носит, чьи волосы змеям подобны, борода в крупную косу, что у вас хвост волос позади, а звать, как же его... Словно закуска к браге какая-то... Корки... Креко... Кроко... Коркоснек! Так, кажется, представлялся он, если не оболгал самого себя.

– Был дворф, песни пел. А чего ж не разыскать? Разыскать его, это мы мигом! Хоть все ночлежки обыщем, – пообещал виконт. – Сейчас же подниму своих людей.

Днем Бальтазар отсыпался в покоях особняка Гадияров. Там оказалось куда комфортнее, чем в трактире. Одна из гостевых комнат выходила окнами на запад, дабы гостя не беспокоило озорное яркое солнце. Впрочем, синие шторы в узорах со львами и золотистых коронах были столь плотными, что и так бы не впускали сюда лучи света.

Проснулся он уже к обеду, даже позже, но Себастьян распорядился гостя хорошо накормить. Внизу на скамье сидел вздыхающий дворф со скованными руками. Он сильно занервничал, когда встретился взглядом с зевающим заспанным бароном. Но тот собирался ещё помучить ожиданиями арестанта и потому первым делом направился даже не перекусить, а в ванную комнату.

Уже многим позже встретившись с Себастьяном в его кабинете, вновь заставив того бросить все свои дела, они направились к схваченному гному. И повели его отнюдь не в какие-нибудь местные подвалы для допросов или ещё в какую-то комнату пыток, а как раз в столовую, где накормили как пленника, так и некроманта. Цепь меж кандалами была достаточной, чтобы бард нормально орудовал руками, хватая и перепелиные ножки, и накалывая маринованные грибки серебряной хозяйской вилкой. Гостей напоили хорошим некрепким пивом, дабы разум их совсем не поплыл, и, разлив по бокалам бутылку ароматного красного, перешли прямо к делу.

– Так что, если умыкнёшь ключ у чародейки, так и быть, будешь прощён за украденный кошель, – подытожил виконт после изложения задания.

– Будет вознаграждён вдвое большим, – вмешался Бальтазар, пригубив в очередной раз изящный хрустальный бокал багряного вина. – Таким, как он, нужны стимулы поинтереснее.

– У лучницы этой спереть ключи удумали?! – струсил гном. – Она ж меня как кабанчика стрелой пронзит и на вертеле вращать будет в камине!

– А когда не срабатывают деньги, в ход может пойти политика страха, – заявил Бальтазар виконту.

– Так, голубчик, – махнул тот рукой, подозвав к ним мальчишку-виночерпия, – ступай, найди Ноэллу и позови к нам сюда.

– Да, мой господин, – кивнул юнец едва ли старше семнадцати в удлинённом фраке.

– А, и как приведёшь, прикрой дверцы снаружи, – заодно повелел виконт.

В скором времени в зал вошла женщина с аккуратным пучком волос, одна из служанок. Бальтазар узнал её – вчера видел здесь в коридоре. Сейчас она выглядела взволновано, лицо покраснелось, а когда юноша-виночерпий закрыл зал, оставшись снаружи, и вовсе задрожала губами, захлопала ресницами, словно пытаясь на них взлететь в воздух. Дама принялась теревить металлическую брошку в форме цветка, судорожно водя по его гладким лепесткам подушечками своих пальцев с аккуратно подстриженными ногтями, окрашенными в коричнево-бордовый оттенок «красного дерева».

– Вам ч-что-то нужно г-господин? – поглядывала она на Себастьяна, но с ещё большим страхом косилась на наряд некроманта, сверкавшего на неё своими фиалковыми глазами.

– Ноэлла, солнышко моё, – вдохнул виконт, – разве мы здесь как-то плохо с тобой обращаемся?

– Нет, господин, всё п-прекрасно! – затараторила та тонким голоском, чуть покачивая головой и удивлённо хлопая глазами.

– Так почему же тогда вся грудь у тебя звенит моими деньгами? – полюбопытствовал виконт. – Ты шагаешь, а звон монет на весь коридор раздаётся, – явно преувеличивал он, хоть и дал понять, что она поймана на краже.

– Я... я... ваше благородие, – пыталась она найти, что сказать.

– Когда ты берёшь втихаря из тайника себе по монетке, это ещё куда ни шло, – наклонился Себастьян вперёд через стол, перебирая сложенными вместе пальцами. – Но человеческая жадность не знает границ, ведь так? Думала, если я не замечу пропажу одной монеты, то не замечу и пропажу двух. Да и денег там столько, что не замечу и пропажи десятка. Но это вот уже перебор, – рванул он резко вперёд, потянув ткань её платья на себя и порвав лиф, откуда на стол и тарелки посыпались мелкие серебряные монеты, заодно открыв мужскому взору всех троих её большую грудь с крупными бледно-розовыми сосками.

– Я... я хотела взять совсем немного, отложить на старость или детям, может, будущим внукам, – блеснули в её каштановых глазах слёзы, а руки даже не решались пристыжено прикрываться.

– Воровка в моём доме! – хлопнул он по столу ладошкой под звон посуды. – Пригрел змею на груди, называется.

– Господин, я всё верну, всё отработаю, я ничего не потратила, – заверяла она, хотя по глазам было видно, что это не так, просто саму себя она явно пыталась убедить, что растраты были пустяковыми, самую малость из украденного и запасённого дома в шкатулках, куда складывала принесённые звонкие монеты.

– Она ваша, Бальтазар. Покажем нашему гостю, – поглядел он на дворфа в кандалах, – что мы делаем здесь с воришками.

– Нет-нет! Постойте! – задрожала та, отшагнув подальше, прикрыв, наконец, грудь правой рукой, когда к ней подходил поднявшийся с места некромант.

Длинноволосый мужчина разглядывал её, будто изучая. Его ледяной сиреневый взор врезался внутрь, заставляя дух трепыхаться, отделяясь от тела. Сосредоточенное лицо Бальтазара чуть исказилось напряжённым оскалом, движения пальцев творили чёрный и мерцающий изнутри дым вокруг роптавшего женского тела. Та сопротивлялась, готова была закричать и молить о пощаде, но вдруг застыла и выгнулась, как парализованная, будто бы в спину её пронзили копьём.

Обмякшие руки опали кистями, протянутые в сторону ковра. Нагая грудь была приподнята, спина выгнута колесом, а голова совсем потеряла опору расслабленной шеи, запрокидываясь куда-то назад. И вот, словно верхний слой её визуальных очертаний, с женщины сошла призрачная душа, повторявшая контур её тела. Нагой призрак, не содержащий в себе детальных ореолов одежды. Но мерцающая аура вокруг создавала ещё один полупрозрачный желтоватый слой поверх, будто в память о последнем наряде.

И вся это серебристо-золотая субстанция под неистовый предсмертный вопль, изданный несчастной и замершей в неестественной позе жертвой, начала впитываться некроманту в лицо. Он поглощал её испепеляющим сиянием фиолетового огня своих глаз, впитывая целиком, без остатка.

Несколько мгновений, и душа была вынута из тела несчастной, рухнувшей на ковры столовой бледнее снега, с почерневшими губами и остекленевшим взглядом. Вся её дрожь и волнение, словно заразная болезнь, тут же передались затрясшемуся от увиденного дворфу, чьи цепи застучали звеньями друг о друга, а сердцебиение в тишине можно было бы слышать с любого угла просторного обеденного зала.

– Теперь-то уж он должен нам помочь отыскать горн, – проговорил Себастьян барону-некроманту.

– Горн? – оживился дворф. – Отыскать горн?! Господа хорошие, я, быть может, и щипковым делам обучен, но зачем вам этот ключ, если я могу помочь со взломом замка? – приподнимались толстые лохматые брови синеглазого Коркоснека, всеми силами пытавшегося не заикаться, хотя голос весьма и весьма подрагивал.

– Ещё и взломщик? Хорош музыкант, – произнёс с усмешкой чернокнижник, слегка покачивая головой.

– Снимите кандалы, покажу интересное, – протянул гном свои руки в цепях к Себастьяну.

Тот, нехотя, не спрашивая одобрительного кивка у Бальтазара, всё-таки отомкнул широкие дуги сковывавших колец на толстых запястьях низкорослика, и тот, отойдя от стола на полшага, взял в руки свой ситар, какое-то время настраиваясь. А затем заиграл толстыми пальцами весёлую пляску, да так, что вилки с ножами на поверхности атласной поплёскивающей скатерти сначала задрожали, зашевелились и завертелись, сменяя своё местоположение, позвякивая о тарелки, чашки и полупустые блюда, с которых господа втроём уже разобрали разные закуски.

Когда бард перестал играть, все прекратилось. Он убрал инструмент за спину и подошел к хозяйскому столу, поглядывая на недоумевающих и переглядывавшихся господ. Те отметили, что сила вибрации и какое-то чародейство имеет место быть, а потому может отомкнуть механизм в башне и без ключа, однако же, не были уверены, стоит ли так рисковать.

– А если сами стены вдруг затрясутся? Пойдут трещинами, обрушатся на нас? – опасался Бальтазар.

– Или же замок завертится внутри не так, как надо, – заодно дополнил Себастьян.

– Будем крутить, пока не выкрутится. А стены, это совсем для иных заклятий, – гордо заявил им Коркоснек.

– Что ж это за магия-то вообще такая? Музыкальная, – удивился некромант.

– Хороший фокусник своих секретов не выдаёт! Ну что, пойдём пробовать или так и будем жуткой ночи дожидаться? – укоризненно поглядели на них васильковые большие глаза гнома.

– Не хотелось бы внимание привлекать, – проговорил виконт. – Но, с другой стороны, выйдем в потёмках, опять наткнёмся на фурию.

– Вот уж дудки! До неё надо успеть всё сделать, поторапливаемся! – махнул дворф, будто желал возглавить компанию и пойти первым, развернувшись и направившись от стола.

– Удерёт? Не удерёт? – тихо поинтересовался Себастьян у Бальтазара.

– Удерёт, – уверенно произнёс тот. – Хватать надо.

А Коркоснек и вправду шаг за шагом всё ускорялся, прокручивая в голове страшное убийство служанки, и потом вовсе перешёл на бег, стремясь поскорее выбежать из зала через другие двери, ближайšie к нему. Но к тем метнулась резвая тень, посланная некромантом, отчего створки вздрогнули, гулко щёлкнув в нанесённом на них тёмном очертании жуткой морды, заставив низкорослика остановиться и нервно сглотнуть, глядя на этот теневой театр.

Но затем ему на плечо легла рука Бальтазара, быстро оказавшегося сзади, словно намекающего, что от них ему просто так не уйти и не отделаться. Задышавшийся от испуга бард, сотрясаясь, повернулся к нему, пытаясь изобразить добродушную улыбку на своём

бородатом лице.

– Да чего ж вы? Я бегом вперёд, к этой вашей башне. А вы чего? Объялились и животы налёживаєте! Давайте-ка к делу поскорее! – демонстративно поднял он кулак, оправдывая своё бегство обычной спешкой.

– Да, вы только кое-что забыли, – движениями пальцев распахнул его боковой карман Бальтазар с помощью магии, не прикасаясь к ткани.

И взору предстали столовые приборы – ножи и вилки из начищенных до блеска дорогих металлов, которые недавно плясали по столу и были частично собраны и утаены здесь, пока они с Себастьяном переглядывались и обсуждали, что им делать.

– А! Так они ж попадали сами! Я-то причём! – хлопнул себя по лбу Коркоснек. – Это не я. Это всё музыка! Вот придём замки ломать, сами всё увидите! Хе-хе! – поглядел он и на некроманта, и на подходящего к ним Себастьяна, возвращая тому протянутые серебряные приборы.

– У меня есть одно поручение для вашего мальчика, и можем идти, – проговорил виконту некромант, сверкая аметистовым взором.

К башне данжеона они шли, обойдя особняк с противоположной стороны и скрываясь в зарослях роши, в которой народ опасался даже гулять. Нельзя сказать, что их никто не видел, однако кандалы с гнома были очень предусмотрительно сняты ещё на застолье, так что вид их троицы не шибко привлекал сейчас к себе внимание.

– Здесь три замка, – первым нарушил молчание виконт Себастьян ещё на подходе. – Дверь башни, вход в темницу и там внизу ещё, – пояснил он.

– Не страшно, просто дольше провозимся. Но, раз с нами некромант я, хе-хе, нечестии не боюсь, – заявил дворф, хотя весь его трясущийся и вспотевший вид выдавал совершенно обратное.

Благо он не знал, что местная нежить командам Бальтазара не подчиняется. Его не просвещали в подробности. Он мог даже не знать о летающей по ночам фурии, если мирно спал где-нибудь в это время в съёмной комнате, если только сам не слышал вчерашнего сражения в миниатюре, пронзающего до костей свиста, хлопанья крыльев и каких-либо местных легенд. Хотя за столом уверял всё же, что им нужно успеть «до неё», значит, так или иначе, был в курсе. Или испугался со слов господ упоминания такой твари.

– Итак, господа хорошие, разойдитесь-ка. Мне нужен конус, – чуть разведёнными руками показал он от себя пространство в сторону обитой досками металлической старинной двери.

Бальтазар и градоначальник встали у него за спиной на расстоянии в два шага. Попасть под чужую магию не хотелось, но и быть слишком далеко на случай, если этот проныра опять решит сбежать – тем более. Был, конечно, и вариант, раз они стоят близко, то он просто развернётся и собьёт их с ног, как уже было с некромантом буквально вчера, но тот тайно оплетал их бесшумным барьером на этот случай.

Звуковая или магическая волна сорвёт морок тумана, никак не задев их, скрывавшихся за вуалью, словно величественные недвижимые статуи или монолиты древности, которым следовало бы поклоняться. Предусмотреть всё они, конечно, не могли. Например, бард мог с размаху покрутиться на месте, задев их ситаром по головам. Инструмент, вероятно, повредится так, что шансов восстановить будет мало, зато убежать этот гном, скорее всего, сумел бы при таком раскладе.

Ветер шелестел в кронах так, что скрипели старые массивные сучья. Пения птиц в роще не раздавалось, будто даже всякая живность обходила эти проклятые места стороной. Ни щебетания, ни стрёкота белок, разве что насекомые периодически сновали по коре. Вальяжные жуки, сражавшиеся за самок, скидывая друг друга, вечно занятые муравьи, на которых с презрением поглядывал Себастьян, считая их аналогом имперских порядков, где с рождения за каждым закреплена его функция.

Оно и понятно, если нет птиц, способных склевать всё это многообразие членистоногих да выковырять из коры их личинок, значит, жучки-паучки найдут себе целое раздолье, пожирая друг друга и размножаясь на ветвях, листьях и кустарниках. Вероятно, где-то здесь могли быть осиные и пчелиные ульи, хотя до ушей не доносилось характерного жужжания. И, вероятно, к ним виконт относился бы с таким же отвращением, как и к муравейникам, хотя вот есть мёд он любил и с ближайших пасек всегда заказывал оный в своё поместье, как делали и многие другие здешние дворяне.

Хотя хищные вороны где-то там, в развалинах башни, гнездились. Но насекомым они шибко не угрожали, улетая отсюда в ближайшие леса за всякими грызунами, высматривая полёвок на полях и пастбищах подле города. Да и было их всего несколько гнёзд на самом деле.

То, что делал гном, относилось к какой-то загадочной и совершенно не человеческой магии. Движения пальцами, рунические символы, использование звука, как чародейского орудия, и музыкального инструмента в качестве катализатора вместо посоха. Пусть дворф был и не местный, но Сельваторск продолжал поражать и удивлять Бальтазара, впервые его посетившего, всеми своими нынешними обитателями от странной старушки до вот такого барда-низкорослика.

А самым интересным было то, что разрозненные брэнчанием его толстых пальцев аккорды и вправду складывались в полноценную мелодию. Пусть не похожую на те мотивы, что обычно играли странствующие артисты на площадях, и уж совсем не имевшую ничего общего с фоновой музыкой на пирах и званых вечерах аристократии. И, тем не менее, во всём этом была своеобразная жёсткая гармония, определённые закономерности, лиричные перепады и, куда важнее, воздействие на входной замок.

Что-то там скрипело и лязгало, постукивало и тёрлось друг о друга, пока со скрежетом старая дверь не отворилась перед ними, проехав на петлях и поднимая небольшую пыль своего внутреннего запустения. В лицо помимо этой дымки серости ударил мерзостный запах тлена.

Гниющая человеческая плоть скопилась где-то там внутри, все неуспокоенные с кладбищ прорыли за столетия себе ходы к подземным тоннелям и сейчас ждали к себе гостей. Не зная сна, усталости и голода, впрочем, в последнем наверняка нельзя было быть уверенным, они могли сколько угодно терпеливо охранять это место и отбивать костями ритм должного часа, когда к ним спустятся новые жертвы. И это ожидание неустанно полыхало внутри их мёртвых исчахших сердец.

И делать было нечего, вся троица зашагала внутрь, а Бальтазар предусмотрительно соорудил из пальцев серебристый сверкающий шар, порхавший впереди и освещающий им путь. На полу были отдельные кости и валявшиеся без нижней челюсти черепа. В некоторых кандалах виднелись останки рук, но это пока ещё была совсем не та нежить, что обитала в этом месте.

В подземелье вела округлая каменная дверь, чьи крупные петли казались столь плотными и могучими, что переломать их кувалдами выглядело бы наперёд тщетным занятием. Нужен был ключ, о чём свидетельствовала едва заметная и запылённая замочная скважина.

– Ну, мистер взломщик, продолжайте свою работу, – скрестил на груди руки Себастьян, а Бальтазар оглядывал изломанную винтовую лестницу, ведущую в верхние помещения тюремщиков и надзирателей.

Там же когда-то располагались и хранилища важных бумаг об узниках, кто, за что и на какой срок, с какими приказаниями по пыткам, кормёжке. Вероятно, была какая-нибудь комната для допросов, а ещё смотровая площадка, чей функционал был обособлен от темницы и призван приглядывать за порядком в городе, наступлением врага или возникновением каких-нибудь лесных пожаров, дабы вовремя обо всём таком подать сигнал страже, властям, жителям Сельваторска.

Дворф вновь начертил в воздухе руны, которые начали мерцать и пульсировать,

наливаясь металлическим золотистым блеском по мере его продолжительной игры. Струны резонировали с эхом полуразрушенной кладки, осыпая ещё больше пыли со щелей между блоками, распугивая стаи летучих мышей и птиц, что нашли себе здесь приют, но всё-таки взаимодействуя с тяжелой дверью.

В одиночку, быть может, Себастьян или Бальтазар даже не смогли бы поднять её без воздействия магии. За Коркоснека говорить было сложнее, он хоть и выглядел пузатым, был при этом широкоплечим и невероятно крепким, напоминая комплекцией богатыря-кузнеца из Яротруска по имени Родерик. У него тоже были тайные подвалы, и именно там нашёл для себя свой верный меч-клэйбэг барон Кроненгард.

Заклятье на этот раз сработало немного не так. Петли не выдержали и треснули, так что тяжёлая дверь обвалилась вовнутрь, раздавив собой с хлопаящими брызгами весь ворох собравшейся там под ней живой мертвечины, ожидавшей прихода гостей.

Запах гниющего некрополя стал ещё более тошнотворным. В зияющую дыру нырнул шарик света, а вторгшимся гостям, зажимавшим носы, пришлось по обломкам лестницы спускаться друг за другом в дьявольский склеп подземелья, ставший последним пристанищем и могилой для множества заключённых, среди которых была и последняя из рода Роарборх. Та самая Ребекка.

Но она была явно не среди скопившейся обезумевшей мерзости, как-то проникшей к самому входу. Раздавленные туши ещё трепыхались в луже собственных расплескавшихся останков, но поднять каменную плиту никак не могли. Дворф хотел бы развернуться от такого зрелища с торчащими обрывками бледной плоти и ошмётками мяса на шевелящихся высунутых из-под обвалившейся двери конечностях, но шагавшие за ним Себастьян и Бальтазар, разумеется, никуда бы его не выпустили.

Затхлый коридор из красного кирпича арочным вытянутым проёмом змеился пред ними, иногда разбегаясь на перекрёстках в несколько путей. Тут были кладовые, помещения с давно испорченной одеждой, среди которой в основном оказались мантии и рясы. Свечи и подсвечники, один из которых тут же взял в руку виконт, судорожно разыскивая и огниво, дабы поджечь фитили. Попадались какие-то ритуальные маски, диадемы и прочие носимые атрибуты-побрякушки для церемоний.

– Вот он, кабан, герб Роарборхов. Само имя рода, если расшифровать с древних языков, будет означать «ревущий вепрь», – показывал и рассказывал Себастьян, вода таки зажженными свечами подле запылившейся фрески.

Чем дальше они шли, тем отчётливей были слышны вопли и стоны бродящих здесь зомби. Но по правую и левую руки от них теперь уже располагались прочные приваренные к проёмам решётки, не позволявшие тем к ним пройти. Живые мертвецы алчно тянулись, постукивая зубами, пытаясь их схватить. Шагать можно было только чётко по центру друг за другом, в надежде, что протянутые руки не смогут до них добраться. И вся компания двигалась вперёд по этим подвалам некогда величественного замка, от которого за исключением тюремной башни уже над ними не осталось и следа.

– Стоять! – хватал за шиворот Себастьян гнома, оттаскивая от какой-нибудь ловушки.

То лезвия или копыя вылезали из стен при нажатии на подножную плиту. То под ними разверзалась пропасть с кольями, которую необходимо было перепрыгивать. Место скрывало немало секретов, приходилось быть внимательными и не попадаться в такие капканы.

Могильный холод будто бы отступал, несмотря на пугающее присутствие множества шевелящихся трупов. Здесь было тепло, как будто где-то рядом или под ними протекал

горячий источник. И всё же было довольно сыро, с запахами плесени, сырой земли и гнили, пронизывающими незримыми нитями весь воздух.

– Кстати, – заговорил вдруг Бальтазар, – вы мне сказали, что приваренные решётки ваших рук дело. Как же сюда проникли ваши мастера, если ключ был недоступен? – поинтересовался он.

– Ключ всегда хранился у чародея. Отец Киры был куда более сговорчивым. Он хотел покончить с тьмой, изгнать отсюда всю эту нежить. Но когда мы продвинулись вплотную к главному залу, на выходе его унесла и растерзала фурия. Открыть последнюю дверь его дочь отказывается. Вот мы почти к ней и подходим, – слегка вскинул виконт головой, как бы указывая вперёд.

В свете сияющей сферы и подрагивающего пламени трёх свечей золотого подсвечника красовалась ещё одна металлическая, но обитая также ещё слоем дерева дверь главного зала, повторяющая арочные контуры коридора, открываясь вовнутрь.

– Что ж, внутри должен быть легендарный горн, – произнёс Себастьян. – Играй, музыкант. Если поверья верны, эта последняя дверь.

– Как прикажете, ваше благородие, – взял Коркоснек снова ситар в руки с определённым воодушевлением.

Стены дрогнули, песок и пыль осыпались, зомби от резких звуков выли ещё протяжнее, словно им крайне не нравился концерт пришедшего к ним сюда не шибко-то по своей воле барда. Эхо подхватывало и разносило звуки по всем коридорам, не спотыкаясь ни о какие заслоны и плотные металлические решётки.

Вот только замок на этот раз не поддавался. Дворф чертил свои руны, даже обводил их кругом, будто это их должно усилить, направлял силу и энергию волшебной музыки напрямик на замочную скважину, раздавался скрежет защёлок, а та всё никак не поддавалась.

– Может, открылась, да слишком разбухла? Может, силой её надо? – предположил Себастьян. – Давайте, что ли, гурьбой, навались! – попытался он скомандовать, но воздух пронзил свист ярко-зелёной стрелы, угодившей в деревянную дверцу.

А потом та вспыхнула, взорвавшись им в лицо ярко сверкающей дымкой, заставившей вскрикнуть и зажмуриться. В глаза будто бы попали острым перцем, а в лицо пудрой из колючего толчёного стекла. Однако же ощущения эти в скором времени притупились и рассеялись вместе с чарами.

Протирая глаза, прокашливаясь и слегка постанывая, словно те же зомби, троица в дрожащем свете глядела, как к ним шагает разгневанная Кира, сверкая нефритовым взором из-под своего тёмно-болотного капюшона. Орлиный лук мерцал, переливаясь от едко-розового до небесно-голубого синхронными волнами от рукояти к резным крыльям.

– Какие же вы предсказуемые, – шумно выдохнула она. – Говорю ж, мужики все одинаковы... Мёдом вам тут что ли намазано? Как непослушная детвора забрели на свою голову безмозглую, навстречу приключениям...

– Бежим! – тут же предложил гном, хотя она как раз преграждала собой им путь в этом коридоре. – Ладно, не бежим. Какой у нас запасной план, братаны? А? А? – оглядывался он, переводя свой взор то на виконта, то на некроманта.

– Кто ещё предсказуем, – хмыкнул Бальтазар. – Так и знал, что ты появишься. Твоя записка меня не напугала, а почерк красивый, – отметил он. – Ветви деревьев подле башни скрипели так, словно ты там не одна, а собрала целую ораву в подмогу. Хруст крючков на

твоей обуви о кору я с той ночи узнаю из тысячи других звуков, – оскалился некромант в улыбке.

– Хорошая была ночь, подстрелила одного чернокнижника, – сурово отчеканила лучница.

– Она была бы куда ярче, если бы вы провели ту ночь вместе, – вульгарно и гордо заявил тот с игривой улыбкой.

– Мечтать не вредно, некромант. Оставь свои речи для глупышек из борделя. Барон вы там или холоп, мне всё равно. Вы хоть в курсе, что снаружи уже вечер? Вы пошли сюда не с утра, а после обеда. Устраивали концерты, шагали по башне, шарились по лабиринтам подземелий, ещё и заглядывали в разные комнаты с оставленным Роарборхами хламом! – возмущалась она. – Совали всюду свои любопытные носы, куда ни попадя. Аж стоять и ждать вас в темноте устала, уфф, – прорычала чародейка. – Затянули время так, что вскоре проснётся чудовище. И вчера вы что-то не слишком-то готовы были её побеждать.

– Чудовище?! – удивился бард.

– Ты вот здесь вообще зачем? – поинтересовалась Кира у музыканта.

– Ну, как! – воскликнул тот. – Я ж и прибыл в ваш Сельваторск, чтобы на легендарный горн посмотреть! Зачарованные музыкальные инструменты – моя страсть! – открыл он уже все карты, словно его зельем правды опоили. – Как услышал от господина начальника, что зовут в подземелье искать эту диковинку, тут же вызвался быть полезным!

– Глупец, – посмеялась над ним Кира, вышагивая ближе. – Горн – это печь. А не тот горн, в который дуют глашатаи.

– Что?! Да как так? – притопнул дворф от ярости. – Ну, я так не играю... – грустно ударил он по струнам.

– Открывайте, что уж встали, – неожиданно для всех бросила она им связку ключей с пояса, которые поймал хлопавший своими золотистыми глазами Себастьян.

– Вы что, передумали? – удивился тот такому повороту событий.

– Рано или поздно кто-то вскроет эту дверь. Местный, – посмотрела она на Себастьяна, – пришлый, – перевела свой взор на Бальтазара, – или взломщик, – опустились ярко-изумрудные женские очи на вздрогнувшего гнома. Пусть лучше это случится при мне. Я, в конце концов, наследная чародейка Сельваторска.

– Ей тоже нужна склянка, – перевёл всю эту пафосную речь на понятный язык Бальтазар.

– Ах, вы в курсе и об этом, – цокнул языком с досадой Себастьян, не посвящавший того в свои планы.

– Так я вам больше не нужен? – с надеждой поинтересовался Коркоснек.

– Ты нужен, как никогда, мой маленький друг, – положил руку ему на плечо Бальтазар. – Понимаешь ли, сила горна проклятьем рода Роарборхов подчиняет волю этих зомби. И я не могу их контролировать. Как бы понятнее выразиться... Их сознание уже занято другой магией. Нельзя налить вино в бокал, если он полон воды или молока, понимаешь? Да, на деле получится какая-то смесь, что-то выльется через край, но выветрить чужую магию можно будет, лишь добравшись до источника...

– Да вы спятили! – заверещал музыкант. – Я не умею упокаивать трупы!

– А их не надо упокаивать, глупенький, – звонко зазвучал голосок Киры. – Их надо развлечь, и ты знаешь прекрасно, что делать. Гипнотический танец под руны опьянения. Так ведь ты зарабатываешь свои деньги? Заставь их танцевать под свою музыку.

– Играй то, что играл в ритуал змеепоклонников, – припомнил Бальтазар ему Яротруск.

– Ох, это мы умеем, – нервозно произнёс Коркоснек, снова забренчав по струнам.

Остальные наблюдали за реакцией мертвецов, что в дальней части коридора позади них тянули свои руки сквозь квадратные прорезы толстой плоской спайки заграждений. Эхо подхватывало бойкую ритуальную мелодию. Она казалась ломаной, но симметричной, немного резкой, но оттого лишь более задорной.

И вскоре руки и ноги зомби задёргались в унисон в том же ритме. Едва ли это походило на человеческие танцы, скорее на какое-то странное подёргивание конечностями. Они плясали так, как только могут настоящие мертвецы. Но, главное, что воля их была целиком теперь подхвачена этой мелодией.

Себастьян подобрал из связки нужный ключ и распахнул тяжёлую дверь под своим напором, куда, впервые за долгое время, упал свет. Их впереди ждал небольшой коридор с рычагом, поднимавшим зубчатую решётку. И уже затем открывалась прямоугольная большая комната.

Пол, за исключением центральной каменной дорожки, был решётчатым, но очень старым. Здесь уже защиту от неупокоенных делали в незапамятные времена, а отнюдь не новые ремесленники Гадияров. Стены зала оказались буквально устланы костями и черепами. Отовсюду слышались завывания, однако толпы неупокоенных существ были во власти колдовской музыки причудливого ситара.

Дворф старался изо всех сил, судорожно поглядывая на внутреннее убранство. Бескрайний гобелен из человеческих обглоданных останков тянулся здесь по всем стенам и даже по сводам высокого потолка, будто всей компанией они оказались в гроте какой-то пещеры. Внутри пропадало ощущение сырости, было тепло, даже жарко. Вот только запахи царили ещё более немыслимые и тошнотворные. Киру едва не вывернуло наизнанку. Она встала, склонившись, пока остальные неуверенно двигались вперёд по каменным плитам, стараясь миновать решётки по краям.

А в самом центре на квадратном постаменте покоилось кубическое ритуальное горнило, в котором горел вечный огонь неизвестной магии, окаймляющий подвешенную там склянку, казалось, сделанную из стекла, но то бы давно расплавилось. Это мог быть горный хрусталь или что-то другое, ещё более загадочное. А внутри покоилась алая жидкость, похожая консистенцией на вино. Причём она не кипятилась и не бурлила внутри сосуда, а лишь охранялась пламенем, которое не было над ней властно.

– Вот тебе и горн, – заявила чародейка, распрямляясь и протирая влажные губы свободной от лука ладонью.

– Угу, – недовольно буркнул дворф, с досады наяривая по многострунному инструменту.

В дальнем конце зала виднелся чёрный ход в последующие подземелья, а от него к центру шла такая же симметричная дорожка из блоков. Бесовской смрад в алчном танце огня переполнял помещение. На костяных стенах вновь двигались тени от внезапных гостей, а куб горна, казалось, ухмылялся своим пламенем, словно бросая им вызов – попробуй, мол, теперь дотянуться до вожделенной добычи.

– Проклятый ритуальный зал, – осматривала Кира не столько склянку, сколько стены. – Здесь Роарборхи поколение за поколением творили свои омерзительные богослужения. Сюда приводили арестантов и просто жертвенных по жребью людей на ритуальные заклятия. пытки, изнасилования, сдирание кожи, кровопускание – всё в своём самом безумном апогее, не укладывающимся в головах простых жителей. Никто не верил в такие

слухи. Никто не предполагал, что они на такое способны. Но здесь отрезали человеческие части, жарили на огне и придавались ритуальному каннибализму, – морщилась она, читая кости на стенах, словно фрески какого-то воистину дьявольского храма.

– Дом боли, дом отчаяния и агонии, так они называли это место, – проговорил и Себастьян. – Здесь мучили людей так долго и умело, что они должны были сами умолять о смерти – жертва обязана быть добровольной. Их кормили собственным мясом. Угрожали привести сюда их детей, расправиться с теми у них на глазах. А, может, даже и приводили. Поди теперь разбери, чьи это всё кости! Бесчеловечные служения богу огня проводились здесь на разные празднества. Под его благословением Сельваторск и процветал.

– Ему как-то пытались скормить и меня, – глядел на пламя Бальтазар, словно на давнего знакомого, а скорее даже на заклётого врага.

– И даже когда Роарборхов самих больше нет, – продолжал виконт, – здесь всё ещё полыхает огонь их душ во славу божества. Они всё ещё подчиняют живых мертвецов собственной воле, заставляя прислуживать.

– А ещё говорят, что это тьма приносит с собой смерть, – усмехнулся на это некромант. – Вот он, бог света и огня, лучезарный Молох, дающий всходы и урожаи, но требующий за это безмерную кровавую дань. Тварь в сверкающей огненной короне. Чудище с головой вепря, вампирским хоботом, тянущимся из пятака, серпами клыков и громадным пузом с бурлящим непомерным голодом, не имея жалости ни к кому из живых. Вовсе дело не в фамилии рода, герб Роарборхов посвящён его рылу и бездонному аппетиту. Бойтесь богов, свет приносящих, ибо несут они, разгоняя мрак, лишь погибель, – процитировал он один древний запретный текст.

– Что ж, есть идеи, как достать вообще эту вещицу? – поглядел на окружённую короной инфернального пламени склянку нынешний глава города.

– Некромант только что всё сам сказал, – нехотя процедила Кира, будто той всё это не нравилось. – Пламя – это свет. Здесь всё так устроено, что попытки его залить, затушить, даже окропить жертвенной кровью или какой иной жидкостью ни к чему не приведут. Такой жар испаряет любую воду ещё на подлёте струй. Ни ледяное колдовство, ни искусственные дожди от стихийников вам здесь не помогут. Но тьма... Помните, что огонь – это, в первую очередь, всепожирающий вечно голодный свет, – поглядела она на Бальтазара, как будто умоляя его не совершать то, что тот задумал.

– Там немало, на четыре глотка хватит, – прикинул чернокнижник, поглядывая на склянку и путешествуя фиалковым взором по остальным.

– Гному не нужно, мы наняли его за монеты и сохранение жизни, – заявил ему Себастьян.

– На три хватит тем более. Бессмертия не обещаю, но разделить этот мир на троих, не самая плохая идея из возможных, – размышлял вслух некромант.

– Вот и я так считаю, – уверенно кивнула Кира.

– Сейчас весь свет вокруг померкнет, а мертвецы никуда не денутся. Пусть дворф играет громче, заставляя их плясать, пока мы добираемся до артефакта! – велел Коркоснеку виконт.

– Стараюсь, как могу! – огрызнулся тот, хмуря кустистые брови. – Бренчу для вас, не покладая рук, а вы даже пойлом не делитесь! – негодовал Коркоснек.

– Тебе такое и не понравится, – хмыкнула Кира. – Потом, как всё... Если всё удачно закончится, угощу тебя в трактире, чем захочешь. Всё бери задаром и бочонок с собой укатывай, куда дальше путь держать вздумаешь.

– Подготовь свои стрелы, если низкорослик предаст нас и перестанет играть, – шепнул Себастьян своей чародейке.

– Если он перестанет, его сожрут первым, – сверкнула она глазами на него. – Ты ведь осознаешь, да? Бальтазар – некромант, он придумает что-нибудь для обороны. Я городской чародей, я бьюсь с нечистью каждую ночь, защищая здесь мирных граждан, задержавшихся на улицах после заката и охраняю подступ к деревне с ближайших лесов. А Себастьян... Он ближе всех к дальнему коридору, по крайней мере, – выставила она своего городничего беспомощным в такой ситуации. – Но первым сожрут музыканта. Смотри, какой пухленький, на всю толпу хватит, – запугивала она его. – Кусок за куском, как думаешь, есть в мире смерть страшнее, чем быть заживо сожранным?

– Определённо нет! – взвыл перепуганным голосом вздрогнувший от одной только мысли о подобной кончине Себастьян.

– Вы б уже делом занимались, блин, – ворчал дворф. – То вор им нужен, то взломщик, теперь музыкант! Повезло вам, что я такой весь молодец, три в одном! Другого такого не сыскали бы по всему свету! Неблагодарные...

– Ничего-ничего, получишь золотом свою плату, если невредимыми отсюда выберемся, – теперь уже виконт похлопал его по массивному плечу.

– Приступаю, – предупредил всех некромант, заодно погасив и свою мерцающую и парящую в воздухе сферу лунного света. – Там ли ты? И знаешь ли, что мы задумали? – шептал он уже мягким голосом самой царице-тьме.

– Гаси свет, некромант, – звучал уверенный голос виконта Себастьяна. – Делай то, что лучше всего умеешь. Затужи последний огонёк души предшествующего правящего рода.

Кружа ладонями, словно грея руки у горнила, барон-чернокнижник начал создавать непроглядную потустороннюю черноту, потоками загадочных волн окутывавшую потрескивающее и воющее пламя. Это не было похоже ни на дым, ни на дёготь, ни на вороное оперение. Совершенно иная космическая субстанция, приходящая извне. Из глубин его души и разума, сплетаясь в абсолютную гулкую первородную тьму.

В ней должны были мерцать колючие звёзды, переливаться туманности, но ничего этого Бальтазар не создавал. Первичный ледяной мрак, существовавший ещё до первого блика, охватывал здесь всё, впитывая свет, растворяя и поглощая его в ничто, заставляя и некроманта, и всех остальных даже задержать дыхание, содрогаясь от окутывавшего вязкого холода.

Первыми погасли огни свечей у Себастьяна. А затем стало затухать и пламя в горне. Отсутствие воздуха не позволяло огню гореть дальше. Истинная тьма пожирала свет, пронизывая танцующие полыхавшие языки, убивая их, срезая их весёлую пляску, умаляя в размерах до последних сверкающих капелек, испустивших вскоре последний вздох.

Замолк даже ситар, ибо в абсолютной глухой тьме не мог распространяться звук. Но уже через мгновение всё рассеялось, как будто морока и не было вовсе. Тьма вошла внутрь Бальтазара, склянка покоилась в его руках, никак не обжигая. А завращавшиеся вокруг него свежесотворённые вспыхнувшие сферки серебристыми светлячками освещали зал, в котором вновь слышались звуки нервной ритуальной музыки и шум дыхания четвёрки гостей. Ведь они, в отличие от прочих обитателей это места, не являлись ожившими мертвецами.

– Это было самое ужасное, что со мной случилось... Я будто утонула в чёрном холодном озере. Нет, даже в вязком болоте, в обволакивающей трясине, аж мышцы свело! – жаловалась Кира.

– Какое знакомое чувство, однако, – усмехнулся некромант, вспоминая последствия их битвы в лесу.

– А-а-а-а! – вскрикнула она вдруг, тут же отпрыгнув на шаг и направив три заряженные стрелы в мерцающем луке в дальний край комнаты.

Там, в чёрном проёме, куда взглянули все, включая отвлекшегося и тоже вздрогнувшего дворфа, стояла высокая фигура в чёрном плаще, скалящаяся на них из мрака подземелья с бледного и лысого лица. Худощавый носферату с острыми ушами, морщинами, складками под почти лишёнными век глазами, свирепо глядел на них, облизывая сиреневым языком свои длиннющие верхние и нижние клыки.

– Какого дьявола... – попятился Себастьян, едва не угодив в цепкие лапы мертвецов. – Это ещё кто?!

– Сам Волдриани явился за своей кровью, – дала ответ Кира.

– Неужто? – сощурился Бальтазар.

– Я долго ждал, пока кто-то осмелится явиться сюда. Я долго думал, как обойти все ловушки и загасить жертвенное горнило Роарборхов. В благодарность за то, что вы сделали, я сохраню вам жизнь. На время. Вы можете идти, если сейчас же добровольно отдадите мою склянку, – заклокотал его загробный стрекочущий голос перезвонами колоколов дряхлого некрополя, в котором старость смешивалась с гордыней, а окружающее эхо делало сей тембр ещё более зловещим и устрашающим.

– Что ж, придётся пить зелье, пока господин вампир не добрался до нас, – шепнул своим спутникам Бальтазар, не отводя глаз с бледной фигуры с чёрно-фиолетовыми приоткрытыми губами.

– Вы же, как настоящие мужчины, пропустите даму вперёд, – протянула Кира руку за склянкой.

– Нет уж, она выпьет всё. Я ей не доверяю, – процедил Себастьян, не желая, чтобы той достался полный сосуд.

– Это ты выпьешь всё разом, ни с кем не поделившись, алчная ты дворянская морда, – фыркнула та. – Пока ты споришь, мы только время теряем.

– Не совершайте глупостей! Вы все прекрасно знаете, что эта кровь моя по праву! У вас нет ни шанса претендовать на содержимое сокровенного сосуда и бросать вызов самому Волдриани! – горели красные глаза носферату.

– Каждый по глотку, – медленно проговорил Бальтазар и передал склянку с кровью в руки чародейке.

– Что ты творишь, это наша погибель! – хлопнул его по плечу недовольный Себастьян.

– Дамам полагается уступать, разве нет? Мы ведь благовоспитанные аристократы всё-таки. Пропустим вперёд, пусть выпьет первой. Чародейка слишком чтит честность. Ты бы слышал, что она там говорила о фурии и вселенской справедливости... – начал оправдываться некромант.

– Именно! – заявила им Кира грозно и уверенно. – И самым справедливым будет уничтожить такую вещь! – со всей силы бросила она склянку о каменную плиту под собой, да ещё опустила сверху ногу под дождь разлетевшихся алых брызг и мелких осколков.

– Не-е-е-ет! – хором закричали и Себастьян, и сам Волдриани.

Но если первый, хватаясь за голову, от отчаяния рухнул на колени, то другой из тьмы рванул к ним, склонившись над алым пятном. Древний вампир фантачино пытался фиолетовым длинным языком с камней слизать последние останки, скобля длинными

белыми ногтями по плитам и железным решёткам с мерзостным звуком. А к этому ещё добавлялся хруст и скрежет стекла разбившейся колбы.

– Поди прочь, темнейшее отродье! – засверкали жёлтым и белым наконечники стрел чародейки, отпугнув скалящегося вампира.

Тот зарычал, оскалив свой чудовищный рот, закрылся плащом от яркого света и метнулся обратно в даль комнаты, во тьму соседнего коридора, откуда прибыл, сверкая красными глазами от переполняющей его ярости.

– Что ты наделала! – вопил Себастьян.

– Вы ещё познаете мой гнев, – обещал поквитаться носферату, поглядывая на всю четвёрку, будучи неподвластным чарующим и гипнотическим мелодиям барда в отличие от остальной нежити.

Бледное существо с гладкой головой скрылось во мраке, уносясь прочь из подземелья в каком-то неведомом направлении. Роарборхи или ещё более древние строители этих тоннелей наверняка имели для отступления дворянства при штурме выход в ближайшие леса, а то и к рекам, чтоб по ним сплавиться на лодках и плотах.

Бальтазар со спокойным видом глядел на лужицу от упавшей склянки. Кира сбрасывала в решётку слева от себя осколки, создав луком небольшой ветерок, подсушивая поверхность и разгоняя возможные капли, дабы они не собирались в каких-нибудь неровностях или бороздках.

– Можешь уже не играть, музыкант, – проговорил барон, похлопав того по соломенной шляпе.

– А? Чего вдруг? – замолк сразу Коркоснек явно с очень усталым видом.

– Едва пламя горна погасло, души и призраки рассеялись. Род Роарборхов потух навсегда и заклинание, имевшее контроль над местными трупами, окончательно спало. Развеялось. Теперь я могу их упокоить по склепам и могилам, – сконцентрировался Бальтазар, направив свои руки в стороны и сосредотачиваясь на ауре местной земли.

– Ну, я тогда потопал делать ноги, знаете ли! – сообщил Коркоснек. – Встретимся лучше снаружи! – спешно побрёл он прочь, ударив по струнам, окружающая себя чем-то наподобие рунической защиты: рыжеватым шаром из восьмиугольников, не желая здесь оставаться после всех увиденных и услышанных ужасов, да ещё и запах тлена ведь никуда не делся, находится внутри с каждым мгновением было всё труднее.

– В ловушки не попадись там, пузатый, – с усмешкой бросил ему некромант, стоя с прикрытыми глазами и расчищая дворфу дорогу, разумеется, не лично для него, а просто подчиняя своей воле местных мертвецов, заставив расползаться из катакомб на кладбище, откуда будет удобно их забрать при необходимости себе на службу.

Те, что были придавлены второй дверью на пути сюда, просто более не подавали признаков жизни, распластавшись под тяжёлым каменным весом навеки и не могли уже хватать за ноги замешкавшегося гнома, когда он подойдёт к полуразрушенной лестнице. По той, правда, ещё предстояло толстяку как-то подняться, но, быть может, судя по его прыткому бегу, он был куда проворнее, чем казалось по комплекции, а, может, у его волшебной музыки было что-нибудь и на такой случай. Песнь высокого прыжка или возвышающая мелодия полёта, левитации, подъёма вверх.

– Чёртова тварь! – Себастьян озлобленно рванул к лучнице, не желая прощать ее выходку.

В мгновение ока он схватил чародейку за горло и пронес в самый конец зала, к проему

из которого они пришли. Губы его гневно кривились, глаза горели пронзающим до глубины души недовольством, переросшим в настоящий всплеск гнева, изливавшегося на ту мёртвой хваткой.

Она хотела его оттолкнуть, засверкав луком, но тот с силой ударил её по рукам и выбил красивое эльфийское изделие, отлетевшее ещё дальше. Глаза её слезились от борьбы и нехватки воздуха, сияли ярко-зелёным в попытках создать раскат магии, но мужские пальцы сдавливали хрупкую шею так сильно, что девушка не могла даже колдовать. Он явно намеревался задушить её за содеянное здесь и сейчас. Пока гном удрал, вампир отправился восвояси, а некромант занят своими заклинаниями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/450>